

ФИЛОСОФСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

---

А.Н. Книгин

# ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

*Учебное пособие*



ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ  
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ  
Философский факультет**

**А.Н. Книгин**

**ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ**

*Учебное пособие*

Томск  
2009

**УДК 17**  
**ББК 10.25**  
**К 53**

**Книгин А.Н.**

**К 53** Теория познания: Учебное пособие. – Томск: Томский государственный университет, 2009. – 248 с.

Пособие включает в себя основной материал одноименного курса, разработанного автором, вопросы для повторения к каждой теме, тесты для самопроверки, для тренинга и компьютерного тестирования по программе «Тестилка», предметный указатель, указатель имен и списки литературы.

Для студентов специальностей «социология» и «социальная работа» философского факультета, изучающих курс «Теория познания» Издание может быть интересно всем, изучающим философию.

**УДК 17**  
**ББК 10.25**

**Рецензенты:**

д-р филос. наук, проф. *В.Н. Сыров*  
канд. филос. наук, доцент *Н.В. Поправко*

## ВВЕДЕНИЕ

### Чем теория познания может быть полезна социологу и социальному работнику?

В 1993 г., покидая кафедру социологии и социологии права Белефельдского университета, которую он возглавлял 25 лет, знаменитый социолог Никлас Луман выступил с докладом. По существу, это был наказ социологам – преемникам и последователям. Мы не раз обратимся к этому документу, так как он очень показателен во многих отношениях, существенных для нашего курса.

Начнем с того, что Луман дает наказ *не социологический, а гносеологический (теоретико-познавательный)*. Это весьма симптоматично. В докладе обсуждается актуальнейший (по мнению Лумана) вопрос о том, как социология должна разрешить возникшие в ней *гносеологические трудности*, чтобы сохраниться в качестве единой науки. Доклад был озаглавлен (и заголовок сохранен в публикации) «“Что происходит?” и “Что за этим кроется?”. Две социологии и теория общества». Луман указывает на *парадоксальную* ситуацию в социологии, собственно, в *двух* социологиях: одна отвечает на вопрос «Что происходит?», другая – на вопрос «Что за этим кроется?». «Трудно сохранять единство дисциплины, когда вопросы столь различны», – пишет Луман. А *не единая* социология не дает единого образа общества как целого.

Мысль кажется понятной, но: любому человеку, знакомому с философией и её разделом – теорией познания, покажется парадоксальной вовсе не ситуация в социологии, а сама постановка вопроса Луманом. Дело в том, что описанная Луманом ситуация совсем не специфична только для современной социологии. Это классическая гносеологическая проблема, которую философы зафиксировали и начали решать ещё в Античности. Чтобы понять это, достаточно подумать о том, какой *смысл* вкладывает Луман в свои два вопроса. Тут можно применить его собственную терминологию: заданы два вопроса – а что за ними кроется? Так вот, вопрос «Что произошло?» на философском языке равен вопросу «Что нам дано эмпирически, что мы наблюдаем как явление действительности?». А вопрос «Что за этим кроется?» на философском языке равен вопросу «Какие невидимые нам причины, законы, структуры, количественные параметры обусловили то, что произошло?». Это постоянные вопросы любой науки, да и в обыденной жизни мы их часто ставим. В самом абстрактном философском виде этот вопрос выражает стремление человека *за явлени-*

*ем увидеть сущность*, в многообразии увидеть единство, в кажущемся хаосе происходящего раскрыть внутренний порядок, закон, *логос*, как говорили античные философы. Лунные затмения происходили и в античные времена и в еще более ранние мифологические. Наблюдаемое лунное затмение – это *то, что произошло*. Кто-то принял это как факт, и всё. А кто-то другой – любопытный – задался вопросом: что за этим скрывается, какое другое, нам непосредственно невидимое, событие или обстояние дел? *Появление таких вопросов и означало начало научного мышления*. И неважно, что первоначально на них давались ненаучные ответы. Важно, что такие вопросы появились. Так причем тут *современная социология*, что такого нового в этом отношении в ней появилось? Ничего кроме того, что социологи стали осознавать: не определившись в решении старых *гносеологических* проблем, нельзя определенным и рефлексивно оправданным образом решить *социологические* проблемы.

Рассмотрим ещё один *парадокс* Лумана. Используя идею современного немецкого философа Готхарда Гюнтера, он указывает, что в мире есть части, обладающие *большой рефлексивной* мощностью (попросту говоря, *познавательной* мощностью), чем сам мир. Соответственно, и в обществе как целом есть такие центры, и один из них – социология. Эта рефлексирующая часть не схватывает целое, искажает его, возникает проблема истинности конструируемых идей. Разумеется, это представление верно. Но тут тоже нет никакого нового парадокса. Это старая *гносеологическая* проблема. В истории философии предложены различные варианты её решения. Наиболее современные из них – предложения герменевтики и учения о категориях, касающихся диалектики части и целого, преодоления герменевтического круга.

Луман остро формулирует вопрос, ответ на который призван разрешить парадоксы: как и зачем в социологии знание о том, что скрывается, вводят обратно в общественный мир фактов?

Рассуждения Лумана свидетельствуют: *гносеологическая* (теоретико-познавательная) рефлексия *на*сущно нужна современному социологу-теоретику. Социологу-практику *не*бесполезны будут выработанные теорией познания общетеоретические характеристики научно-организуемого познавательного процесса.

Любой человек с детства и до глубокой старости, живя и наблюдая окружающее, общаясь с другими людьми, читая книги и журналы, смотря телевизор, участь в школе или вузе, что-то *узнает* о мире, получает о нём разнообразные *знания*. Этот вполне обыденный и повседневный процесс обозначается термином *познание*. Обычному человеку понимаемое таким образом познание не представляется чем-то неясным или таинственным.

Однако *рефлексирующая* мысль (философы античной Греции) увидела в познании целый ряд *проблем*: например, какие способности человек использует в этом процессе, всегда ли получаемые знания соответствуют действительности, как отличить соответствующие действительности (истинные) знания от *не* соответствующих (ложь, заблуждение) и т.п. Рассмотрение подобных вопросов занимало уже первых греческих философов и получило позже название *теория познания* (=гносеология).

*Теория познания* – один из основных разделов философии наряду с *онтологией* и *антропоаксиологией*. Вопросы, касающиеся познания, в философии называются *гносеологическими*. Будучи поставлены в античной философии, они сохранили свое значение в составе философских представлений на протяжении столетий до настоящего времени. При этом понимание познания, его природы, его возможностей и границ изменялось. Существовали (и продолжают существовать) различные взгляды на этот предмет, существовало и существует немало трудностей в решении гносеологических вопросов. Одна из идей гносеологии XX в. заключается в том, что *формы и законы познания историчны*. Отсюда делается вывод, что принципы гносеологии, не имеют *нормативного* (то есть *обязательного*) *характера*. Но в этом случае возникает вопрос: может ли быть гносеология чем-то полезной для *не философа* – инженера, ученого, социолога-практика и т.д. В данном курсе мы будем исходить из того, что, по крайней мере, некоторые из идей гносеологии, будучи широко признанными, имеют *нормативный* характер и *могут* быть полезны представителям различных отраслей познания.

Настоящее пособие предназначено *не для философов*. Поэтому внимание сосредоточено не на спорных и проблемных темах, а прежде всего на том, что может быть практически полезным для представителей конкретных областей познания и практики в их профессиональной деятельности. Хотя, конечно, и общие вопросы, и некоторые проблемные вопросы будут обсуждены. При этом мы будем руководствоваться принципом *слова имеют только тот смысл, который мы в них вкладываем*. Поэтому споры вокруг слов – бессмысленны. Просто надо договариваться, какой смысл мы будем вкладывать в те или иные термины, в том числе ключевые для гносеологии: знание, познание, истина, отражение и т.п.

В разговоре о познании важно не смешивать *проблемы познания* и *проблемы сознания*. Это разное. Сознание – исходное экзистенциальное качество человека, благодаря которому человек есть человек. Но благодаря ему же он *способен познавать*. Человек – существо *познающее*, так как он – существо *сознающее*. Познание – это процесс, происходящий в *сознании*, а сознание наполняется содержанием *посредством познания*.

Связь сознания и познания неразрывна и органична. Тем не менее *проблемы познания* и *проблемы сознания* – это разные проблемы. Сознание изучается в иных категориях, чем познание.

*Гносеологию* следует также отличать от *методологии* как области философского мышления. Проблемы методологии науки представляют собой (по крайней мере, с точки зрения некоторых философов) некий *регион*, или *аспект*, теории познания.

Наконец, не следует смешивать гносеологию с теми вопросами познания, которые разрабатываются в конкретных науках с целью понять, как идут и должны организовываться процессы познания в их особенной области. Во многих науках существуют обширные курсы типа «Методы теоретической физики» или «Методы аналитической химии», в которых обсуждаются именно эти вопросы. Не исключением является и социология. Также по теме «Методы социологических исследований» проведено немало научных изысканий и написано много учебной литературы. Наш курс не рассматривает подобные вопросы и не подменяет разработки физиков или социологов. Данная работа – не научное исследование, а учебное пособие. Однако усвоение философских идей, касающихся познания, позволит серьезному студенту самому более вдумчиво и свободно отнестись к рекомендациям по методам социологических и вообще социальных исследований.

Для обозначения дисциплины, представленной в данном пособии, мы будем употреблять как *равнозначные* три термина: *теория познания*, *гносеология*, *эпистемология* (соответствующие прилагательные: теоретико-познавательный, гносеологический, эпистемологический). В литературе они иногда различаются, но для нас это не существенно. Мы будем их употреблять, принимая во внимание, каким термином пользуется тот или иной упоминаемый нами автор, а также исходя из стилистических соображений.

# 1. ОСНОВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ФИЛОСОФСКОГО ЗНАНИЯ

В повседневной жизни человек различает свои состояния, обозначаемые словами «знаю» и «не знаю». Он или *знает*, как делить большие числа «столбиком», или *не знает* и отдает себе в этом отчет. В первом случае он *имеет знание*, во втором – не имеет. И ему кажется, что он знает, *что такое знание, что значит «знать» и «познавать»*. Познание – это получение знания. Но что такое знание? Поставив такой вопрос перед собой, мы вдруг понимаем, что не знаем, во всяком случае, отчетливо, что такое знание. И это вполне объяснимо. Дело в том, что «знание», в отличие от «знаю», – не обыденное слово, а *философский термин*, который обозначает не столько субъективное состояние человека, сколько некоторое отношение человека (не моё только, а вообще человека) к миру, а такие вопросы люди в обыденной жизни не решают. Поэтому вложить в это слово («знание») какой-то разумный и отчетливый смысл можно только в контексте философского рассмотрения человека и его места в мире, отношения к миру, с чего мы и начнем наше знакомство с теорией познания.

## 1.1. Три аспекта отношения человека к миру

Если исходить из положения М. Хайдеггера, что философия – это вопрошание об отношении *цельного человека к цельному миру* (а это весьма удачная характеристика философии), то естественным станет вопрос о возможных *различных* аспектах или типах такого отношения.

Под *миром* будем понимать не только *физическую природу*, но также и *социальный мир*, то есть социальные отношения, и структуры, и *духовный мир*, то есть объективированные продукты человеческого духовного творчества, духовную культуру (например, произведения искусства). В повседневной жизни любой человек «ощущает» этот мир *существующим независимо от себя*, а себя знает и мыслит *живущим в этом мире и противостоящим ему*. Человек действительно *противостоит* миру как существо, не сводящееся к своей телесности, как *сознающее* существо, как *субъективность*. Только в этом отличии и противостоянии осмысленно говорить об *отношении* человека к миру.

Живя в мире, человек *осваивает* его *практически и познавательно*, а также непосредственно *переживая* его. *Это и есть три типа отношения*



человека к миру: *практическое, познавательное и экзистенциальное*. Рассмотрим их.

### *1.1.1. Практическое отношение*

Практическое отношение означает такую *включённость* человека в *физический, социальный и духовный мир*, в которой человек *изменяет мир, а мир изменяет человека*. В практическом отношении человек или *изменяет* компоненты мира, или *потребляет* их. Наиболее очевидной формой такого отношения является *материально-производственная деятельность*, которую люди осуществляют совместно и благодаря которой возникла так называемая *«вторая природа»*: города и поселки, культивируемые поля и сады, дороги и средства транспорта – всё, чего не было в природе до человека. Человек привносит в мир также и *социальные объекты* (например, государство или научные институты), и *духовные объекты* (например, произведения разнообразных искусств и наук). Создавая все это, человек изменяет природу, но тем самым изменяет и себя.

Животные потребляют элементы мира, так как питаются, дышат и т.п. Но человеческое потребление отличается от животного.

Во-первых, животные потребляют лишь физические, вещественные элементы мира, а человек – еще социальные и духовные, созданные им самим. Например, делая покупку в магазине, человек потребляет (использует) некоторые свойства такого *социального* института, как торговая точка. Читая роман или созерцая произведение живописи, человек потребляет *духовные ценности*.

Во-вторых, потребление животного строго *определено инстинктом и ограничено*, потребление человека допускает *выбор и не имеет заранее положенной границы*.

В-третьих, потребление человека может быть *духовным*: например, созерцая красивый закат, человек потребляет не физический элемент, а *красоту* природы, испытывая *эстетическое* чувство. Для животного в природе нет красивого и некрасивого, лишь полезное и вредное, привлекающее и опасное (отпугивающее).

Кажется, что некоторые животные, как и человек, *изменяют мир под свои потребности*, например копают норы и выют гнёзда. Но подобные их действия инстинктивны и принудительны, они не могут не совершаться в определенных условиях. В этом смысле они аналогичны не сознательным действиям человека, а бессознательному действию стихий. Скажем, сильный порыв ветра ломает ветви деревьев или даже валит целый

лес. Но это – не создание чего-то нового в природе, а естественный процесс её обычной жизни. Природа не статична. Отдельный порыв ветра, ломающий деревья, и отдельное действие животного, копающего нору, *не изменяют мир*, это просто и есть бытие мира в данной пространственно-временной точке. Совсем другое дело, когда человек изменяет русло реки, создает водохранилище, перекрыв реку плотиной, или создает печь, в которой «прячет» и ставит под контроль огонь. Или делает обыкновенный грифельный карандаш. Или строит стоэтажное здание. Во всех этих случаях человек *изменяет мир* в том смысле, что создаст нечто такое, что в естественной природе, *только по её законам*, не возникает и *не может возникнуть*.

Конечно, человек не изменяет *законы* природы. И в этом смысле он не может изменить мир. Но он изменяет «вещи» мира и создает новые «вещи» (вещи в самом широком смысле – от, например, стула или печки до романа, спектакля, полицейского участка или научного института). В этом и заключается практическое отношение. В философии оно является предметом *праксеологии*. Эта дисциплина – так, как она сейчас представлена в литературе, – относительно конкретная, частная и не входит в *ядро философии*.

### ***1.1.2. Экзистенциальное отношение***

Экзистенциальное отношение заключается в *переживании* человеком мира, *открывающегося* в практическом и познавательном отношениях. В экзистенциальном отношении человек выступает как *знающая себя жизнь*. Она отлична от мира, но и не отделима от него. Это – бытие человека как *экзистенция*, когда человек *чувствует* свою *включённость* в мир, в его структуры и события. И *одновременно* это есть двойное чувство: и *связанности* обстоятельствами, и *свободы* выбора своего поведения, своих поступков, стиля жизни и т.п. В экзистенциальном отношении формируется и выражается *мирочувствование*, наполненное значимостями и ценностями.

Экзистенциальное отношение является предметом *философской антропологии* и *аксиологии*. Мы обозначим всю эту область единым термином *антропоаксиология*.

### ***1.1.3. Познавательное отношение***

*Познавательное отношение* – это духовное освоение мира человеком. Оно заключается в том, что человек как бы *вбирает мир в себя* (интериоризирует его) в виде *образов, представлений и идей*, которые образуют

основной каркас внутреннего жизненного мира личности. Это отношение не статично, оно есть *процесс*, и этот процесс называется *познанием*. Продуктом познания является знание.

Познавательное отношение отличается от практического тем, что *в нем изменяется не мир, а сам человек*: его сознание обогащается новыми сведениями о мире. При этом, однако, если рассматривать мир *вместе* с человеком, то знания – и в субъективной форме образов сознания, и в объективированной форме в виде текстов – тоже есть *нечто новое* в мире, чего нет и не может быть вне и до человеческой познавательной деятельности. И в этом смысле познавательное отношение тоже есть отношение, изменяющее мир.

*Познавательное отношение является предметом гносеологии (теории познания, эпистемологии).*

#### ***1.1.4. Соотношение практического и познавательного отношений***

Может показаться, что практическое и познавательное отношения самостоятельны, не зависят друг от друга, но это не так. Они лишь *относительно* автономны.

В своей *целенаправленной сознательной* практической деятельности человек использует *представления* (знания) о мире. У него есть также *аналоги представлений на бессознательном уровне (неявное знание)*, на которые человек бессознательно опирается в своих действиях и поступках.

С другой стороны, в реальном потоке жизни, *потребляя* компоненты мира, а тем более *изменяя* их, мы одновременно и *познаем* их (независимо от нашей воли и намерений). Более того, мы не можем познавать мир, не вступив с ним в то или иное *практическое* отношение, то есть так или иначе не потребляя и не изменяя его. На высшем уровне философской абстракции практическое и познавательное отношения, по сути, можно считать лишь *сторонами, аспектами единого процесса* взаимодействия человека с миром.

Практическое и познавательное отношения в совокупности образуют состояние *мирознания* – внутренний жизненный мир личности, в котором, собственно, и живет человек.

## 1.2. Место гносеологической проблематики в философском знании

Основными составляющими философского знания являются *онтология, антропоаксиология и гносеология*.

### 1.2.1. Онтология

*Онтология* – это учение о бытии. Бытие «присутствует» во всех трех типах (аспектах) отношения человека к миру. В качестве философского учения *онтология* в разные эпохи и в разных конкретных учениях различным образом понимала свой предмет (то есть бытие). От первых шагов философии (Античность) примерно до XVII в. под бытием понималось бытие *внешнее* человеку, внешнее как его телу, так и его духу. Это мог быть *материальный космос*, или *мир эйдосов* Платона, или *Единое* Плотина, или *Бог* средневековой философии, или *протяженная субстанция* Декарта – варианты разные, но суть одна: это Бытие, Сущность, Основа Всего, к которой человек так или иначе *относится, с которой связан*.

Примерно с XVII в. различными путями идея Бытия как *внешнего* человеку постепенно вытесняется идеей *Бытия как человеческого бытия*, как *экзистенции* (философия жизни, экзистенциализм).

### 1.2.2. Антропоаксиология

*Антропоаксиология* – это учение о человеке, его ценностях и судьбе. Мы будем понимать её как группу философских дисциплин: философская антропология, теория ценностей, социальная философия, этика и эстетика, философия истории. Например, *философия истории* (в отличие от *истории*) не имеет своим предметом событийную канву существования человечества, а имеет в виду трансформацию человека как родового существа и обретение им новых систем ценностей. Рассматривая историю под другим углом зрения (что, конечно, возможно и важно), мы занимаемся *не* философией истории.

С философской точки зрения человек не может быть определен только по его *физическим* или только по его *психическим* параметрам. Он определяется еще и его *ценностными ориентирами*. Ценностные параметры и ориентиры не существуют во внешнем мире как нечто объективное, они существуют как моменты внутреннего мира человека, его экзистен-

ции. Это бессмысленно без наличия такого атрибута человека, как сознание. Именно в сознании человек *противостоит* бытию, в том числе и собственному, но в то же время *обретает* бытие, имеет его. Онтология сознания – это онтология человеческой экзистенции.

### 1.2.3. Гносеология

Теория познания без контакта с наукой становится пустой схемой. Наука без теории познания, насколько она вообще мыслима без неё, примитивна и беспорядочна.

*А. Эйнштейн*

*Гносеология* (теория познания, эпистемология) – это философское учение о познании. Для наших целей вполне приемлемым является *определение эпистемологии* (гносеологии, теории познания), данное современным отечественным философом И.П. Меркуловым: эпистемология – это «область традиционно философских исследований... в которой предметом анализа выступают проблемы *природы, предпосылок и эволюции* познания (в том числе и научного), вопросы *об отношении знания и действительности и условия его истинности*» (Меркулов И.П. Эпистемология. СПб., 2003).

В этом определении перечислены почти все проблемы, которые решала и решает эпистемология.

Гносеологическая (теоретико-познавательная, эпистемологическая) проблематика органически входит в ядро философии, является для неё одним из стержней, на которых философия базируется. Она неразрывно связана как с онтологией, так и антропоаксиологией. Это можно видеть на фактическом материале истории философии: гносеологические вопросы обсуждались на протяжении всех веков с Античности до сегодняшнего дня в тесной связи с двумя другими составляющими философского знания.

При ретроспективном взгляде на историю гносеологии иногда происходит своеобразная абберация: подмена философской проблемы познавательного отношения вообще проблемой философского познания как нацеленного не на *сущее* (эмпирически предметное), а на *бытие* (трансцендентное основание сущего). Например, В.В. Чешев (в работе Проблема познания в философии. Томск, 2003), оценивая гносеологическую концепцию известного физика Э. Маха, указывает, что она «лишена философской глубины», поскольку у него «исчезает Бытие, исчезает проблема постижения Истины в её высоком (трансцендентном) смысле».

Конечно, проблема постижения Бытия, Истинного бытия, Истины имела в философии существенное значение. Но это был *специальный* вопрос о возможностях *философского* познания. Некоторые только это и считают гносеологией. У *не философов* возникает отрицательное отношение к *такой* гносеологии. Его разделяют и некоторые философы. Например, классик русской религиозной философии Н.А. Бердяев писал: «Критический идеализм гносеологов (Бердяев имеет в виду Канта и кантианцев. – А.К.) для науки не только не нужен, но и даже вреден, так как вносит разлагающую рефлексию в здоровую работу ученых. От гносеологии нужно защищать ... науку, которой грозит опасность отдаления от объективности» (Бердяев Н.А. Философия свободы).

Разумно считать предметом теории познания *всякое* познание независимо от того, *что* и *как* познается. Познавательное отношение человека к миру заключается отнюдь не только в поисках Истины, а в поисках знания о многообразных явлениях предметного мира. *Достойно ли* оно философского изучения? Дело не в этом. *Изучалось ли* оно философами в философском ключе, изучается ли сейчас? Ответ – да! Достигнуты ли в этом изучении какие-либо результаты, полезные не только для философов? Ответ – да.

Именно эти результаты мы и рассматриваем в нашем пособии, имея в виду возможность их практического использования в познавательной деятельности, в частности в исследовательской деятельности в области социологии и социальной работы.

Познание изучается не только философией, но также целым рядом конкретных наук (сегодня их называют *когнитивными науками*): психологией, когнитивной лингвистикой, историей различных наук и т.д.

Каждая такая наука выбирает в познании как объекте тот или иной аспект, который является ее *предметом*, и применяет *специфические* методы.

Гносеология как *философская* теория отличается от других учений своим предметом и методом. *Предмет гносеологии* – наиболее общие (всеобщие) определения (свойства и законы) познавательного отношения человека к миру, а метод – чисто теоретическое мышление.

## 2. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГНОСЕОЛОГИИ

### 2.1. Что такое познание?

#### 2.1.1. Общая экспликация познания

Познавательное отношение реализуется в актах и процессе *познания* мира человеком. Его можно рассматривать в двух аспектах:

- как способ *бытия* человека;
- как способ его *специальной деятельности*.

Познание – это *специфическая* способность *только* человека и *неотъемлемое* качество человеческой экзистенции. Это означает, что оно есть *способ бытия* человека. Современный отечественный философ И.Т. Кавсавин пишет по этому поводу: «Знание – это эпифеномен познавательных процессов, которые воспроизводятся *повсеместно и ежедневно*. Знание – *атрибут человеческого бытия*».

Известные чилийские исследователи У. Матурана и Ф. Варела в книге «Древо познания» всю эволюцию живого мира от простейших до человека рассматривают как *возрастание способности познания*, которая у человека достигает наивысшего развития. Это естественно-научный взгляд, где под познанием понимается приобретение способности ориентироваться в среде и приспосабливаться к ней.

Однако *предметом гносеологии является человеческое познание и только оно*. Человеческое познание – это не только биологический или физиологический процесс, обуславливающий психические процессы у высших животных – их способности видеть, слышать и т.п. Человеческое познание – это процесс *социальный*, опосредованный социальными отношениями, связями, влияниями. В этом смысле познание и знание – атрибуты именно и только *человеческого бытия*. Никто и ничто в природе больше не обладает этими атрибутами.

В процессе *социальной* эволюции человечества сформировался особый тип познавательного отношения – сознательная целенаправленная деятельность, непосредственной целью которой является *получение знания*. Наличие этой специализированной деятельности стало *атрибутом культуры и цивилизации*. Она реализуется, прежде всего (хотя и не только), в *научном познании*.

Познание есть *духовная интериоризация* мира человеком. Разнообразные формы мира, внешнего человеку, некоторым образом *входят* во

*внутренний мир человека и существуют в нём – в его сознании и памяти – в несобственном виде, в виде представлений и мыслей, идеальных «копий» («образов», «отражений», «следов», «конструктов», «моделей» и т.п. Смысл этих терминов будет обсужден позже). Эти «копии» и «конструкты» суть результаты познания – знание. *Познание есть получение, приобретение знания, есть динамическое проявление познавательного отношения.**

### **2.1.2. Формы и типы познания**

Познавательное отношение человека к миру реализуется в *четырёх* формах познания:

- повседневное (утилитарно-ориентированное, случайное) познание;
- познание-учение;
- целенаправленно-систематическое познание-исследование;
- художественно-образное познание.

Эти формы, выполняющие *одну и ту же гносеологическую функцию – получение знания*, – выполняют *различные социальные функции* и имеют *различное экзистенциальное значение*.

*Повседневное познание*, как следует из названия, осуществляется *повседневно и постоянно*: в каждый момент бодрствования человек что-то фиксирует в своем сознании, получает какую-то информацию об окружающем. Его память обогащается новыми образами, идеями. В развитом обществе познание этого типа обычно не вносит нового в копилку *общечеловеческого знания*. В *архаических же обществах и на ранних ступенях цивилизации* дело обстояло иначе. Это была *единственная форма познания*, дополнявшаяся передачей полученного знания другим индивидам. Все, что люди тогда узнавали о мире, они узнавали именно таким образом.

Черты этой формы познания таковы:

- *утилитарная направленность* на использование знания в повседневной деятельности;
- *случайность, спонтанность, незапланированность*;
- *универсальность* в том смысле, что к такому познанию способен и эту способность реализует *каждый человек, во все времена и постоянно*. Оно сходно с дыханием, без которого нет жизни. Из этого свойства вытекает *фундаментальная экзистенциальная роль* повседневного познания: именно в этом смысле познание есть *способ бытия человека*.

*Познание-учение* – также неотъемлемая черта бытия человека и человеческого общества. Наличие языка позволяет людям обмениваться опы-



том и полученными сведениями. Этот обмен и есть познание-учение. Оно формируется вместе с развитием человека и общества как неотъемлемая сторона этого процесса и сопровождает всю жизнь людей. *Без познания-учения индивид не мог бы социализироваться, стать человеком как таковым.* В течение десятков тысяч лет этот процесс был стихийным, но примерно в начале первого тысячелетия до нашей эры, на базе возникшей письменности, стали возникать и совершенствоваться *организованные формы познания-учения*, появились сначала некие *ячейки*, а затем и широкие *системы образования*. В современном обществе познание-учение осуществляется в разнообразных формах систем образования (школы, высшие и средние специальные учебные заведения и т.д.).

Познание-учение выполняет фундаментальную *социальную функцию* передачи знаний и опыта *от поколения к поколению, от культуры к культуре.* Этим обеспечивается:

- *преемственность* процесса познания в поколениях,
- *накопление* знаний,
- *обогащение* социального тезауруса,
- *прогресс* общества и
- *единство* человечества.

Благодаря этому человечество как таковое выступает как *единый* субъект познания. Экзистенциальная роль познания-учения заключается в том, что через этот процесс индивид получает возможность стать личностью, адаптируясь к обществу.

***Целенаправленно-систематическое познание-исследование*** – явление, возникшее только в эпоху цивилизации (в Европе – в античной Греции).

Это познание:

- *предпринимаемое осознанно;*
- *преследующее заранее поставленные цели;*
- *организованное системно;*
- *в развитом* обществе: оно реализуется в *специализированной деятельности*, ставшей одной из *профессий*.

Оно представляет собой систематически организованное *исследование* какого-то выбранного объекта, явления и т.п. Постепенно оно превратилось в то, что мы сегодня называем *наукой*.

***Главная объективная функция*** целенаправленно-систематического познания – получение *нового* знания, нового не только для данного лица, а для всего человечества. В эпоху цивилизации это *главный* источник знаний, способствующих прогрессу общества.

Такой деятельностью занимаются не все люди, и даже не большинство их, а достаточно небольшое меньшинство. Но именно через это мень-

шинство реализуется познавательное отношение человека как *родового существа* и социума как такового к миру.

**Виды целенаправленно-систематического познания.** Исторически сложились *три вида* такой деятельности:

- *научное* познание (научные исследования);
- *философское* познание (философия);
- *теологическое* познание (теология, богословие).

Все сказанное выше относится к этим трем видам, хотя и с существенной спецификой. Различия между ними будут рассмотрены в главе, посвященной научному познанию.

**Художественно-образное познание** реализуется преимущественно в формах *художественного творчества и потребления его продуктов*. Творя художественные образы или *воспринимая их*, человек (художник и потребитель), помимо своей воли и чаще всего бессознательно, «схватывает» какие-то стороны и свойства природного и особенно *социального мира, человеческих отношений*. И это есть, несомненно, *познание* духовное освоение некоторых сторон действительности.

### 2.1.3. Познавательные интенции

Познание – деятельность, заключающаяся в поиске ответа на вопрос. Познание начинается с постановки вопроса.

*На уровне обыденного, повседневного познания* вопрос может быть неявным, имплицитным (невербализованным), не формулироваться, а подразумеваться.

*На уровне познания-учения* вопрос ставится в явной форме, но *риторически*, как методический прием, так как предполагается, что ответ известен обучающему.

*На уровне систематически-целенаправленного познания-исследования* (во всех трех видах) вопрос ставится эксплицитно, рефлексивно, как формулировка проблемы, которую следует решить.

*На уровне художественного познания* вопрос в рациональной форме не ставится, а как бы *чувствуется* художником и *угадывается* потребителем. Художественное произведение инициирует обычно не ответ, а вопрос, рождающий многообразие ответов-интерпретаций, касающихся человека и человеческих отношений, включая и отношения к миру, к Богу и т.п.

## 2.1.4. Типы познавательных вопросов

Вопрос, поставленный в *объемном смысле*, может касаться:

– *отдельного* предмета или ситуации, например, сколько весит этот предмет или почему возникла эта ситуация (скажем, поднялась температура у этого человека);

– *класса* (множества) предметов или ситуаций, например, почему деревянные чурки не тонут в воде, а металлические тонут, или почему возникают войны? Что такое человек?

– *всего мира*, например, как возник мир, существовал ли мир вообще или был кем-то создан? Каковы размеры мира? – эти вопросы кажутся единичными (касаются *одного* предмета), однако отличаются от первого случая тем, что там имеется в виду неопределенное многообразие предметов и ситуаций, а тут всегда только один, но бесконечный.

*По содержательной интенции* вопрос может касаться.

– *существования*; например, делится ли число 853091887 на 17 без остатка? (то есть *существует* ли целочисленное частное деления данного числа на 17? В данном случае ответ получается просто, так как есть *алгоритм решения* таких задач). Или: «Есть ли жизнь во Вселенной, кроме земной жизни?», или «Существует ли Бог?», или «Существует ли в данном регионе опасность землетрясений?», или «Поддерживает ли электорат данного кандидата в президенты? (то есть существует ли достаточное число избирателей, готовых проголосовать «за»?). Ответы на подобные вопросы получаются с разной степенью трудности;

– *свойств* (в том числе *количественных параметров*). Например какова теплоемкость данного вещества; в какой точке данного тела находится его центр тяжести; каков средний уровень религиозности населения данного региона?

– *состава*. Например, каков химический состав данного минерала; каков сюжет данного произведения; какие социальные слои представлены во властной системе данной страны?

– *отношений и связей, структуры*. Например, каковы родственные отношения русских монархов с царствующими домами других стран Европы; какова связь оксидных теплых и холодных течений с метеорологическими явлениями прилегающих регионов; какова структура половых возрастных отношений в данном этносе?

– *механизмов действия*. Например, как работает сердце человека; каков механизм принятия государственных решений в таком-то государстве; каков механизм образования религиозных сект или преступных группировок?

– *причин, условий, целей.* Например, при каких условиях может произойти атомный взрыв; какие цели ставит данная политическая партия, и соответствуют ли провозглашенные цели действительным; в чем причина таких-то свойств данного вещества или происшедших в стране волнений?

– *закономерностей, повторяемостей, цикличности.* Например, какова закономерность заключения числа браков по месяцам года в данном обществе или регионе; какова цикличность повышения солнечной активности?

**По натуралистической интенции** могут ставиться вопросы

- о величинах;
- о физико-химических и геологических явлениях;
- об органических явлениях (явлениях жизни),
- о психических явлениях;
- о социальных явлениях;
- о технических изделиях и процессах;
- о среде человеческого обитания: ландшафт, атмосфера, экология.

*Описанные три группы вопросов в систематическом познании ставятся в науке.*

По **категориальным интенциям** вопросы могут касаться объективности или субъективности, вещности или событийности, простоты или сложности, необходимости или случайности, возможности или действительности, возможности или невозможности тех или иных явлений, свойств, событий, состояний и т.п.

По **трансцендентной интенции** могут быть поставлены (ставились и ставятся) вопросы о Боге, вечности, сути бытия, об абсолютном, истинной красоте и истинном благе, о смысле мира, истории и жизни человека. Это область философии и теологии.

*Эти две последние группы вопросов – область философии и теологии.*

Ответы, полученные на них, будут знанием именно об этом. На данном уровне абстракции список таких вопросов представляется исчерпывающим, но конкретное содержание возможных вопросов практически бесконечно разнообразно.

## 2.2. Проблемы гносеологии

Проблемы гносеологии можно подразделить на *основные* (фундаментальные) и *прикладные* (прагматические).

### **2.2.1. Основные (фундаментальные) проблемы гносеологии**

Фундаментальные проблемы гносеологии звучат следующим образом:

- *трансцендентальная проблема*: как вообще возможно познание?
- *что такое знание и познание вообще?*
- в чём заключаются *онтологические* и *экзистенциальные основания* познания?
- *каковы источники и средства* познавательной деятельности человека?
- *существуют ли границы познания* (вопрос Канта «что я могу знать?»);
- *что такое истина*, достижима ли она и чем может быть удостоверена?

### **2.2.2. Прагматические (прикладные, приходящие) проблемы гносеологии**

Это проблемы менее общего порядка. К ним относятся следующие вопросы:

- о *типах и формах познавательного отношения* и вытекающих из них областях познания и их особенностях,
- о формах и методах различных видов познания, особенно научного.

Ставя и решая проблемы, гносеология имеет в виду, прежде всего, то общее, что свойственно *всякому* познанию, независимо от его конкретной формы и вида. Однако в своей прикладной, практически полезной части она учитывает и их особенности. Например, обсуждая вопрос о границах и возможностях применения разума, гносеология отмечает различия его применения в науке, в богословии и художественном познании. В науке высшим основанием приемлемости результата познания является логическое и/или экспериментальное и практическое *доказательство*, в богословии – *вера*, а в художественном познании – *непосредственное переживание* чувства.

### 3. ТИПОЛОГИЯ И КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ГНОСЕОЛОГИИ

#### 3.1. Два основных этапа развития гносеологии

Гносеология исторически развивалась. В этом развитии в настоящее время выделяют два этапа: *классическая* и *неклассическая* (современная) гносеология.

Они различаются *хронологически* и *содержательно*.

*Хронологически* они определяются так: под *неклассической* гносеологией имеется в виду гносеология, формирующаяся начиная со второй половины XX в.; *классическая гносеология* - вся прежняя.

*Содержательно* они различаются по ряду аспектов.

Во-первых:

- *классическая* гносеология исходит из представления о *вечной* природе гносеологического (т.е. *познающего*) субъекта и *незыблемых* законах и свойствах познания;

- *неклассическая* - исходит из представления о реальном *живом, исторически и социально определенном* субъекте, вооружённом и ограниченом своим языком, о субъекте, способном не только к познанию, но и к *заблуждениям*; свойства и законы познания рассматриваются как *исторически изменчивые*.

Во-вторых:

- *классическая* гносеология исходит из представления о познании как *получении образов* мира, которые возникают в сознании субъекта в результате *воздействия* мира на человека. Познание - относительно *пассивное воспроизведение* свойств познаваемого объекта в сознании познающего субъекта;

- *неклассическая* гносеология исходит из того, что познание - это *активная деятельность субъекта*, которая *моделирует* действительность, *создает* идеальные *конструкты*, которые *не являются копиями* действительности в механистическом смысле, что отношение между действительностью и знанием более сложно, чем простое отражение одного другим, что *действительность* - нечто существенно иное, чем то, как она представлялась классической гносеологии.

### 3.2. Два типа гносеологии

Развитие психики как элемента живой системы на стадии человека порождает познавательную потребность.

Для понимания гносеологии существенно отметить наличие *двух её типов*, выделяемых не хронологически, а по основному пониманию самого предмета исследования (рис. 1). Это *натуралистическая* и *трансцендентальная* эпистемология. Они различаются *основным вопросом и пониманием субъекта*. Первая из них имеет разновидности.

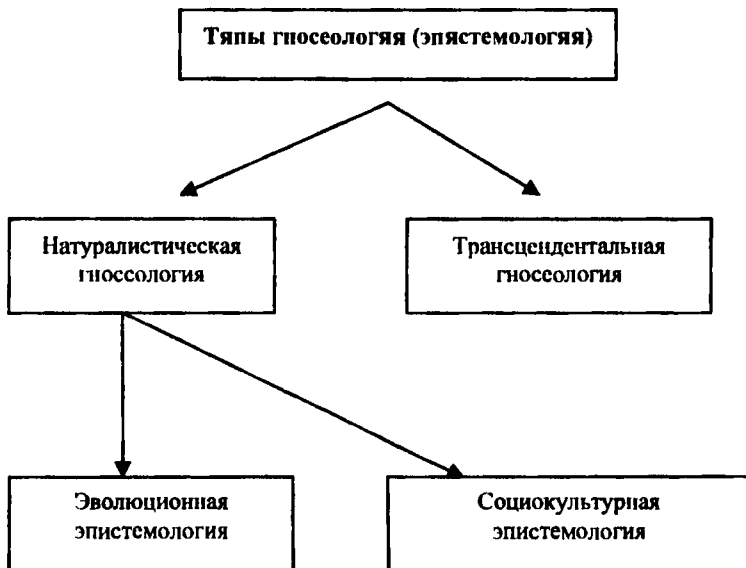


Рис. 1

#### 3.2.1. Натуралистическая эпистемология

Основной вопрос *натуралистической* эпистемологии – *как познает отдельный реальный человек*, каковы предпосылки, возможности и средства его познавательной деятельности? Есть два вида этого направления: *эволюционная* эпистемология и *социокультурная* эпистемология.

*Эволюционная натуралистическая эпистемология* исходит из того, что познавательные средства и возможности **формируются в процессе**

*биологической* эволюции, обеспечиваются именно *биологически*, разнится познания уподобляется *биологической эволюции*.

Например, в середине XX в. английский философ Карл Поппер предложил программу новой эпистемологии, которая вписалась в контуры эволюционной эпистемологии. *Традиционная* эпистемология, говорит Поппер, исследует знание или мышление в субъективном смысле, как состояние или деятельность индивидуального сознания. Он называет такую эпистемологию додарвиновской. *Новая* эпистемология должна иметь предметом объективное знание и мышление, которое, по Попперу, образует так называемый *третий мир*. Что это такое? Поппер различает следующие три мира: мир физических объектов и состояний; мир состояний сознания и мир объективного содержания мышления, прежде всего содержания научных идей. Именно научное знание принадлежит к третьему миру, к миру объективных теорий, объективных проблем и объективных рассуждений. «Обитателями моего третьего мира, - пишет Поппер, - являются, прежде всего, теоретические системы... проблемы и проблемные ситуации... содержание журналов, книг и библиотек» (Поппер К. Эпистемология без познающего субъекта). Доклад, прочитанный Поппером 25 августа 1967 г. на Третьем Международном конгрессе по логике, методологии и философии науки (Амстердам, 25 августа). Развитие этого третьего мира Поппер уподобляет биологической эволюции: научные знания закрепляются (выживают!) в процессе конкуренции и отбора идей и теорий, наиболее удачных с точки зрения их применимости. «Существует тесная аналогия между ростом знания и биологическим ростом, то есть эволюцией растений и животных» (Там же).

Другой пример. Французский философ середины XX в. Тейяр де Шарден выдвинул тезис «Видеть или погибнуть». Видеть – это, в его терминологии, познавать. Поэтому для выживания организмов необходим специальный орган в виде совершенствующейся психики, с помощью которой организм приспосабливается к среде. Развитие способностей познания в процессе биологической эволюции животного мира есть образование органов адаптации.

В рамках эволюционной парадигмы познавательное отношение *биологизируется*, сводится к адаптивной функции (функции приспособления организма к среде). Конечно, человеческое познание выполняет адаптивную функцию приспособления как к природному, так и к социальному миру. Однако неверно, будто человеческое познание есть *только* механизм адаптации к среде. Дело обстоит не совсем так. Развитие психики как элемента живой системы на стадии человека *порождает познавательную потребность* как таковую, безотносительную к проблеме адаптации.



*Адаптация не есть знание.* Она происходит *филогенетически* в процессе эволюции человеческого *рода*, в процессе *соматических* и *психических* изменений существ. Но отбор по психическим мутациям означает *познание среды*, а *прилаженность* конкретного организма в системе инстинктов к обстоятельствам, и новая психическая особенность передается по наследству. *Инстинкт не знает.* Так же, как болт, не подходящий по размеру для гайки, *не знает*, что гайка не подходит, а просто не ввинчивается в неё, он *не прилажен*. Также и хищник, услышав запах мяса, *не знает*, что «где-то есть мясо», а просто идет туда. В этом его прилаженность к среде, инстинкт. Даже самые сложные инстинктивные действия животных *не суть* деятельность на основе знания, а действия на основе прилаженности.

*Познание – феномен не биологический, а социальный!* Удивление ведет к познанию и пониманию не потому, что надо адаптироваться к среде, а *потому, что оно есть*. Античные философы могли *приспособить* расположение звезд для ориентировки на море, но *не приспособиться* к звездам, *не адаптироваться* к этому расположению, которое никак не влияло на их жизнь (другое дело, когда появилась астрология). Вопрос «что такое звезды?» вообще никакого отношения к адаптации человека к среде не имеет. Так же как и современные полеты в космос.

Пространство познания имеет самостоятельное значение, автономное существование, не тождественное с объективной биологической целью адаптации человеческого рода к среде. Не говоря уж о том, что *многознание приумножает скорбь*.

Разумеется, знания *помогают* индивиду приспособиться в среде, а социуму в природе. Но, во-первых, с помощью знаний люди не столько приспособляются к среде, сколько *изменяют её*, приспособлявая к своим потребностям и нуждам. А во-вторых – и это главное – *знание имеет ценность, не зависящую от проблем приспособления*, они удовлетворяют познавательную потребность как таковую. Ведь *знания, будучи созданными, являются таким же фактом мирового бытия, как и бытие вещей*.

Таким образом, эволюционная эпистемология, содержащая несомненный элемент истины, взятая в чистом виде, не вполне адекватна.

*Социокультурная* парадигма строится на том, что познавательные средства и возможности *обусловлены социокультурной эволюцией*.

В обеих парадигмах натуралистической эпистемологии субъектом познания признается реальный человек-индивид.

### 3.2.2. Трансцендентальная эпистемология

Трансцендентальная эпистемология ведет свое начало от философии И. Канта (XVIII в.). Основной вопрос *трансцендентальной* гносеологии – как вообще возможно познание, в чем заключаются его *априорные условия*? Субъект познания здесь – так называемый трансцендентальный субъект, или трансцендентальное Я.

### 3.3. Краткая история гносеологии

Гносеологическая проблематика за тысячи лет существования изменялась: возникали новые проблемы, находились новые решения старых проблем, велись споры по многообразным вопросам. В этом многообразии изменений можно выделить такие, которые *характерны* для той или иной эпохи.

Основными эпохами развития теории познания являются: Античность, Средневековье, Новое время, Новейшее время и Современность (табл. 1).

Таблица 1

Основные эпохи развития гносеологии

Основные эпохи	Основные проблемы и идеи
Античность (VI–III вв. до н.э.)	Проблема истины Проблема источников и средств познания
Средневековье (IV–XIV вв. н.э.)	Проблема путей постижения Бога Проблема соотношения веры и знания Идея гармонии веры и знания
Новое время (XVII–XVIII вв.)	Проблема методов раскрытия тайн природы Борьба сенсуализма и рационализма Обоснование активности субъекта Новый скептицизм (агностицизм) Идея трансцендентальных априорных условий познания
Новейшее время (XIX – первая половина XX в.)	Формирование принципов познания в сфере социальных наук Проблема демаркации науки и ненауки Анализ языка, логики и истории науки
Современность (конец XX – начало XXI в.)	Тотальная критика классической гносеологии Утверждение конструктивного характера, конвенциональности и относительности знания Социологизация процесса познания

Рассмотрим коротко основные черты гносеологии этих эпох в хронологическом порядке.

### 3.3.1. Античность (VI–III вв. до н.э.)

Вместе с вопросом о сущности мироустройства возник вопрос о том, можем ли мы познать его, получить истинное знание о нем. *Проблема истины и путей её достижения была первой гносеологической проблемой.*

Вопрос об истине обсуждался в двух аспектах.

Первый, фундаментальный и философский вопрос – вопрос о возможности постижения Истины (именно с большой буквы!) как Сущности мира. Этот вопрос был связан с нравственным вопросом о добродетельной жизни, о её смысле и о благе. Показательна в этом отношении позиция знаменитого Сократа (V в. до н.э.). Он считал, что все люди стремятся к благу и добру, но не все знают, что такое благо и добродетель. Поэтому существуют зло и плохие поступки. *Знающий*, что такое добродетель, не может поступать плохо. По Сократу, главной целью познания является не познание свойств вещей, а познание смысла жизни человека. *Связь вопроса об Истине и вопроса о добродетели – одна из характерных черт гносеологии Античности.* Здесь гносеология развивается в парадигме единства Истины и Блага. У Платона – одной из ключевых фигур всей классической истории философии (V–IV в. до н.э.) – отчетливо сформировался взгляд на познание как на познание *истинного бытия*, которое противопоставляется бытию чувственных вещей как *неистинному*. Познание есть познание объективного мира *эйдосов*, которое осуществляет душа (по природе принадлежащая этому миру) через непосредственное умозрение. Отсюда проистекает противопоставление *философского* и *нефилософского* интереса и подхода к познанию: «Тому, кто действительно направил свою мысль на бытие, уже недосуг смотреть вниз, на человеческую суету. Общаясь с божественным и упорядоченным, философ сам становится божественным и упорядоченным, насколько это в человеческие силы» (Платон. Тезтет). В исторической перспективе этот аспект гносеологии утратил актуальность, и мы не будем его рассматривать.

Второй аспект можно (условно) назвать *техническим*, и касался он, прежде всего, того, дают ли нам наши *чувства* правильные представления или образы вещей. Античные философы обратили внимание на тот факт (известный и понятный любому человеку), что познание начинается с *чувств* (греч. *эстезис*), которые обеспечиваются *способностью восприятия*: зрения, слышания, осязания, ощущения вкуса и запаха. Человек обладает также другой способностью – *умом*, или *разумом*, *способностью мыслить*. Философы поставили вопрос о роли этих двух способностей в познании и сделали это предметом обсуждения.

В V в. до н.э. Демокрит сопоставляет и *противопоставляет* два вида познания: *истинное* и *тёмное*. Тёмное познание – это познание с помощью органов чувств, с него познание начинается. Но «когда тёмный род познания уже более не в состоянии ни видеть слишком малое, ни слышать, ни обонять, ни воспринимать вкусом, ни осязать, но исследование должно проникнуть до более тонкого (недоступного уже чувственному восприятию), тогда на сцену выступает истинный род познания, так как он *в мышлении* обладает более тонким познавательным органом» (Демокрит. Фрагменты. С. 84–85). Таким образом, Демокрит отчетливо выделяет то, что позже стали называть *чувственным познанием* (познание с помощью органов чувств) и *рациональным познанием* (познание посредством мышления). Только в последнем он видит путь к Истине.

Эта идея была поддержана в философии стоиков (IV в. до н.э. – II в. н.э.). Они считали, что познание начинается с чувственного опыта, на котором базируется мышление. До опыта душа «подобна чистому листу, готовому для записи». Эта последняя мысль сохранилась вплоть до XVIII в. (хотя и не была единственным пониманием начала познания).

Применительно и к первому, и ко второму аспектам проблемы истины были введены в философский дискурс два понятия: *doxa* (докса – мнение) и *episteme* (эпистеме – обоснованное, истинное знание). Из этого деления и *уничжительного* отношения к *doxa* возникла традиция неосознанного (а иногда и сознательного) вытеснения *doxa* из гносеологической проблематики. Гносеологические проблемы изучаются при явном «имении в виду» знания *философского*, знания *истинного бытия*. Между тем довольно очевидно, что *всякое* познание начинается, если так можно выразиться, с «*доксической*» фазы, переходя затем в фазу *эпистемическую* (обоснованного знания).

Исходя из этого, сейчас выдвигают предложение разработки *доксологии* как дополнения эпистемологии (Боровков А.М. Доксология как дополнение к эпистемологии). Предложение усилить внимание к *мнению*, как форме знания, вполне эвристично, и мы будем его иметь в виду. Но сделать это можно и в рамках общей гносеологии, не изобретая новой науки.

***Вторая исходная гносеологическая проблема – вопрос о возможности и средствах достижения истинного знания.***

Господствующая тенденция в ответе на этот вопрос – считать, что достижение истины возможно, и именно к этому нужно стремиться.

Аристотель (IV в. до н.э.) указал, что стремление к познанию характеризует человека *сущностно*. Первая фраза его «Метафизики» звучит так: «Все люди от природы стремятся к знанию».

В Античности были сформированы *две главные парадигмы* понимания познания и знания, которые в модифицированном виде существуют и по сей день.

*Первую* можно назвать *теорией отражения*. В Античности её яркими представителями были Демокрит и Аристотель. У них познание и знание понимаются как результат воздействия мира на человека, в силу чего возникают *представления* и *мысли* как *копии, отражения* свойств этого мира. Древними комментаторами точка зрения Демокрита на этот вопрос излагается так: «Демокрит: ощущения и мысли суть изменения тела... Ощущение и мышление происходят вследствие того, что приходят извне образы. Ибо никому не приходит ни одно ощущение или мысль без попадающего в него образа» (Материалисты Древней Греции. С. 80). По Аристотелю, душа, испытав воздействие со стороны вещи, «уподобляется ощущаемому и становится такой же как и оно» (Аристотель. Собрание сочинений. Т. 1. С. 404). Как видим, *познающий* в этой парадигме понимается как *пассивная* сторона познания.

*Вторая парадигма* в Античности представлена *теорией воспоминания*. У Платона она заключается в утверждении, что наше познание есть воспоминание нашей души о сущностях, которые она узнала, пребывая в мире идей в «наднебесной» сфере. В этой парадигме *познание есть не пассивное отражение воздействий эмпирического мира, а результат активности души*.

Важным достижением Античности явилось создание Аристотелем *формальной логики* как орудия мышления, ведущего к истине. На протяжении последующих тысячелетий формальная логика Аристотеля была если не органом, то канонem правильного мышления.

В противовес указанным позициям в IV–III вв. до н.э. возник и сформировался первоначальный *скептицизм* – направление в философии, которое *сомневается* в возможности достижения достоверного знания. В последующем оно никогда в философии не исчезало, принимая различные формы.

Родоначальником скептицизма считается философ Пиррон (IV–III вв. до н.э.). Его основная идея такова: восприятия не дают нам достоверного знания, обманывают нас. Иногда и сегодня скептицизм называют *пирронизмом*.

В I в. до н.э. философ *Энезидем*, следуя Пиррону, разработал аргументацию в пользу скепсиса, так называемые *тропы*, обосновывающие, что мы не можем познать вещи, *каковы они по их собственной природе*. Учение о тропях в III в. н.э. подробно разработал Секст Эмпирик – наиболее известный и влиятельный в последующем представитель раннего скептицизма.

Секст утверждал, что мы должны воздерживаться от суждений о природе вещей самих по себе по следующим причинам (тропам): существует разнообразие живых существ, люди различны, органы чувств имеют различное устройство, познание происходит в различных условиях, и т.д. – всего 10 троп. Отсюда делается вывод, что если предметы в различных ситуациях кажутся не одинаковыми, то мы можем только сказать, каким предмет нам *кажется*, но должны *воздержаться от утверждения, каков он на самом деле*. Примеры, на которых Секст Эмпирик поясняет тропы: одна и та же башня издали кажется круглой, вблизи же четырехугольной, предбанник согревает входящих с улицы, но холодит выходящих из бани, яблоко может казаться различным в зависимости от того, каким органом чувств воспринимается. Секст ставит интереснейший вопрос о том, что могут существовать и другие качества, подлежащие другим органам ощущения, которыми мы не обладаем. *Различающиеся восприятия одного и того же равноценны*, и нельзя определить, какие из них истинны, а какие ложны. Если же чувства не могут однозначно воспринять внешний мир, то и мышление не может его воспринять однозначно.

Обобщенно Секст выделяет *пять троп*: о *противоречии* (бывают неразрешимые противоречия), об *удалении в бесконечность* (каждый аргумент в доказательстве в свою очередь требует доказательства – и так до бесконечности), об *относительности* (вещь кажется нам той или иной по отношению к судящему), о *предположении* (чтобы избежать ухода в бесконечность, исходят из чего-нибудь, чего не обосновывают, то есть из аксиом и постулатов) и о *взаимной доказуемости* (когда получается круг в доказательстве: тезис доказывается аргументом, который сам доказывается через доказываемый тезис). Эти ситуации тоже требуют воздержания от суждений о подлинной природе вещей.

Возникновение скептицизма имеет как *положительное*, так и *отрицательное* значение для понимания познания.

Историческая *заслуга* скептиков в том, что они выступили против *наивного доверия* к показаниям чувств, провозгласили *принцип сомнения* и *критического отношения* к ним, потребовали внимательного анализа познавательных способностей.

*Недостатки* же первоначального скептицизма заключаются в том, что *база сомнения* в познавательных возможностях человека *слишком узка* – только критика восприятий. Ими недооцениваются возможности *мышления* преодолеть ограниченности восприятий.

Античный скептицизм (пирронизм) имел также и моральный аспект. Крупнейший представитель аналитической философии XX в. Бертран Рассел в присущей этой философии манере характеризует скептицизм как

идею, что «нежелательно верить в утверждение, если нет какого-либо основания для подтверждения его истинности». Рассел говорит о Пирроне, что он утверждал, будто мы никогда не знаем достаточно, чтобы быть уверенными, что поступить одним образом умнее, чем поступить иначе. В этой связи приводится античная легенда, что однажды Пиррон увидел своего учителя, застрявшего в канаве и, немного подумав, прошел мимо, так как решил, что нет достаточных оснований считать, что, помогая учителю, он сделает добро. При всей карикатурности этого рассказа в нем кроется важная мысль, что *крайний скептицизм, логичный в области познания Истины, чреват пагубными следствиями будучи применен в практике.*

В целом можно сказать: *в античной философии были сформулированы базовые гносеологические проблемы и предложены их первые решения.*

При этом гносеология античных философов была ограничена рамками двух фактов:

- 1) над ними довлела мысль о различии *подлинного и неподлинного бытия;*
- 2) несуществование опытных наук, умозрительный характер исследований даже вполне конкретных вещей. В том числе и сам познавательный процесс исследовался ими только умозрительно.

### **3.3.2. Средневековье (IV–XIV вв. н.э.)**

В эту долгую эпоху обсуждались самые разные вопросы познания. Но в начале её, в связи с тем что *философия была религиозной* и практически совпадала с теологией, произошел существенный поворот в проблематике. *В центр обсуждения переместился вопрос о путях и возможностях постижения не природы, не космоса, не человека, а Бога.* Поскольку религия органически связана с идеей *веры, центральным стал также вопрос о соотношении знания и веры.* Доминирующей была идея, что самым надёжным путем к Богу является вера. Знание требует обоснований и доказательств. Принять на веру – это значит принять без оснований и без доказательств. Возникает вопрос: *не противоречат ли друг другу знание и вера?*

Для гносеологии Средневековья характерно *отрицательное* отношение к скептицизму. Логика простая: если Бог даровал человеку способности познания – способности созерцания и мышления, – то у нас нет оснований ими не пользоваться и полагать, что наши чувства или мысль нас обманывают. Ибо «Бог – не обманщик».

После тысячи лет споров философия этой эпохи пришла к следующему итогу (Фома Аквинский, XIII в.): *знание и вера не могут противоре-*

чить друг другу, так как и то и другое – от Бога. Конечной, высшей целью человека (в области познания) является познание Бога, и мы идем к нему двумя путями: опосредованно – через познание природы, и непосредственно – с помощью откровения, веры и божественной благодати. Эту мысль поддерживает и современная философия неотомизма, являющаяся официальной идеологией католической церкви. Вот как писал об этом в одной из последних своих Энциклик Папа Иоанн Павел II в конце XX в.: «Вера и разум подобны двум крыльям, на которых дух человеческий возносится к созерцанию истины. Сам Бог заложил в сердце человека желание познать истину и в конечном итоге познать Его, чтобы тот, познавая и любя Его, мог достичь полноты истины в самом себе» (Цит. по: Гинзбург В.Л. Замечания в связи с Энцикликкой Папы Иоанна Павла II «Вера и разум»).

Можно ли говорить о каком-либо *продвижении вперед* гносеологической мысли в эту эпоху? Безусловно. Ведь гносеология касается не только *технических* вопросов познания. Прежде всего, её интересуют *принципиальные* вопросы. К таким относится и вопрос о существовании и познании трансцендентного. *Трансцендентное* – это то, что не дано и не может быть дано нашим *естественным* (природным) способностям – восприятию и обычному рассудочному мышлению. Но если это так, откуда у нас идея трансцендентного? Средневековая гносеология вводит понятие *откровения как пути и способа познания*, и понятие *веры как средства обоснования*. В последующем эти идеи были использованы и в нерелигиозной гносеологии.

Схоластические по тематике средневековые споры оттачивали логику рационального мышления, способы доказательства. Логика, созданная Аристотелем, получила в эту эпоху глубокое развитие.

### 3.3.3. Новое время (XVII–XVIII вв.)

Новое время – это эпоха ускоряющегося развития *естествознания*. Возникает опытное исследование природы, опытная наука. Постепенно утверждается вера в могущество познавательных способностей человека, разума, научного мышления. В сфере вопросов теории познания *на передний план выступает проблема методов раскрытия тайн природы*. Здесь отчетливо виден *сциентистский поворот* в гносеологии. Характерны, например, названия работ Фрэнсиса Бэкона: «Новый Органон, или Истинные указания об истолковании Природы», «О достоинстве и приращении наук». Ф. Бэкон явился родоначальником методологии научного познания. *Объектом его гносеологических исследований стали непосредственно сами познаватель-*



ные процедуры в области научных исследований. Первостепенное значение он придавал методам науки, что отразилось в его знаменитом афоризме: «Хромой, идущий по дороге, опережает того, кто бежит без дороги».

**Внимание к науке – первая характерная черта гносеологии нового времени.** Наука становится синонимом познания. Бэкон полагал, что наука должна опираться на чувственно наблюдаемые факты, рационально их обрабатывая. Познание должно опираться на опыт – наблюдение и эксперимент, дающие знание о фактах. Далее оно должно опираться на индукцию – мыслительные схемы перехода от единичных фактов к обобщениям. Эти положения характеризуют Бэкона как основоположника эмпиризма (от греч. *ἐμπειρία* – опыт). **Эмпиризм – концепция, утверждающая приоритет опыта в научном познании.** Опыт в эту эпоху понимался как чувственный опыт, то есть как опыт восприятия внешних вещей.

Нужно сказать, что еще в XV в. великий итальянский ученый и художник *Леонардо да Винчи* отстаивал идею ведущей роли опыта: «Пусть и полны заблуждений те науки, которые не порождены опытом, отцом всякой достоверности». «Опыт никогда не ошибается, ошибаются только суждения. ... Несправедливо жалуются люди на опыт... вина его в обманчивости, обратите свой поток жалоб на собственное невежество, которое заставляет вас быть поспешными».

Значительный вклад в анализ познавательной деятельности Ф. Бэкон сделал в своем учении об *идолах*. *Идолы – это принципиальные тенденции разума к ошибочным суждениям.* Они бывают приобретенными и врожденными. Приобретенные проникают в разум из ошибочных учений. Врожденные присущи природе самого разума, который при выработке и измышлении своих понятий грешит против верности тем, что смешивает с природой вещей свою собственную природу (сейчас мы это назвали бы *субъективизмом*).

Есть четыре вида идолов:

1) *идолы рода*, проистекающие из особенностей *общей* природы человека;

2) *идолы пещеры*, образованные в силу *индивидуальной* природы каждого человека, они являются результатом воспитания, образа жизни, случайностей, которые могут происходить с отдельным человеком;

3) *идолы площади*, которые воздействуют на интеллект в силу особенностей общения, т.е. как результат слов, которые образовались в *простом народе* и не годятся для точного познания: люди объединяются речью, слова же устанавливаются сообразно разумению толпы. Поэтому плохое и нелепое установление слов удивительным образом осаждает разум; определения мало помогают, так как сами состоят из слов, и слова рож-

дают слова, эти идолы наиболее тягостны. Можно сказать, что эта идея лежит в основании современной аналитической философии (не важно, заимствована ли она у Бэкона);

– четвертый – *идолы театра*, являющиеся результатом неверных теорий или философских учений. Сколько есть принятых или изобретенных философских систем, говорит Бэкон, столько поставлено и сыграно комедий, представляющих вымышленные и искусственные миры.

В учении об идолах Бэкон высказал много идей, вошедших в последующем в современную гносеологию и психологию познания: о значении языка и общения, о детерминированности субъекта познания факторами его воспитания и образа жизни, о значении традиции и привычки, шаблонов и т.д. Свое учение об идолах Бэкон направляет, в частности, против *суеверий*, таких как вера в астрологические предсказания, вещие сны, предзнаменования и т.п.

*Вторая* характерная черта философии данного периода развернувшаяся в XVII в. борьба двух гносеологических позиций, касающихся вопроса об *источниках познания – сенсуализма и рационализма*.

*Сенсуализм* (от латинского *sensus* – ощущение, восприятие) заключается в утверждении, что *главным источником и гарантом истинного знания являются ощущения и восприятия*. Сенсуализм хотя и не отрицает рациональное логическое мышление, но *недооценивает* его, отрицая его значение как источника знания. В некотором приближении сенсуализм можно соотнести с *эмпиризмом* (требование, чтобы все признаваемые знания опирались на чувственный опыт).

*Рационализм* (от лат. *ratio* – разум) в противовес сенсуализму полагает, что *только разум является источником истинного знания*. Чувства же нас часто и многообразно обманывают. Девизом рационализма могло бы служить выражение античного поэта-философа Эпихарма: «Разум вне млет и зрит – всё прочее слепо и глухо».

В XVII в. знаковыми фигурами, представляющими эти две позиции, были французский философ Рене *Декарт* (рационалист) и английский философ *Джон Локк* (сенсуалист, эмпирик).

Объ эти философа считали научное знание наиболее важным приобретением человечества и разрабатывали методы науки. Об этом, например, красноречиво говорят названия знаменитых работ Декарта: «Правила для руководства ума» и «Рассуждение о методе». В них обосновывается ведущая роль рационального мышления в научном познании и вырабатываются правила, которым должен следовать научный разум, чтобы гарантировать истинность результата. *Декарт предположил существование в нашей душе врожденных идей, предшествующих началу познания.*

На них и опирается разумное (рациональное) познание, достигая несомненной ясности.

Локк же разделял идею стоиков о душе как *чистой доске* и отвергал мысль о существовании в ней каких бы то ни было врожденных знаний или идей *do опыта*. В интеллекте нет ничего, чего ни было бы в чувствах (*nihil est in intellectu, quod non prius fuerit in sensu*) – таков его принципиальный тезис.

Эмпиризм (отождествляемый с сенсуализмом), возникший в эту эпоху, продолжает существовать и в XIX, и в XX вв., подвергаемый постоянной критике. Так, основатель феноменологии Э. Гуссерль утверждал, что *крайний эмпиризм* как теория познания не менее нелеп, чем крайний скептицизм. С позиций эмпиризма, по мнению Гуссерля, невозможно обосновать научное знание, так как обоснования попадают в логический круг или в регресс в бесконечность.

С точки зрения Гуссерля, *обоснованное* познание возможно, если только признать существование неких *первичных очевидных принципов*, которые сами не требуют оправданий. Понятно, что тут мы видим возрождение идей Декарта. Эмпиризм же как раз и заключается в отрицании таких принципов.

В *XVIII в.* фундаментальное гносеологическое учение создал немецкий философ Иммануил Кант. Он попытался преодолеть односторонности сенсуализма и рационализма. *Он стал понимать опыт не просто как чувственное восприятие, а как единство восприятия и рассудочных категорий.* Именно Кант обосновал *трансцендентализм* в гносеологии.

Главные заслуги Канта перед теорией познания заключаются в трех идеях:

1. Обоснование *активности субъекта познания* путем введения идеи *априорных форм чувственности* (пространство и время) и *априорных форм рассудка* (категорий), которые свойственны субъекту и являются условием возможности опыта. По *функции* это нечто аналогичное врожденным идеям Декарта. *Априори* означает знание, полученное независимо от опыта, присущее сознанию изначально.

2. Обоснование *единства* чувственного и рационального (восприятий и мышления) в опыте, утверждение, что знание образуется только в этом единстве.

3. Доказательство ограниченности чисто теоретического (спекулятивного, не опирающегося на опыт) познания («чистого разума» в терминологии самого Канта).

Следует отметить одно обстоятельство, обычно не замечаемое в работах по теории познания: в Античность и в Новое время гносеология оканчивается *обоснованием онтологии* (учения о бытии). Обычно замечают

*корреляцию* взглядов на бытие и взглядов на познание и толкуют это как определение познавательных идей онтологическими представлениями. В действительности это так только применительно к Средневековью. Здесь религиозная идея Бога как сущности мира (истинного бытия), безусловно, и культурно и логически, предшествует проблемам познания и определяет их характер и содержание. В Античности и в Новое время дело обстоит противоположным образом. Именно из анализа того, как мы познаем, из констатации факта существования такого идеального, непредметного явления, как ум, могла возникнуть идея эйдосов Платона, идея атомов Демокрита, материи и формы Аристотеля, идея вещи в себе и существования трансцендентальных условий опыта И. Канта и т.п.

### Скептицизм Нового времени

В этот период получил развитие и распространение скептицизм в новых формах *агностицизма*. *Агностицизм – это философская концепция, утверждающая невозможность познания сути бытия и недостоверность интеллигибельных объектов*. Он при этом не отрицает возможности познания *сущего*, то есть эмпирических предметов. Крупнейшими представителями агностицизма были английский философ Д. Юм и И. Кант. Ни тот ни другой не отрицали возможности познания *природных* вещей, но они полагали, что *непостижима сущность вещей*, которая обуславливает то, что является нашему восприятию.

Юм полагал: поскольку все, что мы знаем, мы знаем только через наши восприятия, у нас нет критериев сопоставления восприятий с предполагаемой «действительностью», которую они, по общему мнению, отражают. Вместе с тем Юм утверждал, что хотя скептические аргументы верны, они *не способны изменить веру людей в реальное существование мира и возможность его познания*. «Философия, – писал он, – сделала бы нас всецело сторонниками *пирронизма*, не будь природа слишком сильна, чтобы допустить это» (Юм Д. Сочинения: В 2 т. Т. 1) (Напомним: *пирронизм* – учение Пиррона, родоначальника скептицизма в Античности). И еще: «Если бы у меня спросили, действительно ли я принадлежу к числу скептиков, считающих, что все недостоверно... я бы ответил, что... ни я, ни кто-либо другой не придерживался этого мнения искренне и постоянно» (Там же).

*Кант* для обозначения непостижимой сущности вещей ввел специальное понятие «*вещь-в-себе*». Мы знаем только то, как нам вещь является, но не то, какова она сама по себе, за границами нашего восприятия её.

Агностицизму XVIII в. в XIX в. *противостоит* гегельянство (учение немецкого философа Гегеля), в XIX–XX в. – *марксизм*, в новейшее время – *эволюционная эпистемология* и другие направления сциентистски ориентированной философии.

### 3.3.4. *Новейшее время (XIX – первая половина XX в.)*

В XIX в. мы видим еще более акцентирование внимание к науке и научным методам. Развертывается анализ методов *эмпирического научного познания* – наблюдение, эксперимент, измерение. Их изучают как философы, так и ученые. Ещё более широкое внимание привлечено к анализу основных *методов научного мышления* – дедукция, индукция, аналогия, гипотеза, теория.

Хотя крайности сенсуализма и рационализма в основном преодолены, однако некоторые пережитки их сказываются в том, что методы эмпирического и рационального познания анализируются в сравнительной изолированности друг от друга.

Примерно *с середины XIX в.* началось формирование принципов научного познания *в социально гуманитарной области* – истории, экономических и социологических теорий, *наиболее острыми стали проблемы познания социума* (общества). Здесь уместно назвать имена О. Конта (создатель социологии), К. Маркса (методология общесоциологического и экономического познания), В. Дильтея (идея *понимания как специфического метода* познания в сфере духа, *в отличие от объяснения* как метода естествознания).

В *первой половине XX в.* особое внимание уделялось *науке как таковой*, происходит углубление сциентистской направленности (гносеологии). В это время возникли концепции *логического позитивизма*, в которых, с гносеологической точки зрения, основными были:

- логический анализ языка науки;
- проблемы определения, верифицируемости и фальсифицируемости научного знания;
- проблемы сравнения и совместимости различных научных теорий, касающихся одной и той же области.

Во *второй половине XX в.* акцент в изучении науки сместился в сторону изучения её *истории, закономерностей, форм и этапов её развития* (постпозитивизм, эволюционная эпистемология). Возникла идея парадигмальных и революционных этапов в развитии науки (Кун).

Активно развивается *логика и методология науки* как специфическая часть гносеологических исследований.

Заметный вклад в эту область гносеологии XX в. внесли разработки отечественных философов (тогда их именовали «советскими»). Они опирались на основные принципы марксистской философии. В них было сделано немало шагов к современным гносеологическим представлениям. В частности, был предложен деятельностный подход в решении гносеологических проблем.

### 3.3.5. Современность (конец XX – начало XXI в.)

В этот период характерной чертой является *тотальная критика традиционных (классических) гносеологических представлений* и выдвигание существенно новых (неклассических) гносеологических идей.

Прежде всего, это касалось философской основы гносеологии. Вся классическая гносеология явно либо неявно опиралась на метафизическую (онтологическую) идею существования некой неизменной основы мира. Отсюда выводились не подлежащие критике правила и нормы познания. Неклассическая гносеология отвергает этот метафизический (онтологический) мотив, заменяя его мотивами *социальными, историческими и экзистенциальными*. По сути это тоже метафизические мотивы, только не онтологические, а *антропоаксиологические*. Поэтому гносеология не утрачивает философского характера, но приобретает новые черты, приобретает *антропологическое измерение*.

Представим различия классической и неклассической эпистемологии *схематично* в табл. 2.

В современной неклассической гносеологии появились темы, которых не было в классический период: *очевидность, интенциональность, репрезентация, смыслы, истолкования и интерпретации, конвенция, темпоральность, жизненный мир* и др.

Особо следует отметить (и не только для социологов) интерес к теории познания *со стороны социологии*.

В социологии имеются направления, нацеленные на изучение познания – социология знания и социология науки. Но этим дело не ограничивается.

У крупных социологов (которые были, правда, в большинстве своем *философствующими* социологами) мы наблюдаем интерес к проблемам особенностей *социального* познания и рефлексии над этими проблемами. Назовем для примера книгу одного из *основоположников* и классиков

французской школы социологии Э. Дюркгейма (конец XIX – начало XX в.) «*Социология и теория познания*» и работы авторитетного современного французского социолога П. Бурдьё, насыщенные гносеологической проблематикой.

Таблица 2

**Различия между классической и неклассической эпистемологией**

Классическая эпистемология	Неклассическая эпистемология
Объект (O) не зависит от субъекта (S)	Объект и субъект познания взаимосвязаны и гносеологически взаимоопределяемы
O и S просты	O и S имеют сложную иерархическую структуру
S - индивид, познающий человек	S многоуровневое образование, это и индивид, и группа, и общество в целом (социум)
Познание понимается как деятельность отдельного субъекта, изолировано и автономно	Познание включает <i>конвенции</i> – условие коммуникативной, intersubъективной деятельности множества субъектов
Познание - процесс отображения, узнавания действительности	Познание - процесс <i>моделирования</i> действительности, <i>создания конструктов и интерпретаций</i>
Познание динамично и кумулятивно	Познание <i>стохастично, вероятностно и полиморфно</i>
Знание – образ действительности	Знание - модель-описание (дескрипция) и нарратив
Источники познания – восприятие, разум, откровение	Источники познания - восприятие, разум, воображение-интуиция, коммуникация
Нормативный характер предлагаемых принципов и постулатов	<i>Антифундаментализм</i> признание изменчивости познавательных норм, релятивизм в понимании знания
Идея возможности познания с «чистого листа»	Признание <i>неявного знания</i> познание не может начинаться с нуля
Идея <i>изолированного субъекта</i> (Ех – трансцендентальный субъект)	<i>Коммуникативный</i> подход к пониманию субъекта, Я, сознания

Наконец – и это самое существенное – в социологии возникло стойкое стремление *социологизировать* теорию познания (это требование в прошлом веке настойчиво высказывал крупный немецкий социолог К. Маннгейм), и оно нашло свою достаточно ясно выраженную реализацию. Основой этого стремления стало то, что само познание стало трактоваться не как чисто психологический процесс, а как процесс социальный, как социальное явление.

Природа человеческого познания *социальна*, и это сейчас осознано в полной мере, что и привело к осознанию значения *социологии* в понимании познания. Так, известный современный французский социолог

Л. Тевено пишет: «Мы полагаем, что социология, освоив достижения когнитивных дисциплин, сможет обогатить и *обновить* наше понимание процессов познания» (Тевено Л. Прагматика познания).

Общую парадигму представления о познании в современной зарубежной литературе (в частности – в социологической), и иногда в отечественной, называют *эпистемологическим конструктивизмом*. Один из отечественных авторов так характеризует эту парадигму: *эпистемология конструктивизма* «акцентирует идею не-отражательной, конструктивной природы человеческого восприятия... языковую и историческую опосредованность ментальных процессов, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины» (Ульяновский А.М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках).

**Базовые положения** конструктивистской парадигмы этот автор излагает следующим образом:

– признание культурно-исторической локальности и ситуативности любых формулируемых истин;

– основания наших знаний следует искать не в объективном мире, а в языке, культуре, социальных отношениях, нормах и конвенциях, принятых в конкретном сообществе (то есть мы не просто пассивно или активно *отражаем* мир, но *выстраиваем* его, посредством культурно-заданных способов категоризации мы разделяем и связываем, комбинируем и структурируем для себя определенным образом объекты мира и собственные переживания);

– знание не может быть аполитичным, лишенным ценностного измерения, объективным, никто не может претендовать на взгляд из ниоткуда, на видение глазами Бога. Беспристрастность и объективность – фикция);

– утверждается конституирующая, преобразующая, метафорическая роль языка в противовес представлению языка как системы простого обозначения вещей (Там же).

Н. Луман так характеризует эту позицию: теория познания «радикального конструктивизма» означает, в конечном счете, что всякое познание есть конструкция мира в мире.

С точки зрения Лумана, познание есть выработка различий, дифференциаций, которая ведет к потере цельного образа мира, и здесь, по его мнению, возникает фундаментальная гносеологическая проблема *возможности познания мира как целого*. Утверждение Лумана, что познание есть выработка различий, вполне разумно. Но Луман односторонен. Человек различает, прежде всего, *себя и не себя*, а затем – то, что *находится* в сфере его познавательного горизонта в данный момент и что *не находится, но*



есть. Последнее постулируется в эпоху развитой цивилизации и конституируется в виде идеи *бесконечности* мира. Но если мы приняли этот постулат, стремление познать мир как единое целое является бессмысленным и нелогичным. С другой стороны, размеры того, что входит в сферу наших познавательных возможностей, непрерывно увеличиваются. Об этом свидетельствует история познания, история наук. Так что формулируемая Луманом проблема есть псевдопроблема, не более того.

К сожалению, современные представители так называемой когнитивной науки, разделяющие взгляды эпистемологического конструктивизма, часто смешивают сугубо философский вопрос «Что такое познание?» с полутехническим вопросом «Как происходит познание, каков его механизм, формы, этапы?» и т.п. Например, психолог В.Ф. Петренко указывает на следующие базисные составляющие конструктивизма в психологии:

- познание – *построение*;

- *модельность* познания: теории не копируют, а моделируют реальность (карта не есть территория);

- *плюрализм истинности* как понимания правомочности множества конкурирующих моделей.

Очевидно, что всё это – характеристика не сущности познания, а его механизмов. Познание – отражение, это ответ на вопрос, что такое познание. Познание – моделирование, конструирование, интерпретация – это ответ на вопрос о способе, механизме, формах и т.д.

Конструктивизм в эпистемологии можно понимать в *положительном* смысле как стремление уточнить и углубить свойства и параметры познания и в *отрицательном* – как *релятивистское* и *скептическое* стремление подвергнуть сомнению и даже отрицанию возможность действительного (объективного) познания мира человеком. Например, современный немецкий философ Петер Элен пишет: «Лежит ли в основе познания какая-либо действительность, мы не можем знать; высказывания на эту тему и, в первую очередь, все метафизические понятия – субстанция, бытие, сущность – суть наши конструкции и лишены какого-либо реального основания» (Элен П. Удивление – пафос философской мысли). К перечисленным Эленом «метафизическим понятиям» в этой парадигме относят – и не в последнюю очередь – *истину*. А представитель современного прагматизма американский философ Р. Рорти вместе с нормативностью и объективностью гносеологии отрицает и значимость вообще всей классической философии и говорит о том, что понятия, в которых сформулированы основные вопросы западной философии, были *полезны* прежде, но сегодня они *бесполезны*.

В такой крайней форме идеи эпистемологического конструктивизма, возможно, устраняют философов, оторвавшихся от жизни, но кому из

реальных исследователей (а также здравомыслящим людям в повседневной жизни) может быть полезна (и в чем?) «эпистемология», утверждающая, что никакую реальную действительность мы не познаем, а эпистемология бесполезна?

Эту тенденцию в начале XX в. резко критиковал Э. Гуссерль, подчеркивая, что она влечет за собой сомнения в существовании мирв. «Релятивизм, пишет он, находится в очевидном противоречии с очевидностью непосредственного наглядно данного бытия» (Гуссерль Э. Логические исследования). Отметим, однако, что абсолютное отрицание релятивизма Гуссерлем тоже не приемлемо, что будет показано в обсуждении проблемы истины.

Всякий скептический релятивизм (особенно современный в его наиболее грубой форме) попадает в ситуацию парадокса лжеца: если *все* наши знания не истина, то и утверждения конструктивистов-скептиков тоже не истина. Или, как писал Гуссерль, суждение «Истина не существует» по своему смыслу равноценно суждению «Существует истина, что истины нет».

Новую возможность критики классических концепций познания представляет современная *постмодернистская* философия (Ж. Делёз, Р. Барт, Ж. Деррида и др.). Скептические выводы напрашиваются из идей *номадологии* и *ризома* особенно применительно к анализу общества, при рассмотрении которого они и предложены.

Номадология – это философская теория, которая задает новое видение мира как *аструктурного* (бесструктурного), *децентрированного*, в котором *господствует случайность* любого единичного события. Постмодернизм заменяет традиционное понятие «структура» понятием «ризома», которое как раз и фиксирует принципиально *аструктурный* и *нелинейный* способ организации целостностей. Ризома может «прорасти» в *каком угодно направлении*, спонтанно породить переплетения, которые невозможно предвидеть. Поэтому её будущие состояния *принципиально непредсказуемы*. Ризома принципиально плюралистична (множественна), причем «разворачивание» ризома не подчиняется никакой структурной или порождающей основе.

Такой образ социального мира, мира культуры довольно правдоподобен. Но отсюда следует отказ от стандартных претензий познания. Ведь знание в классическом понимании стремится вскрыть *устойчивые структуры* (такова функция научных законов и теорий). Но если нет структуры, непредсказуемы направления изменений, *что* познавать и *какой смысл* познавать? Если мы описали нечто как ризоморфную сингулярность, но ничего не можем сказать о её «поведении» и свойствах в будущем (даже неотдаленном) – зачем нам нужно это описание? Ясно, что концепция номадологии ставит перед современной гносеологией и

методологией социального познания серьезные проблемы, которые только еще предстоит обсудить и попытаться решить.

Существуют и более взвешенные представления о новом этапе развития теории познания. Так, например, уже упоминавшийся И.Т. Касавин (главный редактор журнала «Эпистемология и философия науки») полагает: «Представляется, что современную эпистемологию надо строить на новых основаниях, понимая её как *снятие* противоположности классического и неклассического подходов» (Касавин И.Т. Социальная эпистемология: понятие и проблемы). Здесь «снятие» – гегелевский термин, означающий отрицание с сохранением. Идея Касавина в том, чтобы *создать синтез идей классической и неклассической эпистемологии*, в котором должно быть сохранено приоритетное значение разума, критицизм в отношении к мистике, «регулятивный идеал истины как условия теоретического познания и анализа» (Там же).

Эта позиция представляется не только взвешенной, но и предпочтительной, так как она больше отвечает и реалиям познавательной деятельности людей и имеет опору в традиции. Ею мы и будем руководствоваться.

**Положительное значение** конструктивистской эпистемологии заключается в следующих идеях:

- утверждение историчности и социально-коммуникативной определенности субъекта познания;
- утверждение активно-конструктивного характера познания;
- раскрытие значения языка в познании;
- утверждение релятивизма и изменчивости самих познавательных норм и отрицание *догматического* нормативизма гносеологии.

Если в «общей гносеологии» эти представления стали типичными именно к концу XX в., то в *социологии и социальной философии* данные тенденции обнаружались ещё в XIX в. Уже в *марксизме* идея обусловленности познания и историчности его форм социальными обстоятельствами (общественным бытием) была сформулирована вполне определенно (правда, как философская, а не как социологическая).

Классик социологии XIX в. Макс Вебер указывал, что в понимании социальной жизни сказываются ценностные позиции исследователей, и выдвинул постулат (то есть методологическое требование) свободы от ценностных суждений, которые являются не делом выбора, а являются продуктом культуры, времени.

Карл Мангейм, как уже сказано, выдвигает идею необходимости *социологизировать теорию познания*, то есть ввести в классическую гносеологическую проблематику социологические мотивы. Он явился создателем так называемой *социологии знания*, которую рассматривал как об-

ласть исследований социальной обусловленности теорий и типов мышления. Утверждая идеологическую нагруженность социальных исследований, то есть классовую заинтересованность исследователя, он указывал на возможность утраты объективности.

В этих примерах мы видим тенденции XIX в., которые к концу XX в. приобрели характер устойчивых принципов и даже почти конституировались в новую научную дисциплину, получившую название Social Epistemology («Социальная эпистемология»). В США около 20 лет издается журнал Social Epistemology. Этот термин мы видим в названии цитированной выше статьи И.Т. Касавина.

Иногда классическую теорию познания критикуют, исходя из того, что она неприменима или не эвристична для той или иной отдельной науки. Так, например, известный английский историк и философ Р.Д. Коллингвуд писал: «Все теории познания, которые понимают его [познание] как взаимодействие или отношение между субъектом и объектом, существующими в настоящее время, противопоставленными друг другу и *современными друг другу*, теории, принимающие непосредственное знание как суть познания, делают историю невозможной» (Коллингвуд Р.Д. Идея истории. Автобиография). Отсюда делается вывод о несостоятельности такой теории познания и о необходимости замены её другой. Однако почему бы не сделать другой вывод – о том, что история, как наука, действительно невозможна? Или более мягкий: история (как наука) должна руководствоваться иными, чем естествознание, критериями научности и приемлемости своих идей, не покушаясь на более общую теорию – теорию познания?

## 4. ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ И ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

Самое непостижимое в мире то, что он постижим  
*А Эйнштейн*

### 4.1. Проблема познаваемости мира

То, что человек *способен* познать мир и *познаёт* его, для обыденного и научного сознания - несомненно. Философия же с Античности проблематизировала эту ситуацию и задалась вопросом – *действительно ли мы познаем мир?* И что, собственно говоря, это значит – «познаём»? Так была сформулирована главная гносеологическая проблема – *проблема познаваемости мира.*

*Скептики* высказывают сомнение в возможности познать подлинную природу вещей, а *агностики* отрицают возможность доказать достоверность интеллигибельных объектов и познать сущность мира.

Имеют ли скептические и агностические сомнения какие-либо основания? Общее основание этого вопроса – *в различии природы физическо-го мира, который (преимущественно) мы познаем, и духовной, психической природы наших познавательных способностей.* Мы познаем с помощью *чувственных образов и мышления, которые идеальны.* Природный же мир *веществен, физичен.* Природа познающего субъекта и природа познаваемого объекта *совершенно различны, субъект и объект противостоят друг другу.* В силу этого, утверждают агностики, *трансцензус* (переход) между ними невозможен. Не может идеальное, не имеющее ни пространственности, ни плотности, ни других физических свойств, быть *похожим на физическое, быть его образом.*

Что может сказать и что говорит современная теория познания по этому вопросу? Он имеет различные аспекты:

1. О познании *чего* идет речь – о познании *конкретных свойств* конкретных вещей или о познании *сущности* мира?

2. Идет ли речь о познании *вообще* как таковом, как оно фактически осуществляется, или об *абсолютном* познании?

Философы имели тенденцию видеть в познании получение *абсолютного* знания (абсолютной истины) и знания именно самой *сути* мира. По это специфический, можно сказать, профессиональный интерес *философов.* А *нефилософы* в своей повседневной и профессиональной жизни

интересуются совсем другим – конкретными вещами (природными, социальными и духовными), их свойствами и закономерностями. Так, *цитолог* интересуется устройством клетки, а *этолог* – поведением животных, *математик* – соотношениями чисел, фигур и других математических объектов, *социолог* – общественными структурами и отношениями и т.д. Можем ли мы познавать всё это?

#### **4.1.1. Критика аргументации скептиков и агностиков**

По характеристике Э. Гуссерля, «скептической называют всякую философскую теорию, которая, исходя из принципиальных соображений, значительно ограничивает человеческое познание» (Гуссерль Э. Логические исследования). Многие критики скептицизма считают, что рассуждения скептиков логичны. Гуссерль с этим не согласен: «...к понятию скептической теории, – говорит он, – принадлежит признак *противоречивости*» (Там же).

Если использовать современный философский язык, можно сказать так: скептики указывают на *субъективность* и *относительность* знания в форме восприятий и идей (утверждений о фактах, теорий и т.п.).

Каковы недостатки аргументации скептиков и агностиков?

1. У них у всех есть один общий фундаментальный недостаток, который получил наименование «гносеологическая робинзонада». Рассуждая о познании и его возможностях, вся *старая* гносеология имела в виду *отдельного изолированного* от других людей человека. На деле же люди познают *не так*. Они познают *совместно*, общаясь (коммуникация) друг с другом, в опоре не только на личный опыт, но и на опыт других. При этом люди *воздействуют* на предметы познания. Посредством мышления и общения, видоизменений предметов, они могут корректировать субъективные и относительные моменты своего восприятия.

2. Другая основа *старого* скептицизма в том, что *одну* из познавательных функций, *восприятие*, скептики рассматривают в *изоляции* от других функций, прежде всего, в *изоляции* от мышления. При этом они критиковали представление о восприятии как *механической копии* типа аристотелевского отпечатка перстня на воске. Между тем и восприятия не таковы, и познавательная деятельность многогранна и всесвязанна. В ней *на равных правах* принимают участие и созерцания, и переживания, и мышление, и воображение и интуиция, и практика. Только учитывая это единство, можно адекватно ответить на вопрос трансцендентальной проблемы.

3. У скептиков обычно речь идет о познании *физических* вещей. Но мы познаем не только вещи и их свойства, но также и *отношения*, и *духовные явления*, и созданные нами самими *теоретические* объекты. Все это вообще не воспринимается чувствами, но, тем не менее, познается.

4. Важен и прагматический аргумент против скептиков. Например, аргумент современного американского философа Винсента Руджиэйро. Против идей «у каждого своя истина», «истина относительна» можно, говорит Руджиэйро, возразить следующее: если у каждого своя истина, то идея одного не лучше идеи другого. А если все идеи равны, то какой смысл в изучении чего-либо? Зачем вгрызаться в землю за ответами на археологические вопросы? Подобного типа деятельность имеет смысл только в том случае, если одни ответы лучше других.

5. Наконец, отвечая на вопрос, способны ли мы познать мир, познаем ли мы его, скептики не определяли строго смысл самого вопроса, что значит *познать*, какой бы результат нашей познавательной деятельности их устроил.

Эти пять моментов означают, что скептикам присущ порок *абстрактности как односторонности* в гегелевском смысле. В своей статье «Кто мыслит абстрактно?» Гегель говорит, что абстрактно мыслит тот, кто мыслит ситуативно и односторонне, такое мышление ущебно, это *обывательское* сознание, считает Гегель. Он иллюстрирует это на таком примере. Убийцу ведут на казнь: «Мерзавец! Как таких земля носит!», – кричит толпа. Это и есть абстрактное мышление – узкое, ситуативное, «одногорбое». Оно отвлекается от всего, кроме того, что находится перед глазами в данный момент, или того, что хочется в данный момент видеть. «А ведь дамы могут найти убийцу красивым мужчиной» – замечает Гегель (Гегель. Кто мыслит абстрактно?).

Действительность конкретна, то есть многостороння и многосвязна. Указание на один момент (абстракция) никогда не адекватно ей. Только конкретное знание может претендовать на адекватность, соответствие действительности. Конкретное видение дает совокупность абстракций. «Конкретное есть совокупность абстрактных определений», – повторяет мысль Гегеля Маркс. Скептики, как старые, так и новые, мыслят абстрактно в этом смысле, выхватывая из сложнейшего феномена человеческого познания отдельные стороны, выпячивая их, недооценивая другие. Поэтому их точка зрения, как односторонняя, ущебна, и не может быть принята. Однако это следует аргументировать.

Отметим справедливую мысль английского философа А. Айера (школа аналитической философии): «Если что-то не признается без ссылки на дополнительную проверку, проверить нельзя ничего» (Айер А. Может ли существовать индивидуальный язык?).

Действительно, в самой строгой из наук – математике – опираются на соглашения, которые не доказываются, на аксиомы. Попытки «обосновать» математику ни к какому полезному результату не привели. То, что она (математика) в сознании некоторых математиков, и особенно методологов, «зашаталась», никакого значения не имеет, так как её *действенность* в течение веков подтверждается многообразной применимостью, и нигде еще ни разу она, будучи применена правильно, никого не подвела. Зато нарушения её требований подводит людей всегда, когда они случаются. Это и означает, что математики *правильно* узнали и продолжают узнавать свойства многообразных видов чисел, фигур, множеств, групп и других математических объектов.

#### 4.1.2. Аргументы в пользу возможности познания

Мы уже отмечали, что даже *сами скептики* (например, Д. Юм) понимают неприемлемость скептицизма для большинства людей. Приведем высказывания их противников – двух знаменитых философов XX в. (не скептиков) – англичанина Бертрانا Рассела (20-е гг. XX в.) и американца Дэниела Дэннета (современный философ).

*Рассел*: «Скептицизм... хотя логичен и безупречен, психологически невозможен, и во всякой философии, претендующей на такой скептицизм, всегда содержится элемент *фривольной неискренности*».

*Дэннет*: «Многие люди (имеются ввиду скептики. – А.К.)... не видят пропасти между серьезностью и *фривольностью*, или активно отрицают её существование. <...> На деле... за этим скрывается высшее проявление наивности... Подобно многим другим наивным людям, эти мыслители, рассуждая о... неспособности *их методов* к поиску истины... наивно обобщают их в том духе, что *никому другому* вообще неведома возможность открытия истины» (Цит. по: Юлина Н.С. Дэннет versus Порти // Системные исследования. 1999. М., 2001. С. 100–122).

Приведем три главных аргумента в пользу *положительного решения* трансцендентальной проблемы.

*Первый* принадлежит Канту. Кант признает возможность науки познать *природу* (мир феноменов), получать общее и необходимое знание. Это обеспечивается *трансцендентальными априорными предпосылками*, которые некоторым образом «врождены» человеку. Такими предпосылками являются априорные формы чувственности – пространство и время, и априорные формы рассудка – категории. Человек располагает ими, и их бессознательное действие создает возможность получения знания (каким образом – об этом речь позже).



*Второй* аргумент – марксистский (Маркс, Энгельс, Ленин, отечественная («советская») теория познания 30–80-х гг. прошлого столетия). В этой парадигме суть такова: способность и возможность познания подтверждаются и обеспечиваются общественно-исторической практикой, прежде всего – материально-производственной. Именно практика разрешает неразрешимые, казалось бы, философские проблемы, в том числе и трансцендентальную проблему. Идея выглядит так: вопрос о том, способны ли мы познать мир, решается *не теоретическими спекуляциями*, а тем фактом, что мы его познаем и проверяем свои знания, применяя их в практике.

Понятно, конечно, что тут теоретический вопрос не решается теоретически, а отодвигается в сторону как схоластический. То есть скрытно признается теоретическая неразрешимость этого вопроса. Зато это решение очень хорошо согласуется с общим настроением человечества, в том числе науки, и с тем, как на самом деле человек познает и проверяет свои знания.

*Третий* аргумент принадлежит эволюционной эпистемологии (Клод Лоренц и др.). Это современная гносеологическая парадигма. Её характеристика уже была дана выше. Суть идеи в следующем: познание есть средство адаптации, приспособления живых организмов (в том числе и человека) к среде обитания с объективной целью выжить – как индивиду, так и роду. В процессе биологической эволюции у человека выработались механизмы такой адаптации (это его средства познания: восприятия и мышление), вполне адекватные как свойствам среды, так и потребностям человека. Именно поэтому познание возможно. Если бы живые организмы не познавали среду, они не смогли бы к ней приспособиться и в ней выжить. То же относится и к человеку.

Ф. Матурана и У. Варела рассматривают всю биологическую эволюцию от первоклеток до человека как развитие способности и возможности познания. У человека эта способность развита в высшей степени.

Этот аргумент тоже не является философским, скорее это научный аргумент, опирающийся на факты приспособления посредством «знания». Тем не менее не считаться с этими аргументами философия не имеет права, так как это ставит её в положение «царицы наук», что давно опровергнуто развитием культуры.

Положительные ответы касаются, однако, лишь вопроса адекватного познания *конкретных* реальных явлений мира, познания *сущего*. А познаваема ли *сущность* мира?

В рамках христианской культуры идея непостижимости «сущности», «тайны», «смысла» мироздания опосредована идеей непостижимости Бога, так как именно Бог и есть сущность и смысл мира. У христианских богословов она выражается откровенно и ясно: «Пути господни неиспо-

ведимы». Человек несоизмерен Богу, хотя и несет в себе искру божественного в душе. Философы не-богословы ищут обходные пути. Примером этого могут служить суждения классика постструктурализма Ж. Деррида. Символы человеческой ограниченности он находит в библейском мифе о Вавилонской башне и древнегреческом мифе о лабиринте. В Книге Бытия, в главе 11, рассказу о Вавилонской башне посвящены 9 стихов (абзацев). Непосредственное прочтение этого текста с очевидностью говорит, что тут содержится наивная попытка объяснить существование разных языков и разных народов: «6. И сказал Господь... 7. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. 8. И рассеял их Господь по всей земле». Вот, собственно, и все. В тексте нет указания, почему Господь это сделал. Единственная фраза, которая выражает некое эмоциональное отношение Господа к строителям башни, такова: «6 ...вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать». Поэтому типичным штампом в интерпретации этого мифа стала идея, что Бог *наказал* людей за гордыню, за стремление «достичь неба», подчеркнув тем самым их несопоставимость с собой. Деррида принимает эту идею, только сделав современный акцент – на различии и несопоставимости языков как причине невозможности постигнуть архитектурные замыслы Бога.

Греческий античный миф о лабиринте гласит, что его создатель Дедалос погиб, не найдя выхода из него. Что именно имели в виду древние греки, создавшие миф, это вопрос интерпретации. Разумеется, представить это как символ человечества, запутавшегося в своих творениях (в том числе творениях своей мысли), очень удобно – получается красивая «картинка». Е.А. Найману так представляет мысль Дерриды: «По-видимому, именно в создании лабиринта... видится непомерная претензия на абсолютную репрезентативную силу мышления. <...> [Но] репрезентировать принцип абсолютного источника не по силам человеческой мысли. Невозможно подняться до архитектурности Божественного замысла. ...Стремление сделать невидимое видимым мстит человеку, указывая на его конечность и ограниченность» (Найман Е.А. Язык, мысль, архитектура и божественное начало сквозь призму принципа дополнителности в мифе о Вавилонской башне у Ж. Деррида).

Вот такие сложные конструкции выстраиваются в новой философии, чтобы «доказать» старую-престарую мысль, что мир непознаваем. Но ссылки на старинные мифы могут доказать только то, что уже древний человек ощущал свою малость в огромном мире, и не более того. Современное научное представление о мире и человеке дает вполне рациональный и обоснованный (и тоже отрицательный) ответ на этот вопрос. Большая часть совре-

менной философии в основном отрицательно относится к *самому этому вопросу*, сомневается в правомерности его постановки, поскольку, говоря философским языком, люди имеют дело *не с бытием, а с сущим*.

Познание, которое осуществляет и отдельный человек, и все человечество, *конечно* во времени и потому не абсолютно, ограничено.

При этом нужно иметь в виду ограничения двух типов.

#### **4.1.3. Трансцендентальные ограничения**

Они коренятся в «устройстве» наших познавательных способностей.

Суть заключается в следующем. Мы познаем, используя опыт, мышление и воображение. Опыт – это *чувственное восприятие* мира (созерцание: видим, слышим, осязаем и т.д.). В силу темпоральности этого процесса и конечности человеческой жизни объём восприятий ограничен. Мышление же, как показал Кант, лишь постольку дает реальное знание, поскольку оно опирается на опыт. Кант сформулировал четыре противоречия чистого разума, в которых показал, что разум, не опирающийся на опыт, неизбежно приходит к антиномиям (неразрешимым противоречиям). Но *любые проблемы, касающиеся бесконечности, предельности, не могут решаться посредством опоры на опыт*, так как опыт не может «схватить» бесконечное. Это есть первое трансцендентальное ограничение наших способностей познания.

Есть и еще одно трансцендентальное ограничение – всё, что мы утверждаем о мире, мы утверждаем об *этом, данном нам* мире, мы не знаем и *не можем знать* – *был ли мир когда-либо другим с точки зрения физических законов, известных нам сейчас, будет ли он когда-либо другим, может ли он быть когда-либо другим*. Например, может ли существовать мир, где не действуют закон тяготения и закон сохранения энергии? Представить такой мир мы не в состоянии. Но если он существовал или существует, то это *абсолютно* другой мир, нигде и никак не пересекающийся с нашим. Он не может быть описан нашим языком. Мы можем строить предположения, но они никогда не могут быть проверены, так как наш организм и наши познавательные способности построены на законах *этого, нашего* мира.

#### **4.1.4. Ограничения, вытекающие из масштабов мира**

Вопрос о том, является ли мир, в котором мы живем и который мы познаем, *конечным или бесконечным* в пространстве и времени, – интере-

сует людей с мифологических времен, его пытались решить сначала философия, а затем наука.

На основе общей теории относительности Эйнштейна современная наука склонна считать мир *конечным, но безграничным*. С точки зрения математики это не сложно представить. Например, длина окружности, измеренная определенной единицей, конечна, её можно пробежать за конечное время. Но окружность не имеет внутренних границ, в этом смысле она безгранична.

С точки зрения рассудочной логики этот вопрос о конечности или бесконечности мира неразрешим, так как бесконечное мы не можем схватить конечным числом познавательных усилий, а *конечный мир мы не в состоянии представить*, так как конечное предполагает наличие границы, относительно которой встает вопрос «А что за ней?». Ф. Бэкон говорил об этом: «Жаден разум человеческий. Он не может ни остановиться, ни пребывать в покое, а порывается все дальше. Но тщетно!.. Мысль не в состоянии охватить предел и конец мира, но всегда как бы по необходимости представляет что-либо существующим еще далее» (Бэкон Ф. Сочинения). Из этого вытекает потенциальная *бесконечность* человеческого познания: «Человеческий рассудок устроен таким образом, что не существует ответа, найдя который нельзя было бы задать новый вопрос» (Тюрин И. Механика гуманитарной мысли).

Конечность или бесконечность Вселенной – загадка. Но для наших целей достаточно другого, гораздо более слабого утверждения: вселенная *огромна* как в пространстве, так и во времени. Её масштабы, известные сейчас, не являются человекоразмерными. *Самая близкая* от нас звезда альфа-Центавра удалена от нас на многие триллионы километров, полет к ней занял бы при современных средствах перемещения сотни тысяч лет. Понятно, что человек не может вступить с ней в *практическое* отношение. Другие же звезды в других галактиках удалены от нас в миллионы раз дальше. И если допустить, что там есть жизнь, социум, аналогичный нашему, мы никогда ничего о них не узнаем. Можем только фантазировать. Прямое общение со столь удаленными объектами *для нас* невозможно. А ведь познание есть общение.

Это, однако, не значит, что мы *ничего* не способны познать об этих объектах. Мы знаем их месторасположение в пространстве, их массы и химические составы, даже предсказываем судьбу их физического существования и т.п. Но мы знаем их такими, какими они были миллиарды лет назад, а не такими, каковы они сейчас, в момент наблюдения (поскольку свет и радиоизлучение доносят информацию о них лишь за миллиарды лет). Вполне возможно, что в момент нашего наблюдения их уже нет, они давно перестали существовать.

Столь же невозможно *неограниченное* проникновение человекообразными средствами в микромир. Здесь, как и в случае изучения удаленного Космоса, возникает ограниченность, связанная с *ограниченностью ресурсов*. Ограниченность ресурсов является препятствием к познанию. Это препятствие сейчас вполне реально ощущается. Для изучения микромира должны строиться и строятся огромные сооружения. По функции они – приборы, а по масштабу – гигантские промышленные объекты. Уже сейчас большинство *стран* мира не могут себе позволить создать такие объекты.

Наиболее ярким примером этого является сооружение и запуск в сентябре 2008 г. Большого адронного коллайдера. Это сверхмощный (самый мощный в настоящее время) ускоритель частиц, на котором попытаются смоделировать условия Большого взрыва (начала Вселенной). Длина кольца ускорителя, находящегося в туннеле на глубине до 175 м, – 27 км, причем тысячи тонн металла этого сооружения охлаждены до температуры около –300 градусов (для обеспечения сверхпроводимости). Он создан под Женевой Европейским центром ядерных исследований (ЦЕРН). Однако в его создании принимали свыше 400 физических институтов и промышленность всех развитых стран (в том числе и России). Только один из 4 детекторов коллайдера спроектирован и построен при сотрудничестве 2250 физиков из 33 стран. Этот факт показывает, как выглядит познание мира на переднем крае науки. Объединенное человечество еще имеет пока некоторые резервы увеличения средств познания космоса и микромира, но уже очевидно, что и они скоро будут исчерпаны.

Таким образом, познание наиболее сложных конкретных проблем ограничивается пространственно-временными параметрами мира и человека, а также конечностью социально-материальных ресурсов человечества.

Из этого не следует, что познание пришло или подходит к какому-то концу. В сфере человекообразных параметров мира и самого человека существует масса *уже поставленных и пока не разрешенных* проблем.

Например, вопросы о причинах многих болезней и путях их излечения, о путях продления жизни человека, создания новых видов растений и, может быть, животных с новыми свойствами, создания новых веществ. Решения многих из них, скорее всего, расширят наши возможности и в познании наименее доступных сфер мира. Недавно появились сообщения об экспериментальном подтверждении самовозникновения жизни из неживого вещества. Огромные проблемы стоят перед людьми в сфере познания собственно человеческих (психологических, социальных, экономических) отношений.

Очень эмоционально и по существу очень правильно описал ситуацию чешский писатель Карел Чапек. Он говорил: «Для меня признание

безграничной сложности действительности – это проявление уважения к действительности; уважения, которое перерастает в восхищение. Нам, людям, дан кусочек вселенной, чтобы мы познавали её; мы добираемся до её глубин не единственным путём, мы познаем её своими поступками, науками, поэзией, любовью и религией, нам нужны разные методы, чтобы измерить ими свой мир. Безграничная ценность жизни не может быть отгадана только с одной стороны» (Чапек К. К одному читателю. Середина 30-х годов).

*Познавательная экспансия человечества может закончиться только с концом человечества, так как она – одна из ипостасей человеческого бытия, человеческой экзистенции. Либо человек будет познавать, и тогда будет человеком, либо прекратит познавать, и тогда кончится как человек. Такова дилемма, такова действительно важнейшая проблема гносеологии.*

## 5. СТРУКТУРА ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Всякое познание любого типа и любой формы есть *процесс*, состоящий из отдельных актов. И *как процесс познание имеет одну и ту же принципиальную структуру*, которая особенно отчетливо обнаруживает себя в познании как целенаправленно-систематической деятельности.

Рассмотрение познания *как деятельности* является результатом той социологизации гносеологии, о которой было сказано выше. «Деятельность» – *понятие социологическое*, так как деятельность – это специфическая форма именно *человеческой* и только *человеческой* социальной активности. Деятельность всегда есть система или совокупность связанных между собой действий, подчиненных некоторой цели и замыслу. Она может быть направлена на предметно-материальные или социальные объекты и формы, на их созидание, изменение, уничтожение, ограничение, применение и т.п. Деятельность может быть направлена на создание своих собственных *орудий и средств*. Среди таких орудий и средств находится и *знание*. Целенаправленно-систематическое познание полностью отвечает общим критериям деятельности и обладает всеми чертами и структурными элементами, свойственными *всякой* деятельности.

Структура *любой* деятельности включает в себя:

- *условия* (ситуация, обстоятельства, причины, заставляющие действовать);
- *действующего субъекта*,
- *объект* (или предмет) – то, на что деятельность направлена;
- *цель* – то, *ради чего* деятельность осуществляется, цель существует как *образ желаемого будущего состояния исходного объекта*;
- *средства* (материальные или духовные орудия деятельности);
- *акты деятельности* как таковые, то есть действия субъекта, заключающиеся в применении средств;
- *результат* (продукт) деятельности.

Результатом деятельности обычно является видоизмененный объект, если только деятельность не была направлена на его *уничтожение*. Но и полное уничтожение объекта никогда не ведет к абсолютному *ничто*.

Структуру целенаправленно-систематической *познавательной* деятельности составляют те же элементы: *условия* (основания), *субъект*, *объект*, *цель*, *средства*, *познавательные акты*, *результат* (продукт). Поскольку познавательная деятельность является *духовным* процессом, всем её элементам свойственна существенная *специфика* в сравнении с

производственно-материальной или социальной деятельностью. В материальной (производственной) деятельности объект (предмет) *обязательно изменяется*, ибо в этом и заключается её смысл. В познавательной деятельности, напротив, объект (предмет) в обычных ситуациях *не изменяется* под воздействием познания.

Рассмотрим структурные элементы познавательного процесса, имея в виду в основном систематически-целенаправленное познание, но иногда касаясь и других форм.

## 5.1. Условия познания

Чтобы познавательная деятельность состоялась и принесла желаемые результаты, нужны некоторые обязательные *объективные* и *субъективные* условия (которые могут осознаваться или не осознаваться познающим субъектом).

Для того чтобы что-либо доказать, обязательно нужны аксиоматические или постулативные положения, на которые, в конце концов, опирается доказательство. Если таковых нет, доказать в логическом смысле ничего нельзя. В области гносеологии таких постулатов и условий – два: фундаментальные онтологические убеждения и признание принципа отрицания.

### 5.1.1. Первое условие: фундаментальные убеждения

*Первое* условие (основание) познания является *экзистенциальным*, и заключается в наличии у человека *фундаментального онтологического* и *фундаментального гносеологического* убеждений.

Бытие мира и его вещей, явлений, процессов, свойств и т.д. – это *объективное* условие познания: *познавать можно только то, что есть*, существует. *Фундаментальное онтологическое убеждение* (ФОУ) – это *субъективное убеждение человека* (ясно осознаваемое, или смутно чувствуемое, или полностью не рефлекслируемое) *в том, что мир есть и что человек – частичка этого мира*. ФОУ не есть теоретический, тем более доказанный, постулат. Это есть вера, которая навязывается человеку самой жизнью. Как говорил Д. Юм, что бы мы ни представляли, мы представляем это как существующее. Всякая идея, какую бы мы ни образовали, есть идея некоторого бытия. Вопрос о том, что значит *есть*, что значит *существует* – сложный философский вопрос. Но мы сейчас



имеем в виду познавательную деятельность человека, не рефлексирующего по этому поводу, а просто целенаправленно познающего. Познавать то, чего нет, невозможно. *Научное* познание осознанно признает это обстоятельство. Так, например, А. Эйнштейн писал, что *высшей целью физики* является полное описание «реального состояния произвольной системы (существующей, по предположению, независимо от акта наблюдения или существования наблюдателя)» (Эйнштейн Н. Собр. науч. трудов. Т. 4. С. 296). Вопрос о познании того, чего нет, но что, по предположению, *было*, мы обсудим позже – это специальная проблема. Пока мы рассматриваем *общее, типичное* условие.

Сама познавательная активность человека, всегда направленная на *что-то*, есть признание того, что *познаваемое* существует *до* акта познания. ФОУ – первейшее, исходное экзистенциальное состояние человека. М. Хайдеггер назвал это состояние переживанием «бытия-в-мире».

*Фундаментальное гносеологическое убеждение* (ФГУ) заключается в вере в то, что *мы можем познавать вещи*. Эта вера первично является бессознательной. Стремясь что-то познавать, направляя на это усилия, мы, естественно, ожидаем, что добьёмся результата. Если бы мы в это не верили, наши усилия были бы бессмысленны. Зачем что-то делать, если заранее знаешь, что сделать это нельзя? Никто не пытается летать, махая руками, потому что знает, что это невозможно. *Обычному естественному человеку, как и человеку конкретной науки, не присущ философский скептицизм – продукт философской рефлексии*. Как в повседневном познании, так и в познании-учении и в научном исследовании люди бессознательно исходят из того, что познавать – *возможно*. Это и есть *фундаментальное гносеологическое убеждение*.

Основанием и источником ФГУ является материальная практика. Узнавая свойства вещей и используя их в реальных применениях, человек с первобытных времен привыкает считать, что раскрытие свойств вещей возможно. Конечно, ФГУ базируется не на теории, а на вере. Философия в лице скептицизма пытается эту веру подвергнуть сомнению. Но сила веры как раз в том, что она не склонна прислушиваться к логическим аргументам (вспомним рассуждения на эту тему Давида Юма). ФГУ отразилось в тех концепциях философии, которые теоретически признают возможность познания мира и аргументируют её. Большинство философов-классиков в возможности познания не сомневались.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет (XX в.) противопоставил «идеи» (то есть рациональные рассуждения) и «верования». О последних он писал, что они составляют каркас нашей жизни, что мы не отделяем их от самой реальности, – они наш мир и наше бытие. Именно к феноменам

такого рода следуют отнести ФОРУ и ФГУ. *Веру людей в разум*, в интеллект, Ортега также относит к таким верованиям, которые неискоренимы и не преодолеваются никакой критикой разума (характерной для наших дней).

В философско-теоретической сфере ФГУ воплотилось в принципе Лейбница - *униформизм природы и единство логики*. Согласно этому принципу, мы не только *можем* познавать, но мы можем познавать *все* естественное, в силу того, что природа повсюду одинакова, однородна (униформизм) и законы нашего мышления одинаково пригодны для познания *всего* (единство логики). Познанное в одном месте природы будет *таким же* в любом другом месте нашего мира. И одна и та же логика действует, познаем ли мы явления физические, биологические, социальные, духовные или трансцендентные.

Наука XVIII-XIX вв. неуклонно руководствовалась именно этим принципом, независимо от того, знал ли его конкретный ученый. Дело не в том, что Лейбниц предложил принцип и все стали им пользоваться. Напротив, Лейбниц в обобщенной форме представил те убеждения, которыми ученые пользовались бессознательно и стихийно.

Однако уже в XVII в. наука встретила явления, которые противоречат таким представлениям. Например, было обнаружено, что атмосферное давление различно на различной высоте и в различную погоду (при ясной выше, а при пасмурной ниже), что вода на поверхности Земли и высоко в горах закипает при разной температуре. Не означает ли это, что наша способность *правильно* познавать мир ставится под вопрос? Это мы рассмотрим позже.

### **5.1.2. Второе условие: признание принципа отражения**

Если первое условие *экзистенциально*, то второе является *гносеологическим*. Как бы мы философски ни понимали мир, мы должны *признать* в качестве *предпосылки для осмысленности познавательных действий*, что в познании мы получаем «копии», «образы», «отражения» познаваемого. На бессознательном уровне мы всегда так и считаем. Это и есть второе необходимое условие или основание познания: бессознательная вера (допущение), что наши зрительные, слуховые и другие *восприятия* и наши *мысли* в некотором смысле *отображают то, что есть* или происходит *в самом реальном мире*, что мир в них представлен (репрезентирован).

В философской рефлексии, в гносеологии разных времен идея «отражения» многими критиковалась и отвергалась. Особенно активно она отвергается сегодня.

Позже мы рассмотрим этот вопрос подробнее, сейчас же заметим только, что речь здесь идет именно только об условии того, чтобы познание не рассматривалось как бессмысленное занятие, а не о том, что представляет собой наше знание в техническом смысле по способу его существования. Поэтому употреблены три слова – «копии», «образы», «отражения», что подчеркивает, что они выражают лишь некоторую *интенцию*, направленность познания. Смысл этих терминов должен быть уточнен.

## 5.2. Субъект познания

Чтобы познание состоялось, необходимо, чтобы был *тот, кто познает*, – субъект познания.

Понятие «субъект» чрезвычайно распространено и важно в философии.

В самом *абстрактном (метафизическом)* смысле субъект есть *активное свободное начало бытия и деятельности*.

Например, в этом смысле средневековый философ Фома Аквинский (XIII в.) выдвинул идею, что структуру реальности составляет *мир субъектов*, или оснований, противостоящий миру *объектов* и *полагающий* его. Высшей субъективностью и спонтанностью обладает личность. В таком понимании смысл слова «субъект» опирается на этимологию этого латинского слова *sub-ject*, которое значит «под-лежащее» («лежащее под»).

Важное значение имеет *социально-психологическое* определение субъекта: субъект есть свободная творческая личность как агент социальной активности (социального действия).

В *социологическом* смысле субъектом социального действия может быть названа не только отдельная личность, но и группа, организация. Например, субъектом международного права является государство.

Субъект в этих двух смыслах изучается современным направлением философии – *философией действия* (которой занимаются, в частности, ряд известных социологов). Субъект здесь обозначается как актер (действующий).

Во всех определениях сущностной характеристикой субъекта полагается *свобода, активность, творческая природа*. Субъект *деятелен*. Обоснование этих черт субъекта -- свобода, активность, творческий характер – достижение классической философии XVIII–XIX вв.

Эти характеристики целиком относятся и к субъекту в *гносеологическом* смысле: субъект есть свободный и творческий агент (актер) *познавательной деятельности*.

### 5.2.1. Современные представления о свойствах субъекта познания

Современное понимание субъекта познавательной деятельности отличается от более ранних представлений по целому ряду параметров.

Первое, что характеризует субъект познания: он никем формально не утверждён в этом статусе и *не институализирован*. Субъект познания *самоутверждается* в пространстве познавательной деятельности. Так дело обстоит на всех уровнях познания. Повседневное познание происходит не по приказу, не под давлением, а само собой, спонтанно. В познании-учении ребенка *«заставляют»* быть субъектом учения, *но на самом деле субъектом познания-учения он становится только сам* (пусть и с помощью учителя). То же и в целенаправленно-систематической познавательной деятельности. Например, в системе науки человек становится субъектом познания не тогда, когда он получает степень или должность в научном институте, а когда реально и не по принуждению осуществляет познавательную деятельность. Ибо субъект – это *свободная творческая личность*, и никак иначе.

Как указывает известный отечественный философ Л.А. Микешина в книге «Философия познания», *сейчас возобладали идеи целостного, а не частичного (гносеологического) субъекта, то есть субъект понимается не только как познающий, но как социально деятельный*. В противовес трансцендентализму признается и *эмпирический субъект*.

В ранней классической гносеологии под субъектом познания понимался, как правило, *отдельный человек* и часто – как *пассивная* сторона отношения «субъект–объект». Познание представлялось так: *мир воздействует* на человека, поставляя ему образы в той или иной форме. Субъект их просто воспринимает.

Современная гносеология полагает и утверждает, что в познавательном отношении «субъект–объект» *именно субъект является активной стороной*. Активность субъекта в познании в философско-теоретическом плане впервые была обоснована в философии И. Канта. Сейчас это – азбучная истина гносеологии.

Субъект познания не просто «поглощает» то, что ему предлагает мир, он «прежде всего и главным образом, ... *интерпретирующий*, поскольку его существование и деятельность развертываются не просто в объективной действительности, но в мире, созданных им образов, знаков и символических форм, присущих самой структуре человеческой жизни» (Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы).

Современная гносеология исходит из представления об *иерархичности* субъекта целенаправленно-систематического познания-исследования. На повседневном уровне познает, как правило, отдельный человек. Субъектом целенаправленно-систематического познания может выступать не только отдельный человек (индивид), но и *субъект-группа* (и/или институт, коллектив). *Социум в целом* также является субъектом познания, хотя в этом случае и не уместно говорить о деятельности.

Итак, перед нами три уровня эмпирического бытия субъекта познания:

– *индивид*, человек обладающий сознанием и познавательной активностью;

– *организованная группа индивидов*, которые решают *одну и ту же* познавательную задачу; такой группой может быть и группа школьников, *совместно* решающих домашнее задание (в процессе познания-учения), и научная лаборатория, и научный институт, исследующие какую-нибудь одну научную тему. Деятельность групп включает в себя деятельность индивидов, но группа выступает как *один субъект тогда, когда получаемое знание является результатом совместной деятельности всех*. «Коллективное действие» является одной из тем философии и социологии действия;

– *социум*, который является субъектом в том смысле, что не только отдельные люди познают, но познает и всё человечество, из поколения в поколение собирая знания о мире в общечеловеческой копилке – в социальной памяти (в социальном *тезаурусе*).

Современная гносеология указывает и на *новые существенные черты и свойства* субъекта познавательной деятельности.

### 5.2.2. Субъект-индивид

*Субъект-индивид* – это, скажем, отдельный ученый. Введенное Кантом понятие *трансцендентального субъекта* рисовало картину «чисто познавательного» отношения между «чистым» субъектом, как некоторой системой познавательных способностей и действий, и объектом. Но такой субъект – лишь абстракция, допустимая, но сильно упрощающая истинное положение вещей. Современная гносеология не рассматривает субъекта-индивида просто как человека, обладающего сознанием и познавательными способностями, подаренными природой. Реальный субъект познания обладает *социокультурной определенностью*. Он живет в определенном обществе, в определенной культуре, которую впитал, имеет определенное миропонимание (мировоззрение), определенные ценностные ориентации в жизни – и *все это влияет на то, как он познает, как*

осуществляет познавательную деятельность и, следовательно, на результат познания.

**Главные детерминанты** социокультурной определенности субъекта-индивида - *социальное положение, язык и парадигма*, в которой он осуществляет свою познавательную деятельность.

Субъект-индивид не является чистой психофизиологической единицей и ещё в двух отношениях. Он *никогда не начинает познание с чистого листа и никогда не познает в чистом одиночестве*. Любой человек включен в сложную систему общения с другими людьми, поэтому он есть некоторый *узел коммуникации*. В любом человеке случайным образом перешлепаются (частично осознаваемые, но большей частью неосознаваемые) потоки информации, образуя *уникальную* познающую личность. Это своеобразие всегда огирается не только на *свой*, но и на *чужой* опыт, на знания, добытые *другими* людьми. Субъект познания всегда представляет в своих познавательных *целях и возможностях* не только себя *самого*, но и *свое время, свое общество и всю систему своих коммуникаций*. И поэтому каждый субъект *един* со своим обществом и временем и в то же время *уникален*.

Современная *социология* в рамках *философии действия* предлагает различные схемы этой обусловленности. Так, уже упоминавшийся Л. Тевено предлагает концепцию трех прагматических режимов, в рамках которых действует «актор» (в том числе и познающий субъект). Каждый из этих режимов есть определенная система *координации* актора в его взаимосвязях (1) с другими акторами, (2) с предметной средой и (3) с самим собой. Тогда, говорит Тевено, возникает возможность рассматривать личность «не как принцип, а как результат такой координации» (Тевено Л. Прагматика познания). И вот важная идея: действие «даже если и производится в одиночестве, зависит от координации» (Там же). Координация означает «вовлеченность в окружающую среду». Все это относится к актору любого, в том числе, разумеется, и познавательного действия.

В связи с этим субъект всегда находится в ситуации необходимости взвешенного отношения к традиции. Субъект всегда действует в системе какой-либо традиции – культурной, гносеологической, методической, словом, в системе каких-то выработанных прежними поколениями представлений и норм, совокупность которых можно назвать *парадигмой*. Традиции могут и противоречить новым познавательным задачам, тормозить познание. Субъект как свободная творческая личность свободно и творчески относится и к традиции. Но полное отрицание традиции, её неучёт чреват потерей фундамента. *Прорыв* в новое не может быть абсолютным *отрывом* от старого.

### 5.2.3. Субъект-сообщество

Эмпирически субъект этого типа существует в многообразных формах. Это различающиеся по размеру, устойчивости связей и времени существования группы, долговременно действующие организованные коллективы (научные институты, лаборатории и т.п.), так называемые невидимые колледжи и др.

Субъект-сообщество (кроме временных случайных групп) имеет специфические особенности. Прежде всего, для него характерно наличие *групповой парадигмы*. Групповая парадигма – это совокупность представлений и норм, в рамках которой работает данная группа, которыми руководствуются все члены группы. Субъект-группа – это не просто *формальное* объединение. Конечно, сегодня большинство групп организуется формально. Формально организованная лаборатория, или исследовательская группа, или научный институт – это некоторые социальные дискретные единицы, перед которыми поставлены научные задачи. Но *единым субъектом познания они становятся лишь в том случае, если все члены группы одинаково понимают (и принимают) познавательную задачу и работают в единой групповой парадигме*. Только тогда усилия индивидов, составляющих группу, дают *единый* результат.

Фактически тот или иной сотрудник лаборатории может вынаждать из парадигмы, и тогда – он не член группы-субъекта, хотя и сотрудник лаборатории. При этом он тоже может дать какой-то полезный и интересный познавательный результат, но это будет его собственный результат как субъекта-индивида, не растворяющийся в общем результате.

Понятие «*невидимый колледж*» введено в социологию науки, феномен невидимого колледжа изучен *социологически*. Невидимый колледж – это *свободное неформальное* сотрудничество ученых, работающих в одном тематическом поле над одной или сходными (содержательно близкими) проблемами. Они могут жить в разных городах и странах, институционально никак не связаны, но знают друг друга по публикациям, по выступлениям на конференциях, семинарах и т.п. И если они не соперничают, а сотрудничают, вступают в переписку, обмениваются мыслями и информацией, рассказывают о своих достижениях и трудностях – это создает *единое коммуникационное поле*, в котором познавательная задача решается единым усилием. Они выступают как субъект-группа.

Важное значение для понимания познавательной деятельности субъектов-индивидов и субъектов-групп имеет понятие «интеллектуального поля», введенное современным французским социологом Бурдьё. Его можно истолковать следующим образом (возможно, не полностью адек-

ватно замыслу Бурдьё). *Интеллектуальное поле* – это общетематическое поле духовной, в том числе познавательной, деятельности, в котором за-действованы и *живут* значительные социальные группы людей. В *гносеологическом аспекте* – это *поля наук и научных дисциплин*, например интеллектуальные поля историков, физиков, социологов, филологов, экономистов и т.д. Интеллектуальное поле – понятие *социологическое*, но оно имеет и *эпистемологический*, и *экзистенциальный* смысл. Оно обозначает поле специфических интеллектуальных *интересов, образа мышления, традиций*. В нём всегда *собственный язык*, на котором общаются «участники» поля. Этот язык *объединяет их* и *отделяет от других* полей. В этом поле конкретный субъект находит проблемы и формулирует познавательные задачи. Но не только. Главное – он в нём *живёт*, связан с ним *экзистенциально*. Принадлежность полю – это не профессиональная принадлежность. Человек, имеющий диплом историка и даже преподающий историю, вовсе не обязательно принадлежит интеллектуальному полю истории, если его духовные интересы не в ней. Соответственно, он не может быть субъектом исторического познания. С другой стороны, конкретный человек может быть включен не в одно, а в несколько интеллектуальных полей, и быть субъектом познания разной тематической направленности (как и субъектом различной социально-практической деятельности). При этом одно интеллектуальное поле в общем случае является доминирующим. По-видимому, если подойти к идее интеллектуального поля не социологически, а философски, можно сказать, что люди одного интеллектуального поля – это люди *сходных духовных ориентиров, сходной ментальности*. Именно это является онтологической и психологической основой образования интеллектуального поля.

#### 5.2.4. Социум как субъект познания

*Социум* (общество, человечество) познаёт мир, накапливая в объективированной форме знания в общечеловеческой (социальной) памяти. Конечно, конкретные познавательные акты совершают отдельные люди и группы. В этом смысле мы не можем говорить, что социум осуществляет познавательную *деятельность*. Тем не менее человечество в целом *находится с миром в познавательном отношении*, поэтому социум может быть назван субъектом познания. Но он требует специфических, особенных характеристик.

*Социум* – понятие *не социологическое, не гносеологическое, а метафизическое*. Оно обозначает определенный слой в структуре сущего, взятого в целом.



В известном нам мире мы знаем (выделяем):

– *неживую природу* (космические объекты, звезды и планеты, Землю как космическое физическое тело с её литосферой, атмосферой, океанами и т.п.). Вся эта область подчиняется, в конечном счете, законам физики и химии;

– живую природу (*биос*, биосфера) – все живые существа от одноклеточных организмов и растений до высших животных и человека как организма (человеческие тела). Имеется в виду *не сумма* этих организмов, а их универсальная взаимосвязь, образующая динамическую самоорганизующуюся систему геобиоценозов. Эта область подчиняется законам эволюции, самоорганизации, биологии и физиологии, которые *базируются* на законах физики и химии, но *не сводятся* к ним;

– *социум* – сообщество, совместная жизнь людей, в которой *снимаются* (в гегелевском смысле) чисто биологические и физиологические свойства, связи и отношения между человеческими особями и *преобразуются в социальные свойства, связи и отношения*. Жизнь социума подчиняется не законам физического мира и биоса, а собственным, *социальным* законам, которые как раз и призвана открывать социология. Элементом, «атомом» социума является человек как *существо, обладающее сознанием* и находящееся в названных выше трех отношениях с миром (в практическом, познавательном и экзистенциальном) и в отношениях с себе подобными. Социум, социосфера есть целое, это *не сумма* индивидов, а сложнейшее *динамическое* многообразие их связей. В общем-то, эта идея не требует особых доказательств, но все же сошлемся на социолога: «Социальное, как бы ни трактовать его сущность и механизмы детерминации, феноменологически есть взаимодействие» (Шмерлина И.А. Семиотическая концепция социальности: постановка проблемы).

Между социумом, как целым, и индивидами существует неустранимая и ни к чему не редуцируемая *взаимобусловленность*: люди такие, какие они есть, потому, что они живут в социуме (в связи друг с другом). А социум возможен и существует потому, что люди таковы, каковы они есть, то есть существа, наделенные сознанием. Социум и человек, как *особое* существо, исторически *возникли вместе*, как одно целое, ни первое, ни второе не предшествует одно другому во времени.

В каком же смысле так понимаемый социум является субъектом познания? Прежде всего, социум, и именно он, располагает основными *ресурсами* познания. К ним относятся: люди (познающие субъекты), язык, коммуникации, институты, «невидимые колледжи», материальные (предметно-орудийные и финансовые) средства, социальная память (тезаурус социума).

Какое значение имеют *материальные ресурсы*? К этому вопросу следует подойти исторически.

Обыденное познание первобытного человека, да и современного тоже, особых затрат не требовало и не требует. Но целенаправленно-систематическое познание (прежде всего, естественно-научное), исторически проникая во все более сложные структуры мира, становится все более затратным и дорогостоящим.

Сейчас для эффективного познания требуются здания лабораторий, экспериментальное и измерительное оборудование, очень чистые вещества и пр. На многих направлениях *научного* познания сейчас невозможно обойтись без космических аппаратов, ускорителей, огромных радиотелескопов, компьютеров и т.д. Все это невозможно создать в индивидуальном порядке. Все это создается обществом в системе материального промышленного производства. Исследователь-индивид в этом смысле целиком зависит от материально-финансовых возможностей общества.

Здесь возникают и *национально-социальные* проблемы познания: разные народы имеют различные возможности обеспечить научную познавательную деятельность. Поэтому актуальным является *международное сотрудничество* в наиболее затратных областях познания. Адронный коллайдер и Международная космическая станция (МКС) – наиболее известные примеры такого сотрудничества. Интересы познания объективно противостоят национальным границам. Гносеологические проблемы переплетаются с социально-экономическими и даже политическими.

Тем не менее пока существуют национальные границы и национальный менталитет, даже в естественно-научном познании это имеет значение, не говоря уж о познании гуманитарном. Поэтому *социум как субъект внутренне неоднороден и противоречив*. Ментальные особенности народов являются препятствием к взаимопониманию. Отсюда вытекает необходимость межкультурных связей, межкультурного диалога, межкультурной *коммуникации* для обеспечения нормального процесса познания как *социального* феномена.

Всё (или почти всё), что человечество узнаёт о мире, оно сохраняет в памяти сначала отдельных людей, а затем, после изобретения письменности, в объективированной форме записанных сведений. Сегодня средства сохранения текстов расширились за счет различных технических носителей (компьютерная память, кинофотодокументалистика и пр.), и не исключено появление новых.

*Сведения, сохраняемые в объективированной форме и в принципе доступные для использования индивидами, это есть социальная память. Каковы её функции в познании? Их несколько.*

Во-первых, в процессе познания-учения основные знания черпаются человеком из социальной памяти. Именно приобщаясь к социальной памяти, человек становится *знающим* и способным к дальнейшему познанию, к получению *нового* знания.

Во-вторых, социальная память – это накопленный опыт поколений, благодаря чему субъект-социум сохраняется как развивающийся во времени, обогащающийся, но *один и тот же* субъект.

Субъект-социум охватывает не только все субъекты-индивиды и все субъекты-сообщества, но все *содержательные направления* познания. Если субъекты индивиды и сообщества всегда имеют ограниченное тематическое поле познания (например, история, социология, математика и т.д.), то общество *изучает всё: всё мироздание*, которое ему противостояит, и *самого себя*. Это *универсальный субъект*. В связи с этим перед ним встает проблема *междисциплинарной* коммуникации, имеющей объективной целью формирование *единого знания*, а не разрозненных фрагментов знания, каковыми они являются, если этой коммуникации нет.

В связи с понятием субъекта познания надо отметить идею *познания без субъекта*, которую выдвинул К. Поппер. Идея заключается *не* в том, что познание может реально *осуществляться* без субъекта, что, конечно, невозможно. Имеется в виду, что познание и знание *как предмет гносеологии* могут *изучаться без привлечения идеи субъекта*. По мнению Поппера, объективированное знание образует так называемый «третий мир» (наряду с миром физических объектов и с миром психических процессов), имеющий *собственные* закономерности, не сводящиеся ни к законам физической природы, ни к законам человеческой психики. Эта абстракция вполне приемлема.

Как рассуждает Поппер?

Рассмотрим библиотеку, где все книги – без обложек и выходных данных. Можем ли мы по их содержанию восстановить *хронологию* их издания, если это научные книги? Можно! Можно потому, что существует определенная *логика последовательности* развития знания. Например, чтобы установить вещественный состав Солнца, надо было сначала узнать, что разные вещества испускают свет разной длины, и изобрести спектрометр. Чтобы изучать строение растительной или животной клетки, сначала надо было узнать свойства света, на основе которых изобрести микроскоп, и т.д. Если сравнить тексты историков или экономистов XIX и XX вв., можно установить их хронологию на основе анализа проблематики, языка, мировоззренческих ссылок и т.д. То есть гносеологическая идея познания и знания без субъекта позволяет проникнуть в *собственные имманентные законы* развития и накопления знания (что можно

определить как познание), независимые от индивидуальной психики ученого. Эта идея вполне эвристична, прежде всего, для познания истории познания, истории наук.

Поппер реализует мысль, высказанную русским мыслителем Чаадаевым еще в XVIII в.: есть одно средство увидеть истину – *удалить себя*, почаще говорить себе, как Диоген Александру: отойди, не засти солнца.

Эта мысль – гипертрофированный антисубъективизм. Если удалить своё Я, кто же будет владеть истиной? Получается попперовское «знание без знающего».

### **5.2.5. Особенности субъекта социологического познания**

Идея, что субъект *социального* познания вообще отличен от субъекта естественно-научного познания, высказана давно. Например, русский философ С.Л. Франк писал:

«Обществознание отличается той методологической особенностью, что в нем субъект знания в известном отношении совпадает с его объектом. Исследователь муравейника не есть сам участник муравейника... обществовед же есть сам – сознательно или бессознательно – гражданин, то есть участник изучаемого им общества» (Франк С.Л. Очерки методологии общественных наук). Это положение может быть целиком отнесено к субъекту *социологического* познания.

В современных условиях социологическое познание – это познание *научное*. Обыденным или художественным социологическое познание не бывает. Все современные характеристики субъекта познания относятся к субъекту социологического познания полностью, но есть необходимость дать и некоторые *дополнительные* характеристики. Это обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего, надо иметь в виду различие трех типов или уровней этого познания.

*Первый тип социологического познания* – познание общества как целого. *Объектом* выступает общество как таковое, как единый объект. Методом является масштабное модельное представление (создание *социологической теории*, опирающейся на некоторую интуицию). Здесь социология близка социальной философии. Субъектом *такой* деятельности выступает индивид – социолог-теоретик (примерами могут служить О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и др.).

*Второй тип социологического познания* – познание процессов и явлений среднemasштабного уровня. Например, в исследовании «Граждане новой России: кем себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить»

(см.: Российская идентичность в условиях трансформации. Опыт социологического анализа) изучается определенный регион в определенное время. Подобный объект весьма масштабен и в то же время требует конкретных исследований (в отличие от первого случая).

*Третий тип социологического познания* – познание конкретных и ограниченных социальных явлений, структур, свойств, отношений и т.д. Этим занимается *эмпирическая социология* (= прикладная; не все социологи эти понятия отождествляют, но в некотором приближении их можно отождествить).

Второй и третий типы социологического познания, как правило, требуют опросов, измерительных и счетных процедур, значительных массивов данных, которые обобщаются, и т.д. Здесь объект обычно таков, что его *социологическое* изучение трудно осуществимо силами одного человека. Субъект такого социологического познания почти всегда есть некая *исследовательская группа*, работающая в групповой парадигме, которая, конечно, имеет интеллектуальное ядро в виде генератора идей, методологии и т.д. В нормальном случае – это руководитель группы.

Это – общий случай. Но, в принципе, в таком объекте возможно выделить предмет и сформулировать проблему, посильные и для *отдельного* исследователя.

*Вторая принципиальная особенность* субъекта социологического познания – назовем её *идеологической* – заключается в том, что он всегда *включен* в свой универсальный объект, в социум, а бывает и так, что включен и в конкретную изучаемую объектную область и имеет в ней личный *интерес*. Например, если социолог, работающий в университете, изучает в каком-либо отношении университетское сообщество ученых. Если в исследовании природы идеологические, политические, ценностные и утилитарные интересы субъекта, в крайнем случае, могут сказаться на выборе темы, то в социологическом исследовании они могут непосредственно отразиться в *результате*.

Положение исследователя в социуме, статус, роль, профессиональная успешность или неуспешность, ожидания, предъявляемые ему, формируют его и могут привести к своеобразной *абerrации «социологического зрения»*. Так, например, известный отечественный социолог А. Здравомыслов пишет, что успешные люди «готовы оценивать общество в целом с точки зрения своих личных успехов... весьма некритически воспринимают все, что исходит от власти» (Здравомыслов А.Г. Социология как жизненное кредо).

Этот *фактор включенности* обусловил то, что социологи даже приняли *Кодекс этики Международной социологической ассоциации*, в котором сформулированы *нравственные требования* к социологу-

исследователю. Одно из них прямо раскрывает основание такой необходимости: «Социологам следует помнить, что их выводы и предложения могут влиять на общество. Поэтому они обязаны, с одной стороны, держаться *по возможности* непредвзятых установок, а с другой – признавать предварительный и относительный характер результатов их исследований и *не скрывать своих идеологических позиций*» (*Кодекс Международной социологической ассоциации*).

Наконец, *третья особенность* субъекта конкретного социологического познания – *психологическая* – обусловлена тем, что он имеет дело с живыми людьми, знает, что его исследовательский подход к ним вызовет какую-то реакцию, но не знает, какую, и может ожидать чего угодно: лжи, грубости, лицемерия, подлаживания под его интерес и т.п. Специальные социологические исследования познавательной деятельности социологов показали, что ожидания социологов, например в интервью, отчетливо сказываются на результатах (см. напр.: Мягков А.Ю., Журавлева Е.В. Эффект ожиданий интервьюера в персональном интервьюировании).

Конечно, эмоциональные факторы, ожидания имеют значение и в других познавательных процессах, но там они существенно меньше, ими можно пренебречь. В социологическом же познании – нельзя.

### **5.2.6. Критическое отношение к концепту субъекта познания**

В современной социологии у некоторых авторов существует критическое отношение к самому понятию «субъект познания». Эта позиция отчетливо представлена в статье Н. Лумана «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества». Отказ от идеи субъекта Луман мотивирует тем, что в обществе как рефлексирующей или описывающей саму себя системе «тем, кто описывает» является система средств массовой коммуникации. Она «невидима для себя самой». Поэтому, поскольку субъект всегда предполагает саморефлексивность, концепт субъекта объявляется неприменимым к обществу. В этом концепте «слишком много онтологии и гуманизма» (человеческого), «чтобы сегодня с ним могли согласиться». Концепт субъекта предполагает *субъективные* описания, которые требуют каких-то гарантий объективности. Луман предлагает заменить концепт субъекта «теорией описывающих самое себя систем» («observing systems»). При этом он вынужден признать, что эта конструкция «параллельна классической фигуре субъекта», что и сводит на нет его критику понятия субъекта. Кроме того, очевидно, что отождествление понятий «описание» и «познание» – слишком силь-

ная абстракция. Как показано выше, сегодня понятие субъекта не может быть сведено к идее саморефлексирующей личности. Субъект-коллектив и субъект-социум тоже саморефлексивны, но в ином смысле, на другом уровне абстракции понимания самой рефлексивности.

Второй мотив отрицания концепта субъекта заключается в следующем. Социология, говорит Луман, как наблюдатель, включается в наблюдаемое ею. Именно это стирает различие субъекта и объекта, потому что субъект должен понимать себя как крошечную частицу своего объекта. О несостоятельности этого аргумента уже было сказано во введении.

### 5.3. Объект познания

Объект *деятельности* – это достаточно определенно выделенный субъектом (фактически или мысленно) фрагмент действительности, который подвергается некоторому воздействию, в результате чего субъект ожидает (надеется) получить намеченный (задуманный) результат. «Объект означает... предмет для какого-нибудь интереса и деятельности субъекта» (Гегель. Наука логики).

Объект *познавательной* деятельности, определенный наиболее абстрактным образом, это то, о чем получается знанис. Объектом может быть что угодно. Ни в коем случае нельзя отождествлять понятия «объект» и «вещь, материальный физический предмет» в противоположность субъекту как чему-то нематериальному. К сожалению, в работах конкретных ученых, в том числе и социологов, это случается. Так, тот же Н. Луман пишет: «Различение субъекта и объекта разложило метафизику. Теперь... видно, что *субъектами могут быть только объекты* (курсив мой. – А.К.), а именно реально оперирующие, наблюдающие наблюдения наблюдатели. Тут и бьет час социологии» (Луман Н. «Что происходит?» и «что за этим кроется?»). Понятно, что понятия субъект и объект тут используются в онтологическом, а не в гносеологическом смысле. Мы должны вспомнить, что субъект как нечто *нефизическое* понимается только в трансцендентальной гносеологии (трансцендентальный субъект). В натуралистической же гносеологии под субъектом всегда имелся в виду *реальный* человек. С другой стороны, в гносеологии и объект – это не обязательно и даже не преимущественно физическая вещь. *В качестве объекта* в познании могут выступать и отношения, и свойства, и структуры (в том числе социальные), и психические состояния человека, и духовные образования (теоретические объекты, идеи, художественные произведения) и т.д. Это *гносеологическое* понимание объекта. *Любое нечто,*

«выхваченное» познавательной интенцией субъекта (его мыслью) из окрестного мира, является *объектом* познания. Объект определяется только относительно субъекта, объект в *данном* процессе познания есть объект для *данного* субъекта, а не «объект вообще».

В объекте познания субъект выделяет *предмет*, ставит о нём *проблему* и *познавательные задачи*, которые и решает. *Объект, предмет, проблема* и *познавательная задача* – такова иерархия структурных моментов *того, что познается*, они все суть выражение *что* познания. Активность субъекта, его «интерес» направлены на них.

В поле зрения классической гносеологии были, прежде всего, ограниченные *природные* объекты. Современная гносеология видит сложную *иерархию объекта* познания и *содержательное многообразие их типов*: природные, социальные, духовные, теоретические объекты.

### 5.3.1. Иерархия объектов познания

Иерархия объектов (в *упрощенном* и весьма обобщенном виде) включает три ступени: *универсальный объект, объектная область* и *конкретный объект*.

*Универсальный объект* – это мир в целом, универсум, все, что есть как единое, одно. Всякий познавательный взгляд, как научный, так и обыденный, всегда устремлен на него. Ребенок, ломающий игрушку и постигающий, как она устроена, познает мир. Тем более любое научное открытие есть вклад в познание универсального объекта, мира. Субъективно мы можем и не осознавать этого. Но объективно субъект-социум познает мир, именно мир. Для субъекта-социума объектом является Универсум. Но так дело обстоит лишь в абстракции. *Реально* всякий познавательный взгляд «упирается» не в Универсум в целом, а в какой-то его фрагмент, момент, сторону, аспект и т.п.

Универсум является целостностью, в которой всё находится (по предположению) во взаимной связи. Однако в нём всегда есть некоторые внутренние границы, относительные, но объективные. Например, есть Космос, и есть планета Земля. На Земле есть континенты суши и водные пространства – океаны, моря. В области физических явлений есть, скажем, механические взаимодействия, и есть оптические, электрические и другие процессы. Это позволяет субъекту познания *разумно* выделять из универсального объекта объектные области.

*Объектная область* – это фрагмент, часть универсального объекта, выделенная субъектом для познания. Например, люди давно выделили в



мире две большие области: область *неживых* предметов и процессов и область *живых* существ и процессов. Есть и другие большие объектные области: область математического познания, область социального познания, область познания человека, область познания языка и др. Из этих больших областей можно выделить тоже большие, но все же меньшие по широте охвата области, например в области неживой природы давно выделены области физики, неорганической химии, астрономии, геологии и др. Из этих областей можно выделить ещё более узкие области.

Сам факт выделения этих объектных областей, который исторически и постепенно обеспечен усилиями многих поколений людей, и не обязательно ученых, есть *факт познания мира человеком*.

*Конкретный объект* – это ясно очерченная, как правило, достаточно ограниченная, часть какой-либо объектной области. *Границы конкретного объекта всегда задает субъект*. Именно он *выбирает* объект познания. Пусть, например, есть явления А, Б и отношение R между ними. В силу этого существует целостность АРБ. Зафиксировав это, субъект уже выделил некоторый объект интереса. Но он может и дальше ограничить объект познания, выбрав в качестве такового либо А, либо Б, либо R. При этом существует ли выбранный конкретный объект как некая *отдельность*, не имеет значения.

Субъект-индивид, однако, не всегда осознает, что *объект познания он фактически сам задал* и в этом смысле *создал* (не как реальность, а как определенный объект познания, конституированный сознанием внутри сознания).

В том обстоятельстве, что из единого мира объект познания выделяется именно субъектом, заключается то, что в познании *активной стороной является не объект, а субъект*. В этом смысле *объект относителен к субъекту и его познавательным возможностям*. Так, например, объект естественного восприятия с помощью органов чувств ограничен порогом их чувствительности. Скажем, наше ухо не слышит ультразвук (в то время как летучие мыши, рыбы и некоторые другие живые существа их слышат). И в пределах наших естественных слуховых возможностей это явление не является и не может быть для нас объектом *чувственного познания*. Однако с помощью мышления мы узнали о его существовании, разобрались в его свойствах и даже стали его многообразно использовать (например, УЗИ в медицине).

Другой пример. До изобретения телескопа планеты виделись человеку как светящиеся точки, и наблюдать можно было только их перемещение по небосводу. Создав телескоп с 32-кратным увеличением, Галилей в XVII в. увидел их как *тела*, открыл спутники Юпитера и т.д. Не воору-

женному глазу Луна представляется светящимся диском, а Галилей увидел на ней горы. То есть характер и природа этого объекта познания предстали наблюдателю другими.

Изобретение микроскопа привело к открытию целой новой объектной области – мира микроорганизмов.

Конечно, все это существовало и *до того*, как было обнаружено, но существовало *за границами* возможностей познания. К преодолению этих границ ведет не что-то случившееся в мире, а *изменение самого субъекта. Изменения субъекта ведут к изменению объектных направлений познания.*

Конечно, *универсальный* объект навязывается субъекту и не зависит от него. Но в гносеологическом аспекте это не абсолютно так, а только в абстракции. На самом деле, в каждую эпоху, в каждой культуре, даже для каждого отдельного человека, универсальный объект един только в том, что он универсален. Но чем именно он наполнен, что из себя представляет, какие объектные области и конкретные объекты можно из него выделить для познания – все это определяется состоянием субъекта-социума, содержанием его социальной памяти. Так, для человека античной Греции универсум – это мир преедиземноморья, небесный свод и расположенные на нем звезды, Аид и, возможно, наднебесный мир. Мир современного человека в цивилизованном обществе совсем не таков. Отдельный субъект тоже определяет свои объекты будучи социально и коммуникативно определенным. Можно сказать: *у каждого – свой универсум.* Лишь межличностная и межкультурная коммуникация делает его одним и тем же для всех.

Мир как универсальный объект выступает перед субъектом-социумом как *один и единственный*. Объектная область – это всегда *множество* вещей, свойств, событий, отношений, структур и т.п., которые могут выступать в качестве конкретных объектов и предметов познания.

У каждого *содержательного* направления познания есть *свой универсальный объект*. Например, таким объектом *исторического исследования* является мировая история (история человечества во все эпохи с начала и до сегодня). Это – универсальный объект истории, который может быть и конкретным объектом отдельного исторического исследования. История какой-нибудь страны подразумевает изучение множества событий и феноменов культуры. Минимальным же масштабом объекта познания является некоторая *единичность*, *одна* вещь (свойство, событие, отношение и т.п.). Для историка, скажем, Великая французская революция XVIII в. – это единичный объект. Он, разумеется, сложен, изучается многими историками и долгое время, тем не менее он именно *единичен*. Единичность определяется тем, что *в единичном объекте есть лишь свойства или структура, но нет закономерностей.*

В этом аспекте имеет место заметное различие между рядом гуманитарных наук и науками о природе. Науки о природе лишь в достаточно редких случаях изучают объекты масштаба единичности. Например, астрономы изучают Солнце или Луну, или географ изучает определенное озеро или вот эту реку. В основном же естественные науки изучают *закономерности множеств*. Например, минералогия изучает не единичный кусок минерала, а свойства данного минерала как класса. Физик изучает не электропроводность куска медной проволоки, а электропроводность меди вообще и т.д. Гуманитарные науки часто имеют объектом изучения именно единичности. Например, историки литературы изучают творчество тех или иных отдельных писателей. И даже если мы изучаем, например, английскую или русскую литературу какого-то периода, то она изучается как единичность. Потому что она существует в единственном числе так же, как в единственном числе существует каждый представляющий её писатель. Или, например, есть лингвистика, изучающая некоторые общие закономерности языка как феномена. А основное содержание *грамматических* исследований касается именно *отдельных* языков как единичностей.

Активность субъекта особенно ясно проявляется в таком понятии, как *предмет* познания. Нельзя смешивать объект и предмет познания. Объект рассматривается как сравнительно автономная, имеющая собственные объективные границы область универсального объекта или некоторый единичный объект универсума, он *выбирается* из объектной области на некотором объективном (по возможности) основании. Например, животные и растения могут рассматриваться как разные объекты на том основании, что между ними для обыденного сознания видна достаточно ясная граница.

*Предмет* познания не просто выбирается, но и *формируется* субъектом на основе субъективного интереса, предпочтения, цели и т.п. При этом предмет не обязательно существует как некая *объективная выделенность* в объекте. Предмет познания, особенно в науке и в познании-учении, часто называют *темой* исследования, а формирование предмета – *тематизацией*.

Например, *предметом* (темой) одного американского социологического исследования было «Влияние проживания матери с сожителем на академическую успеваемость» (название статьи, излагающей результаты исследования в: *Sociology of Education*. 2005. Vol. 74, № 2). *Объектом* же его является обучение школьников.

В биологии в клетке как объекте исследования в качестве предметов могут быть выделены, например, *клеточное строение* или *химический состав* (и многое другое).

*Предмет познания не является частью объекта, а является стороной (моментом, аспектом).* Если все же рассматривать предмет как часть объекта, то это будет не экстенциональная, а интенциональная часть (см.: Книгин. Учение о категориях).

В области исторического познания *объектом* конкретного исследования может быть, например, отдельное историческое событие, скажем, реформа 1861 г. в России (отмена крепостного права), а *предметом* – её социальные последствия, еще более узким предметом – рост класса буржуазии и т.п.

Строгое различие объекта и предмета характерно для осознанного, рефлексивного, систематического, прежде всего, *научного* познания. В обыденном же познании понятия *объект* и *предмет* слабо различаются или не различаются вовсе, под *предметом* обычно имеют в виду именно некоторую *объективную вещь*, что в гносеологии обозначается как *объект* познания.

В научном познании изучение *предмета* приобретает характер решения проблемы и познавательной задачи. *Именно относительно предмета познания формулируется познавательная проблема.* Если объект выбирается, предмет *формируется*, то проблема *формулируется*. В формулировке проблемы активность субъекта наиболее очевидна.

### 5.3.2. Типы объектов познания

Объекты познания можно подразделить и еще в одном важном отношении: то, *что есть*, и то, *чего нет* (то, чего нет, но могло бы быть, прошлое, будущее и невозможное).

В повседневном сознании ФOU предъявляет нам в качестве того, что есть, нечто *сопряженное с нами* (познающими) *во времени*, то есть существующее одновременно с нами, но вне нас, способное существовать без нас. Оно или чувственно представлено (в восприятии: физические тела, наблюдаемые процессы. Например, вижу текущую реку) или чувственно не данное, но мыслимое как объект, реальность которого можно тем или иным способом подтвердить. Например, родственные отношения в семье: муж–жена–родители–дети–братья–сестры. Сюда же относятся «вещи», которые *могли бы быть* одновременно с нами (например, альтернативные исторические события, если бы в прошлом совершилось нечто иное вместо совершившегося фактически (Например, что было бы, если бы во время путча победил не Ельцин, а ГКЧП).

То, чего нет, делится на то, чего уже нет (прошлые «вещи» и события), чего *еще* нет (будущие «вещи» и события), чего *никогда не было, чего никогда не может быть*.

Многообразие *того, чего нет*, порождает многочисленные методологические и гносеологические проблемы. Поясним это на нескольких примерах.

Прошлое (то, чего уже нет) изучает история. Является ли это *познанием*? Является ли историческое знание – *знанием*? Как проверить *достоверность* того, что утверждают историки? Ясно, что в этой области познавательные образы *только мыслительные, а не чувственные* (не восприятия, так как прошлое воспринимать нельзя), и не являются *непосредственным* отражением, а только *интерпретацией* остатков материальной культуры и текстов. Может быть, историческое знание – и не знание вовсе, а лишь продукт воображения? В этой области идеи конструктивистской эпистемологии кажутся весьма адекватными.

Третьим примером – так называемая *историческая психология*, которая «призвана реконструировать дух прошедших эпох, ментальность выдающихся исторических деятелей, а также и картину мира, обыденное сознание народов, подчас уже сошедших с исторической сцены». «Предметом исторической психологии могут быть... потенциально возможные траектории исторического бытия» (Петренко В.Ф. Методологические аспекты исторической психологии (поиск парадигмы)). Это – *то, что могло бы быть*. Аналогией является шахматная партия, разбираемая гроссмейстерами после её окончания: анализ показывает, как могли бы развиваться события при других выбранных ходах. Но здесь партия снова, хотя и условно, разыгрывается, а прошедшую историю вновь уже не разыграть. Следовательно, анализ «альтернативных траекторий» – это только *мысленный эксперимент*, вернее – *попытка его*. В настоящем мысленном эксперименте допущенные начальные условия влекут за собой *необходимые* следствия, в истории же все стохастично, поэтому и следствия тоже лишь предположительные и на каждом шаге возможны разветвления. Итак: является ли подобная процедура познавательной, а результат – *знанием*?

Третий пример – попытки построить вечный двигатель – то, чего не может быть. Они тоже опираются на стремление *узнать* такие свойства, которые позволили бы это сделать.

Таким образом, объекты, которых нет, тоже изучаются. И с этим ничего нельзя поделать именно потому, что познание – не просто адаптация, а пространство жизни человеческого духа, а физически не существующие объекты прекрасно существуют в интеллектуальной сфере жизненного мира личности. Но не нужно забывать, что в познании подобных объектов существуют особенности, которые надо учитывать.

### 5.3.3. Своеобразие объекта социологического познания

Социологическое познание реализуется в совокупности социологических исследований. Универсальным объектом всей совокупности проведенных, проводимых и возможных социологических исследований является социум, и только он.

Здесь кроется *важная особенность объекта социального познания: в нем объект и субъект совпадают*, ведь, как сказано выше, социум есть универсальный субъект познания, он же и объект. Но это лишь в абстракции. Реально социологическое познание, как и всякое другое, осуществляется субъектами-индивидами и субъектами-группами. Практика социологических исследований за полтора века существования социологии как особой отрасли знания показала следующее.

Во-первых, социум являлся и является объектом как *единичность*, то есть изучается как *целое*, как связанное многообразие, как система. Многообразие чего? Система каких элементов, каких свойств? Как единичный объект социум представляется в многочисленных и разнообразных социологических теориях высшего уровня абстракции.

Во-вторых, из универсального объекта исследователи выделяют объектные области и конкретные объекты, в качестве которых могут выступать и очень широкие, и очень узкие явления социума. Здесь заметно одно достаточно важное отличие от ситуации естественных наук. Если в науках о природе выделение объектных областей и конкретных объектов детерминировано преимущественно внутренней логикой самой отрасли знания, то социологическое познание детерминировано *актуальностью реальных проблем*, волнующих общество. Во всяком случае, этого ждет от социологии общество. При этом в разных странах, в разных культурах в одно и то же время острыми могут быть *разные* проблемы. Соответственно, социологические исследования имеют разную содержательную направленность. С другой стороны, в одном конкретном обществе в *разное время* острыми тоже могут быть *разные* проблемы, и этим определяется выбор объектов исследования.

В связи с этим обстоятельством существенно отметить следующее: социолог-исследователь *не должен смешивать две разные вещи: социальную проблему и научную проблему*. Социальная проблема – это некая социальная трудность, социальное противоречие, некий *факт жизни* конкретного (или даже всего) общества. Например, во многих странах (в том числе, к сожалению, и в России) существует проблема бедности, для всего человеческого общества актуальны проблемы экологии, терроризма и др. Проблема в этом смысле может быть объектом социологического

исследования, относительно которого исследователь формулирует *научную проблему*, например в чем причины бедности в данном сообществе (а они могут быть разными), тождественно ли содержание понятий бедности в различных странах и т.п. Разумеется, объектом социологического исследования могут быть не только *проблемы*, но и просто какие-то явления или стороны социума. Но и относительно них должна быть поставлена *научная проблема*.

В третьих, *любой* конкретный социологический объект, начиная с объекта – социума-как-целого и кончая отношениями между двумя индивидами, *динамичен, изменчив*. Неслучайно многие социологи сопоставляли и сопоставляют социум с живым организмом: любая часть, любой элемент социума *живет и изменяется* – будь то семья, или набор и качество действующих в данном обществе партий, или характер экономических отношений, или настроенные массы в связи с каким-либо событием и т.д. Следовательно, *объект социологического познания историчен, и значение знания, полученного о нем, хронологически ограничено*. Конечно, социум как целое допускает возможность долговременно значимых представлений о нем, но все же и он историчен, причем развивается *стохастически*.

В-четвертых, и объект и предмет социологического познания всегда конкретны и эмпиричны (кроме социума-как-целого). Например, если объектом изучения является семья, то не «семья вообще» (что может быть объектом социальной философии), а семья в такой-то культуре в такое-то время. Если же, например, изучается изменение форм семейных отношений в данной культуре за длительное время – это будет объект не социологического, а *исторического* или *историко-этнографического* познания. *Социологическое познание направлено на то, что есть здесь и сейчас*, а не на то, что было или будет, не на то, чего нет. С другой стороны, социологическое познание направлено на объект не единичный в абсолютном смысле. Например, возможно изучать одну конкретную семью (причем в различных отношениях), но это будет, скажем, объект познания социального работника, психолога, врача, историка, писателя и т.п. Но не социолога. Или, скажем, можно изучать спрос на такой-то товар в таком-то регионе. Это будет маркетинговое исследование, но не социологическое, хотя по форме и методам оно было похоже на социологическое. В этом смысле и многочисленные опросы по поводу рейтинга политических деятелей и партий, проводимые, как правило, социологами по профессиональному статусу, по сути дела тоже маркетинговое исследование, а не социологическое познание, поскольку здесь не исследуются никакие устойчивые регулярности и тенденции.

Не всякое изучение социума является социологическим. Например, экономическая география, изучающая распределение хозяйственных образований по континентам, регионам, странам, регионам стран, тоже изучает социум, а не природу. Тем более экономика: она изучает социальные, а не природные реалии. Наук, изучающих различные явления, стороны, аспекты жизни общества, много. Социология – одна из них. *Что именно делает исследование социологическим?* Это вопрос соглашения. Отметим только одно следствие второй особенности субъекта социологического познания (которое детерминирует и выбор объектов), а именно его социально-нравственную ориентацию. Она четко изложена в уже упоминавшемся Кодексе этики МСА: «Работа социолога есть создание надежного и выверенного научного знания... во имя вклада в улучшение положения людей всего мира» (Социе. 2007. № 11). Параметры объекта для социологического исследования, как представляется, должны отвечать этому требованию. Маркетинговые исследования, например, или изучение рейтингов ему не отвечают.

#### **5.3.4. Диалектика субъективного и объективного в познании**

В познавательном отношении человека к миру объект и субъект диалектически связаны. Прежде всего, они *взаимопределяемы*. Понятие субъекта познания не имеет смысла без *противопоставленного* ему объекта. Поэтому *в познании всегда есть некое объективное содержание, детерминированное не деятельностью субъекта, а свойствами объекта*. Но то знание, которое получает субъект, изучая объект, зависит не только от свойств объекта, но и от «устройства» и возможностей субъекта, которые определены не изучаемым объектом, а факторами, описанными выше (социокультурная детерминация, социальный тезаурус, парадигма, коммуникация и пр.). Таким образом, неизбежность субъект-объектного отношения в познании обуславливает неизбежное наличие в нем объективного и субъективного моментов.

### **5.4. Цели познания**

Очевидно, что результат всякой деятельности в определенной мере детерминирован её целью, хотя бывает, что результат не оправдывает усилий и ожиданий (то есть цель не достигается). Это относится и к познанию.



Рассматривая познание как сложную развивающуюся и самоорганизующуюся *систему деятельности*, необходимо иметь в виду его *объективную и субъективные* цели.

*Объективная* цель познания, то есть не зависящая от осознания её конкретными субъектами, заключается в получении знания вообще и на этой основе – дальнейшем совершенствовании самого процесса познания и его средств. Субъектом достижения этой цели является социум.

*Субъективные* цели ставят субъекты-индивиды. Поскольку они разные и свободные, их цели многообразны. Эти цели *детерминированы*, с одной стороны, собственно характером (типом) *объектов*, с другой – *различными субъективными приоритетами* самих субъектов, безотносительно к объектам.

*Аспекты* познавательных целей, определяемых и ограничиваемых *объектом*, следующие:

– открытие *существования*;

– познание *свойств*;

– познание *структур*;

– познание *причин*;

– познание *законов* (отношений и связей);

– познание *оснований* («последних» причин или начал). Познание оснований – постоянная задача философии и теологии.

Цели определяются также исходя из внутреннего *содержания* познания: накопление фактов, определение количественных параметров, установление наличных отношений между объектами или сторонами объектов, словом, установление эмпирических характеристик изучаемого объекта или объектной области.

В повседневном познании субъект, как правило, этими категориями строго не оперирует.

Тем не менее имплицитно (подспудно, бессознательно) такие цели присутствуют. Например, владелец садового участка может попытаться узнать, есть ли на его участке подземная вода. Это вопрос о *существовании*. Узнав, что есть, он может задаться вопросом, глубоко ли она залегает, хороша ли на вкус (это вопрос о *свойствах*). Купив насос, он может поинтересоваться его устройством – это вопрос о *структуре*. Начав качать воду и получив очень слабую струю, он захочет узнать, *почему* это так. Это вопрос о *причине*. И только вопрос о закономерностях и основаниях на этом уровне познавательного отношения не встает. Конечно, поиски ответов на эти вопросы – примитивны, но, тем не менее, чтобы получить ответы, человек должен осуществить *познавательные процедуры*.

Серьёзные *научные* задачи, решение которых обогащает не просто личный тезаурус одного человека, а всего человечества, определяются именно этими целями. Ученые-исследователи делают это рефлексивно, более ясно осознают (должны осознавать), *что именно* они хотят узнать, более отчетливо ставят (должны ставить) указанные цели.

Цели такого (гносеологического) типа детерминируют постановку *познавательных задач* и достигаются путем решения этих задач.

Что *именно* стремится познать субъект, решая конкретную познавательную задачу, определяется конкретной ситуацией и логикой познания. Цели изучения должны быть коррелятивны тому, что *уже* известно о характере и природе изучаемого объекта.

Во всех случаях достижение объектных целей означает формирование *познавательных образов, которые локализуются в сознании*. Субъектом они переживаются как *изображение* или *описание объекта*. В гносеологии это и называется *отражением действительности в сознании*.

Познавательные цели, не *детерминируемые объектом*, настолько разнообразны, что пояснить их содержание и смысл можно только примерами.

Наиболее существенным примером такой цели является удовлетворение чисто познавательного интереса. Потребность в познании – экзистенциальное качество человека, но активно проявляется оно не у каждого в равной степени. Те, у кого она активно развита, становятся чистыми, бескорыстными искателями истины. Многие крупные открытия были сделаны такими «любителями».

Например, давление атмосферы как природное явление было доказано в эксперименте Герике (XVII в.) – богатым человеком, который занимался исследованиями ради удовольствия. Он сконструировал так называемые магдебургские полушария, о которых каждый знает из школьного курса физики.

Поскольку в современную эпоху целенаправленно-систематическая познавательная деятельность является *профессиональной*, её могут мотивировать и другие цели, например необходимость заработка, выполнение профессионального долга, просто инерция однажды приобретенной профессии и т.д. Подобные цели в классической гносеологии не принимались во внимание, так как казались не имеющими отношения к познанию. Однако это не вполне верно. Субъект социокультурно детерминирован, в том числе и с точки зрения познавательных целей. И хотя эти цели не входят непосредственно в познавательный процесс, но они сильно влияют на саму познающую личность, на её мотивированность, то есть на психологические условия познания. В структуру полученного

знания они не входят, но на выборе тематики, качестве, успешности, временных параметрах, количественном масштабе знаний, безусловно, сказываются.

*В социологическом познании* существенное значение имеют этические цели. Как говорит Н. Луман, от Маркса и Дюркгейма социологи (как теоретики, так и прикладники) верили в то, что этический долг ученого - содействовать благу человечества. Это, как мы видели, постулирует и Кодекс этики МСА.

## 5.5. Средства познания

Чтобы правильно понять средства познания, необходимо дать предварительную характеристику того, *что с их помощью достигается*.

Достигается знание, а *знание есть совокупность познавательных образов*, процесс получения которых и есть познание.

### 5.5.1. Понятие познавательного образа.

#### Формы познавательного образа

*Познавательные образы* человеческим сознанием *получаются извне или конструируются* им в процессе решения познавательных задач. Каким способом познавательные образы («ментальные события») существуют в мозгу или душе – это не вопрос теории познания, это достаточно дискуссионный вопрос теории *сознания*, которым занимаются и философы, и теологи, и конкретные когнитивные науки.

Какова бы ни была теоретическая рефлексия по этому поводу, каждый человек знает, что, например, он *видит* предмет, некоторые его свойства, скажем, цвет или форму. Человек знает, что видимое некоторым образом «попадает» в глаза, но это не сама вещь. Каждый знает, что мысль существует «в голове» (говорят же: «подумай своей головой!»), но не знает, как это происходит. В отличие от Философа или ученого обычный человек не задумывается над этим. Но он знает, что это (*видение и мысль*) у него *есть*.

Вопрос *теории познания* – это вопрос об отношении того, что есть в сознании, к тому, что есть вне сознания. Это и выражается понятием *познавательный образ*. Когда нечто, имеющее место *в сознании*, мы считаем отражением того, что имеет место *вне сознания*, это нечто мы и называем познавательным образом. Понятно, что *такое понимание отноше-*

*ния между человеком и миром имеет смысл только в рамках фундаментального онтологического убеждения.*

Во избежание недоразумений следует сразу сказать, что слово «образ» следует понимать в метафорическом или переносном смысле. Обычное использование этого слова имеет в виду, что образ – это «картинка», визуальное изображение. Хотя иногда употребляем его и в ином смысле. Например, говорим, что писатель создаст *образы* современников, а в юриспруденции есть понятие «словесный портрет»), хотя словесное описание внешности вовсе не портрет в прямом смысле. *Познавательный образ* – не картинка. Это может быть и зрительное представление, но это может быть и мысль, выраженная в речи. *Познавательный образ* – это простейший элемент знания, совокупность образов, это и есть – в самом абстрактном гносеологическом смысле – *знание*.

Каковы формы познавательных образов? К ним можно отнести:

– *чувственное* представление, например, вижу расположение звезд на небосводе, чувствую запах вещества;

– *понятийно-словесное* описание (дескрипция), например, *утверждаю*, что всякое общество распадается на массу и элиту;

– *знаковое описание* в специальном языке, например,  $m+n=p+m$ ;

-- *таблично-рисуночно-графическое* представление, например, отображение зависимости ряда величин в виде таблицы или кривой (в какой бы области измерений они ни были получены), или карта местности.

Во многих случаях конкретный познавательный образ какого-либо объекта представляет собой сочетание этих возможностей, например карта или схема сопровождается словесным описанием-разъяснением, а теоретическое утверждение сопровождается формулой или рисунком.

*Составляющими любого познавательного образа являются референт и смысл.*

*Референт* – это *то, что «имеется в виду»* (Гуссерль) в данном образе и *интерпретируется* как фрагмент действительности, который *представлен, презентирован* в восприятии, или (в мыслительном теоретическом конструкте) *то, что мыслится* как некая предметность.

*Смысл* – сложное понятие, которое в данном контексте обозначает для субъекта *чтойность* этого фрагмента, некое внутренне *принадлежащее* субъекту *понимание* того, что это за предмет, что он такое.

*Референт* в познании *презентируется и раскрывается*, а *смысл конституируется*. Смысл не есть некая объективная характеристика предмета, а нечто вкладываемое в него субъектом. *Предметы* (референты) вне связи с субъектом в материалистической парадигме могут мыслиться как существующие вне связи с субъектом, но *смысла* вне такой связи не имеют.

*Смысл* – сложнейшее понятие теории сознания и теории познания. Даже в случае восприятия простого предмета (например, яблока), мы имеем не только «картинку», но и смысл: мы знаем, что видим именно яблоко. В феноменологии Гуссерля это называется *позмой*. Это и есть смысл.

Референт и смысл органически связаны. *Референт* – это то, на что направлен смысл. *Смысл формирует предмет*, который и есть референт. Смысл и референт – внутренние составляющие познавательного образа. В совокупности они направлены на *объективный* референт, то есть на предмет или на ситуацию. Движение познания в этом плане можно представить следующей схемой: чувственные данные → смысл → референт → объективный референт. Здесь должно быть ясно: объективный референт – это не то, что существует *до* познания и *вне* познания. Это тоже элемент нашего познавательного образа. То, что существует *до* и *вне* нашего сознания, мы знаем *только* через конструкты нашего познания. То есть объективный референт – это не сама реальность, а её репрезентация в познавательном образе, то есть *модель*, всегда конечная и ограниченная. Познавательный образ есть единство *смысла* и *референта*. Познание есть репрезентация и словообразование. История познания свидетельствует, что сама действительность для нас практически *неисчерпаема*.

### 5.5.2. Исходные познавательные средства субъекта-индивида

Средства познания определяют *познавательные возможности* субъекта. Их можно разделить на четыре группы:

- первичные естественные способности;
- трансцендентальные средства;
- методологические и методические средства;
- материально-технические средства.

Все группы средств создают познавательные возможности и очерчивают границы этих возможностей.

Средства познания – это «инструменты», с помощью которых осуществляется получение или конструирование познавательных образов и тем самым – получение (конструирование) знаний. Слово «конструирование» подчеркивает, что в этом процессе субъект *активен*, знание есть результат его активности.

*Различные субъекты познания располагают различными инструментами.*

Субъект-индивид, как актер познавательной деятельности, располагает инструментами *естественными* (которые даны природой и «подправ-

лены» обществом) и *искусственными*, то есть сознательно созданными людьми. К первой группе относятся, прежде всего, природные познавательные *способности* человека, базирующиеся на его специфической физиологии (человеческий мозг, нервная система, система органов чувств, человеческая конституция в целом).

*Исходными и первичными* природными познавательными способностями человека являются:

- *способность восприятия* мира с помощью органов чувств;
- *память*;
- *интеллект* (способность мышления);
- *язык*.

Сразу оговоримся: указанные способности как средства познания хотя и природны, но *не целиком природны*. Природа создала лишь предпосылки их развития и функционирования. Эти естественные *способности* даны человеку с момента рождения как *возможность*. Психические функции, сходные с названными способностями, есть и у животных, но они статичны в рамках врожденных инстинктов. У человека как родового существа они *развиваются* в процессе *социогенеза* и *социальной эволюции*, а у отдельного человека – по мере *биологического* созревания и *социализации* индивида в *общении* с другими людьми. В состав социализации как аспект входит и сам процесс познания, который начинается с момента рождения. Известный отечественный философ Мераб Мамардашвили писал, что мы познаем не органами, *преданными* природой, а органами, возникшими в пространстве самого познания. Это коррелирует с идеей эволюционной эпистемологии об адаптивной природе познавательных способностей.

По мере того, как индивид социализируется, формируются и *более специфические* способности, предпосылки которых также обусловлены физиологией человека (наличием у него *человеческого* мозга):

- *способность воображения*;
- *схемы мышлительности*;
- *интуиция*.

Вспомним, что субъект социокультурно определен и коммуникативно нагружен. Самые первичные способности – восприятие и память, – которые есть и у животных, у человека приобретают черты продукта социальной детерминации и коммуникации. Они развиты тем больше, чем «плотнее» человек включен в систему общественных связей и отношений, прежде всего – через использование языка (коммуникация). Абстрактное мышление вообще формируется только в языковом общении. Интуиция и воображение формируются лишь в процессе активного познавательного отношения индивида к миру (природному и социальному).

Если представить использование познавательных способностей в самом общем и примитивном виде, оно выглядит следующим образом. Человек:

- *воспринимает* явления мира (или получает описания восприятий другими людьми);
- *размышляет* над воспринятым;
- *описывает* результаты восприятия и размышления;
- *строит теоретические объекты*;
- *оперирует с ними (мышление есть оперирование теоретическими конструктами, идеальными моделями)*.

В этом процессе задействованы с неизбежностью все названные средства и способности. Так что это – *универсальное* описание *всякой* познавательной деятельности – как стихийной обыденной, так и целенаправленно-систематической. Эту деятельность можно назвать *анализом*. Анализ, понимаемый так, есть универсальное *средство* всякого познания.

Рассмотрим эти способности по отдельности, посмотрим, какие проблемы возникали и возникают у философов по поводу них, и как эти проблемы решались.

### Восприятие как средство познания

Человек воспринимает мир с помощью *ощущений*, которые обеспечиваются органами чувств. В философии эту способность часто называли «чувствами» или «созерцанием». В русском языке слово «чувство» в познавательном аспекте не очень удобно, так как оно одновременно означает и эмоции. Поэтому способность воспринимать мир с помощью органов чувств мы будем называть именно *восприятием* (но помнить и о других её именовании).

Уже Аристотель анализировал значение восприятий в познании и писал, в частности, следующее: «Относительно любого чувства необходимо вообще признать, что оно есть то, что *способно воспринимать формы ощущаемого без его материи*, подобно тому, как воск воспринимает отпечаток перстня без железа или золота... ощущение, доставляемое каждым органом чувства, испытывает что-то от предмета... поскольку он имеет определённое качество, т.е. воспринимается как форма...».

Отметим в этом тексте Аристотеля два момента.

Во-первых, восприятие трактуется именно как *отражение, отпечаток, копия, образ* внешнего объекта в сознании человека. Субъект пассивен, находится по отношению к объекту в *страдательном* отношении.

Он испытывает воздействие объекта, и в этом заключается познание объекта. В этом высказывании - начало того, что в последующем получило название «теория отражения».

Во-вторых, Аристотель сформулировал мысль, что восприятие не есть восприятие *материи* объекта, а восприятие *формы без материи*. Если перевести эту мысль на современный язык, то можно сказать, что Аристотель утверждал *идеальность* образа, возникающего в сознании человека. Греческое наименование слова «форма» – εἶδος (эйдос) – *образ или образец*, от него вошли в европейские языки слова *идея, идеальный* и т.п.

В связи с тем, что слова «копия», «образ», «отпечаток» ассоциируются в обыденном языке с идеей *похожести*, мысль, что восприятия дают нам нечто *похожее* на реальность, многократно подвергалась критике. Например, английский философ Дж. Беркли (XVIII в.) отвергал идею отражения (а велел за этим и само объективное существование вещей), исходя из того, что «идеи могут быть похожи только на идеи». В самом деле, если мы подойдем к вопросу с позиций науки, получим следующую ситуацию. Посредством органов чувств восприятия образуются *в мозгу*. Но в мозгу мы обнаруживаем только нервные процессы, имеющие электрохимическую природу. Каким образом они могут быть похожи, например, на красный цвет, который мы видим?

Ясно, что *примитивное представление образа как копии (да еще по сути дела механической)* – *несостоятельно* и требует переосмысления.

Современный отечественный философ И.Б. Ардашкин поднимает проблему на онтологический уровень:

«В мире нет ничего действительно тождественного, в мире «царствует» различие. Тождество носит лишь функциональный характер в процессе дифференциации вещей и смыслов. Это не значит, что познание невозможно как отражение, просто не существует «зеркало», которое отражает «чисто». Любая «зеркальность» искажает и привносит в отражённое то, чего нет в «отражаемом»» (Ардашкин И.Б. Особенности интерпретации проблемы в современном научном познании).

Это совершенно верно, однако, следует добавить: если бы перед зеркалом не было отражаемого, то не было бы и отражения, даже искаженного.

В критике идеи отражения есть достаточно очевидная некорректность: для решения *философской* проблемы используется *обыденное* слово с достаточно расплывчатым значением.

Мы уже говорили о смешении принципиального философского вопроса о познавательном отношении человека к миру и вопроса о *механизмах* этого процесса. Современная семиотика показывает, что внешний мир дан любому живому существу через *знак*, и человек – не исключе-



ние. Но знак всегда есть некая конструкция, и в этом смысле... «конституирующие потенции заложены в самой природе знака. ...Отсюда происходит способность (человека) отражать свойства окружающего мира в форме, не имеющей непосредственного сходства с этими свойствами» (Шмрлина И.А. Семиотическая концепция социальности).

Однако представление о знаковой природе познания – это тоже разговоры о *механизме*, а не о *сути*. Знак требует расшифровки. Но *непосредственная чувственная данность образа не требует расшифровки*. Эта данность постулирована Гегелем в идее, что *Я и противостоящее ему, даны совместно*, предполагают друг друга и (гносеологически, то есть в познании) не существуют друг без друга.

Однако вернёмся к идее отражения как похожести. *Похожи ли две разные берёзы друг на друга? И да и нет. А берёза и ель? Тоже и да и нет, но различие больше, чем между двумя берёзами.*

Наиболее абстрактное и строгое, и тем самым научное, понимание «похожести» может быть дано только на математическом языке. Одно из основных понятий современной математики – понятие *отображения*.

Отображение множества  $M$  задано в множестве  $N$ , если каждому элементу множества  $M$  поставлен в соответствии некоторый элемент множества  $N$ . Частный случай отображения – *взаимно однозначное* соответствие, когда одному элементу множества  $M$  соответствует один и только один элемент множества  $N$ .

Распространим это понимание за пределы математики. Каждая вещь есть *множество* (свойств, элементов, отношений и т.п.). Две вещи можно считать похожими, если между элементами этих вещей имеет место взаимнооднозначное соотношение: одному элементу одной вещи соответствует один и только один элемент второй, и обратно. Тогда *похожесть* понимается не как физическое, а как *структурное* понятие. Похожесть не абсолютна, но имеет степени: чем больше взаимных соответствий, тем больше вещи похожи друг на друга.

Посмотрим, как теперь будет выглядеть *гносеологическая* идея отражения. Есть *вещь* как многообразие, и есть *многообразие чувственных данных* (видение цветов, форм, слышание звуков, ощущение запаха и т.п.). Мы можем представить себе, что между этими двумя многообразиями есть взаимнооднозначное соответствие. Например, одному свойству данной вещи сопоставляется восприятие красного, другому – восприятию синего и т.д. И хотя, конечно, красный цвет как ощущение не похож ни на световую волну, ни на структуру поверхности, которая воспринимается как красная, ни на структуру нейронных связей, однако два многообразия мы можем назвать «похожими», и в этом смысле *состояния*

нашего сознания можно считать и назвать *отражением* состояния вещи, на которую мы смотрим. Следовательно, слово *отражение* в гносеологии следует употреблять не в обыденном смысле механической или материальной копии (состоит из того же материала), а в научном. То есть сходство образа и вещи действительно имеет «лишь функциональный характер в процессе дифференциации вещей и смыслов» (Ардашкин).

В этом случае утверждение, что восприятие есть *образ* вещи или какого-либо её свойства вполне правомерно и осмысленно.

*Восприятие – начало и постоянная связь человека с миром, их функция в познании – создавать (получать) первичные познавательные образы, на которые опирается все дальнейшее познание.*

И все-таки: они *получаются* из мира или *создаются* (конструируются) субъектом? Как уже было сказано, современная конструктивистская эпистемология в своей скептической ветви утверждает, что мы *не отражаем* мир, а *конструируем* его, *противопоставляя* эти понятия как взаимно исключающие: *либо получаем образ* извне (отражаем), *либо сами конструируем*. Однако *это противопоставление некорректно*. Когда конструктивисты говорят, что мы не отражаем мир, а конструируем его, они забывают добавить, что мы конструируем его *в нашем внутреннем мире* (это совершенно верно), а не вне него. И конструируем его из тех данных, которые получаем в восприятии из внешнего мира. Без воздействия внешнего мира эти образы не существовали бы. Но субъект активен. Накопленное идеаторное содержание, содержание памяти влияют на восприятия, участвуя в формировании познавательного образа. Поэтому **восприятие – это не механическая копия, а модель**. И действительная философская проблема заключается в том, как соотносится наш внутренний мир сознания, наш жизненный мир, с реальным миром, признание бытия которого составляет смысл фундаментального онтологического убеждения. *Сконструированный* характер чувственных образов не мешает им быть отражением. Модель по определению не тождественна тому, что она моделирует, но «похожа» на него. То же и с восприятиями: они не тождественны воспринимаемым вещам, но моделируют их.

Чувственные представления могут быть не только продуктом восприятия, но и продуктом *памяти* и *воображения*.

Мы можем воссоздать из памяти образ предмета, который был когда-то в нашем восприятии, но сейчас его нет перед нами. Например, можем вспомнить лицо друга, картину, виденную в музее, деревенскую улочку, где гуляли в детстве, и т.д. Это представления, всплывающие из памяти. Они могут играть в познании важную роль. Они суть познавательные образы, у которых есть референт и смысл.

В практической деятельности, делая какую-то *новую* физическую вещь, мы сначала *придумываем её в воображении*, то есть имеем чувственный образ не в результате восприятия, а конструируя его. Кажется, что это подтверждает неотражательный характер чувств. Но это не так.

Наоборот, важным аргументом *репрезентативности* чувственного познавательного образа является взаимнообратимость представления и вещи: не только восприятие «похоже» на вещь, но и вещь «похожа» на чувственный образ, так как похожесть – отношение *взаимное*. Это имеет вполне реальный смысл. Пусть архитектор имеет в сознании чувственный образ («картинку») здания, которое он проектирует. Этому представлению действительно ничего не соответствует во внешнем мире, оно лишь в воображении. Но когда сложными путями и не самим архитектором это здание построено, воплощено в физическом виде, возникает отношение: *здание есть отражение* (которое может быть разной степени точности) исходного представления. И когда архитектор *смотрит* на него, он *видит* здание, и возникший образ отражает физический объект, и архитектор *узнает* в этом здании то, что создано было его воображением: в его сознании совпадают *два образа*: отраженный и воображенный. Физически существующее здание выступает в качестве *медиума* между двумя состояниями сознания, обеспечивая их *сходство* (если не тождество) (рис. 2).

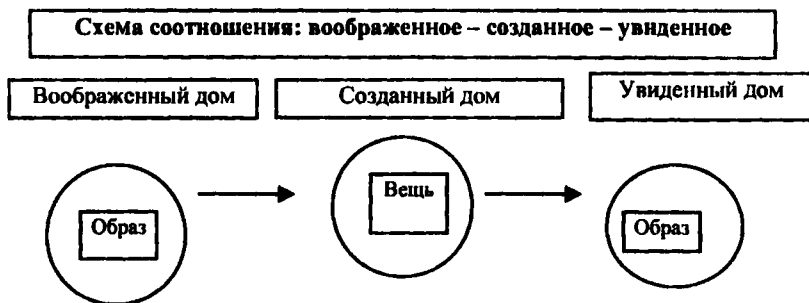


Рис 2

Уместно отметить такой факт: греческое слово εἶδος имеет значение не только «вид» и «образ», но и «образец». Действительно, чувственный образ в сознании является образцом, по которому создается физическая вещь, следовательно, еще и некоторым алгоритмом реального практического действия. Но если физическая вещь похожа на ментальный образец (соответствует ему), почему надо считать, что чувственная «картинка» не похожа на вещь, которая её вызвала в нашем сознании? Оснований для этого нет, кроме *неверного понимания похожеści (отражения)*.

Способность восприятия имеет естественные ограничения:

1. Восприниматься непосредственно могут лишь *человекоразмерные* объекты. Объекты очень большие и очень маленькие (в сравнении с человеком) мы не воспринимаем. Так, находясь на Земле, человек не может увидеть её целиком.

Поэтому для древних познание размеров и формы Земли представлялось трудной задачей. Представление о её шарообразности – это не продукт непосредственного восприятия, а результат логического анализа, размышления. Точно так же мы не можем видеть из-за их малости пылинки, частицы пара, микроорганизмы (бактерии, вирусы), молекулы газов и т.п. Признание их существования – тоже результат размышления и воображения, а не непосредственного восприятия.

2. Способность восприятия ограничена некоторыми *соотношениями законов физики и физиологии*. Например, элементарные частицы, радиоволны, силы тяготения и другие непосредственно мы не можем воспринять *в принципе и никогда*.

3. Не могут быть восприняты органами чувств *отношения, корреляции, причины, внутренние структуры* тел (без разрушения тела). Естественно, не воспринимаются органами чувств *социальные отношения и институты*, а также наши собственные *мысли* и их продукты – *теоретические объекты*.

Но как бы ни были ограничены органы чувств и способности восприятия, они нам *дают опору для познания*. С помощью восприятия мы получаем исходную, *первичную информацию* о мире. Это есть база познания того, что для самих восприятий недоступно. Но для этого необходимы другие средства, и они у человека есть.

Прежде всего, это способность, которую называют *интеллектом, разумом, рассудком, способностью мышления, умом*. Ум – понятие обыденное, а другие правомерно используются в гносеологии (они обозначают, с оттенками, *почти одно и то же*).

### Интеллект как средство познания

*Интеллект* или *способность мышления*, – это *специфически человеческая способность*, отличающая его от животных. С философской точки зрения, *интеллект включает в себя рассудок и разум*.

*Рассудок*, или рассудочное мышление, – это мышление, подчиняющееся законам формальной логики.

*Разум* – способность схватывать действительность в её противоречиях и сложности. Огрублённо можно сказать, что *разум есть единство интуиции и воображения*.

С помощью интеллекта познается то, что недоступно восприятию: и сверхбольшое и сверхмалое, и отношения, и причины, и законы. *Мышление оперирует не с чувственными образами, а с идеями (концептами), которые существуют в сознании в языковой форме.*

Чувственные образы могут быть *поименованы* с помощью слов и тем самым превращены в *идею*. Например, созерцая некий цвет, мы дали ему название (имя) «красный», другому цвету – «синий» и т.д. Аналогичным образом мы именуем созерцаемые *вещи* («стол», «звезда»), *процессы* («течет»), *события* («драка», «взрыв», «революция») и т.д. *Когда созерцаемое поименовано, мы можем «в уме» иметь дело с этими именами, комбинируя их, получая из них более сложные имена, которые также становятся абстрактными познавательными образами.* Например, «красная роза», «течение реки», «Октябрьская революция» и т.п. Это (в описательном смысле) и есть *элементы мышления, идеи*. Обозначаемые именами идеи тоже суть *познавательные образы*.

Когда мы что-то *утверждаем* или *отрицаем* относительно поименованных (мыслимых) вещей, событий и т.п., мы *высказываем знание*. Эти утверждения и отрицания суть связи слов, но связи особые, связи предикации, когда одно приписывается другому либо, напротив, отрицается возможность предикации. Так возникают *суждения*. Всякое суждение есть в широком смысле *дескрипция* – описание в утвердительном или отрицательном модусе некоторой ситуации, положения или обстояния дел, которые переживаются (полагаются) как имеющие место вне этого суждения. *Суждения – тоже познавательные образы*. Они суть языковое выражение некоторого знания. Совокупность суждений, касающихся одного объекта, есть его *сложное описание*. Связи суждений образуют умозаключения и доказательства, ведущие к образованию *теории*.

Итак, мы имеем следующую цепочку усложняющихся познавательных образов: *чувственные образы – идеи, обозначенные именами – суждения – сложные описания – теории*.

Каковы «механизмы» работы интеллекта?

В интеллекте как познавательной способности есть четыре рабочих «механизма», посредством которых осуществляется переработка чувственных данных и получение из них абстрактного знания и переработка (развитие) уже имеющегося абстрактного знания:

- *именование*;
- *схемы мыследеятельности, которые на уровне мышления аналогичны первичным данным восприятия*;
- *анализ и синтез* (мысленное расчленение и соединение идей, поименованных словами);

– *логические схемы* (схемы суждений и умозаключений).

Всё это – *механизмы воображения*. То, что в нашем сознании не является результатом прямого восприятия здесь и сейчас, *воображается*. Воображение – активнейшая сила познания.

Как образовались эти механизмы – сложнейший философский и научный вопрос, который не до конца решен. Но это не наша тема. Нам достаточно знать, что такие механизмы *есть*. *Отдельный человек усваивает их вместе с усвоением родного языка*.

*Именованье* – называние, «назначение» имени любой отдельности, появившейся в сознании в результате восприятия или любой другой операции. Когда-то, в эпоху образования языка, были поименованы не только конкретные вещи, но и первичные данные восприятия, о которых шла речь выше, но пуща в именовании постоянно присутствует в процессах познания, поскольку в них открывается новое. Зафиксированное новое – что бы это ни было – требует нового имени, хотя бы и составленного из старых слов.

*Рассудок* используется в актах *описания* и *анализа*. Он подчиняется законам логики, схемам суждения и умозаключения.

*Разум* как единство *интуиции* и *воображения* ведет к *догадке*, к *конструированию* идей. Разум *синтетичен*. Именно поэтому познавательные образы, получаемые в процессе мыслительной деятельности, приобретают характер *не слепков, не механических копий, а конструкторов, моделей*.

Эти модели и конструкторы суть теоретические объекты. Они *реифицируются* сознанием, то есть уподобляются вещам (лат. res – вещь). *Реификация* – *неосознаваемый* процесс превращения в «вещь» продуктов человеческой деятельности (в том числе интеллектуальной). Посредством реификации теоретический объект становится «внешним» и мышление обращается с ним так же, как и с чувственно данной вещью.

*Способность воображения не является природной*. У животных нет воображения. Эта способность развилась в социокультурной эволюции человека вместе со способностью мышления, как её сторона. Тем не менее в развитом сознании *способность воображения* реализуется как на уровне интеллекта, так и на уровне чувств.

В интеллекте, в процессе оперирования с уже имеющимися идеями она проявляется как:

– *интеллектуальная способность мысленно расчленять* нечто, усматривать в нем как в целом части, стороны, аспекты и т.п. (аналитическая способность ума);

– *способность мысленно соединять* различные нечто в одно, в целое (синтетическая способность ума);

– способность мысленного различения и отождествления объектов (что фиксируется в виде утверждений о похожести или непохожести).

При реализации этих способностей формируются *идеи*, которые являются *новыми* познавательными образами. Поясним примером. У всех нас имеются идеи *человека* и *планеты*. Мы знаем, что Земля – планета, и что человек живет на этой планете. Синтетическая способность *воображения* порождает идею *инопланетянина*, человекоподобного жителя другой планеты. Если с Землей и людьми мы имеем дело в восприятии, то «инопланетянин» – *чистый продукт воображения*. Мы его «придумали». Но раз такой объект появился в нашем сознании, о нем уже можно ставить различные вопросы: как он может выглядеть, обладает ли он разумом, и если да, то таким же, как человеческий, или иным, и т.п. Пока мы не обнаружили в восприятии и практике предположенного существа, все описания его будут чистыми продуктами воображения. При этом некоторые из свойств, которые мы ему припишем, могут быть достаточно хорошо обоснованы.

На чувственном уровне способность воображения проявляется как способность формировать *чувственные* образы того, что в данный момент не воспринимается или даже вообще никогда не воспринималось. Примером является, скажем, образ русалки.

В художественном, строительном, техническом творчестве в сознании создателей всегда возникают сначала *воображаемые образы* будущих произведений, строений, машин и т.п., которые, если воображение не слишком отрывалось от реальных знаний о мире, могут быть воплощены в объективной форме.

Познание постоянно включает в себя воображение в описанных двух формах (чувственное воображение и интеллектуальное воображение). В качестве примера рассмотрим предложенное Левкином и развитое Демокритом представление об атомистическом строении вещей. Это был чистый *продукт интеллектуального воображения*, так как авторы идеи не могли (как, впрочем, и сейчас) *воспринимать* атомы. В сфере восприятия было лишь наблюдение, что *вещи делятся*. Они спросили себя: а не существуют ли вещи, которые *не могут делиться*? Представление вещи, которая *не может делиться*, является продуктом воображения, идеей, которая не является отображением чего-то наблюдаемого. Наблюдать, что вещь *вообще не может делиться*, – нельзя. Мы не можем *воспринимать возможности/невозможности*, они только мыслятся. Однако в наблюдении даны вещи, которые не делятся непрерывно. Теперь к этому чувственному образу неделищейся вещи достаточно посредством интеллектуальной операции прибавить слово «никогда», чтобы возникла идея

«атом». Ведь «атом», по-гречески, не более чем субстантивированное причастие – «не-делящееся».

*Доказательство* атомистического строения вещества (XIX в.) тоже базируется на восприятии и на интеллектуальном и чувственном воображении. Наблюдалось так называемое броуновское движение – беспорядочное, непрерывное хаотическое движение очень мелких частиц вещества (но отнюдь не атомов!), взвешенных в жидкости. Идея, что «ничего не бывает без причин», ведет к гинотезе *ad hoc*: что-то невидимое эти частицы ударяет. Это и есть атомы.

### **Вопрос о соотношении и связи восприятий и интеллекта в процессе познания**

Это один из самых принципиальных и спорных вопросов теории познания. В этом пункте философы разделились на сенсуалистов и рационалистов.

*Сенсуалисты абсолютизируют роль чувств*, утверждая, что только они являются *источником знания* и обеспечивают его *достоверность*.

*Рационалисты абсолютизируют роль разума*, мышления, признают его в качестве источника знания и утверждают, что чувства нас обманывают, и только разум дает подлинное знание.

Характер спора между ними и приводимых аргументов удобно проиллюстрировать на примере одного произведения выдающегося философа-материалиста XIX в. – Людвига Фейербаха.

Прочитывая одного из *критиков сенсуализма*, Фейербах его опровергает.

Точка зрения критика сенсуализма выражена так: *«Солнце с точки зрения астрономии есть нечто совсем иное, чем солнце с точки зрения чувственности; одно... неподвижно, другое подвижно; одно – шар, другое кружок; одно – громадной величины, другое – ничтожно мало; одно – предмет разума, другое – предмет чувства: одно – истинное, другое – кажущееся солнце»* (Фейербах Л. Против дуализма тела и души, плоти и духа). Смысл этого утверждения понятен: наше восприятие Солнца (маленький подвижный кружок) – ошибочно. «На самом деле» Солнце – громадный шар. Первое – утверждение чувства. Второе – утверждение разума (науки), и только оно истинно. Чувствами читаем мы книгу природы, но понимаем её не чувствами – пишет критик. Кажется, что тут невозможно возразить. Однако Фейербах возражает:

«Если принять такое противопоставление в сыром виде, то отсюда следует вывод: чувство дает мне только видимость, а мышление, разум –



истину, значит, чувственное существо (то есть чувственно воспринимаемый предмет. – А.К.) – только мнимое существо, умственное же существо – истинное. Однако... мысленное, духовное солнце как объект разума, есть не самостоятельное существо, <...> рассудком мы не вкладываем в природу какой-либо смысл впервые; мы только переводим и истолковываем книгу природы; слова, которые мы вычитываем в ней своими чувствами, – не пустые произвольные знаки. <...> Так, глаз представляет солнце совершенно согласно истине (лучше бы сказать: согласно законам физики. – А.К.); на таком расстоянии ты не можешь видеть солнце большим, чем показывает тебе твой глаз. Но если ты отсюда выведешь, что солнце и в действительности не больше, чем каким ты его видишь, то вина за это ложное заключение ложится не на глаз, а на тебя самого, который изолировал это явление, не привёл его в связь с другими в высшей степени ясными и отчётливыми показаниями твоих чувств. Чувства говорят всё, но чтобы понять их изречения, необходимо связать их. Свято читая Евангелие чувств – значит *мыслить*» (Фейербах Л. Против дуализма тела и души, плоти и духа).

Человек общается с миром, прежде всего, как существо *телесное*, и в таком качестве – посредством чувств, то есть восприятий, но их надо правильно «прочитать», то есть интерпретировать. Это делает интеллект. *В познании интеллект и чувства – не антагонисты, а необходимые взаимно обуславливающие друг друга компоненты единого процесса.* Познание немислимо ни без того, ни без другого. Отрывать одно от другого или абсолютизировать одно в противовес другому – грубейшая гносеологическая ошибка.

### 5.5.3. Трансцендентальные возможности субъекта-индивида

Помимо первичных естественных способностей, которые мы рассмотрели, познание обеспечивается *трансцендентальными возможностями*, которыми располагает познающий субъект. Что это такое?

*Трансцендентальные возможности* – это присущие субъекту *априорные основания*, необходимые для познания и принудительные по характеру своего действия.

В истории философии имеются (начиная с Античности) многочисленные предложения представить подобные основания. Наиболее известны в новое время учение Декарта *о врожденных идеях* и учение Канта *об априорных условиях опыта* (априорные формы чувственности и априорные формы рассудка – категории).

«Врожденность» подобных «примитивов» оспаривалась (например, в критике Декарта Локком, в критике Канта Гегелем и др.). Однако наличие некоторых *предварительных* условий для возможности познания сегодня является несомненным. Вопрос только в том, как их понимать.

Из современных концепций в этой области представим теорию американского философа Дж. Фодора.

Он считает, что у человека есть *врожденный* «репертуар концептов (примитивов)». Список базисных примитивов насчитывает примерно 30 названий. Они связаны с пространством и движением, например начало «пути», конец «пути»; вверх, вниз; соединение; живые объекты, не требующие внешнего импульса для движения, неодушевленные объекты, требующие такого импульса, и т.п. (см.: Черниговская Т.В. Когнитивный романтизм в зеркале контекстов).

Фодор высказал идею о том, что люди мыслят, используя врожденные символы. У субъекта есть «запас убеждений», и каждому новому факту убежденности соответствует «характерное отношение субъекта к определенному образцу ментальных репрезентаций» (Fodor J. The Language of Thought).

Мы в нашем курсе к *трансцендентальным условиям* отнесём следующее:

- *чувственные архетипы*;
- *понятийные (категориальные) схемы мыследеятельности*;
- *пропозициональные* (сформированные в виде суждений) *схемы мыследеятельности*;
- *схемы суждений и умозаключений*.

**Чувственные архетипы.** В сфере зрительных восприятий имеются *штампы* (образцы, гештальты) двух типов – *цвета* и *конфигурации*. Это первичные образы, ни к чему не сводимые, неразложимые, не описуемые (а только именуемые) словами.

1. *Цвета.* Мы воспринимаем и различаем цвета без всякого понимания или обоснования. Чтобы взрослому русскоговорящему человеку назвать нечто красным, не нужно ничего анализировать – достаточно взглянуть. Если какой-то цвет оказывается промежуточным между, например, красным и оранжевым, и мы затрудняемся его назвать – это не трудность *различения* цвета, а трудность *называния* (название может не существовать). То, что этот промежуточный цвет отличается и от красного, и от оранжевого, мы отчетливо и непосредственно видим.

Цвета являются свойствами физических «вещей» (в самом широком смысле – предметов, совокупностей и т.п.). Одну вещь мы воспринимаем (переживаем) либо как сходную с другой, либо как отличную от неё по

цвету. И это не требует понимания, обоснования, анализа и т.п. Мы это видим -- и все.

Цвета различаются между собой не только как таковые (красный - желтый), но и интенсивностью, «степенью» (красноты или желтизны) – и мы также это просто видим.

Человеку, не видящему с рождения, нельзя никакими словами объяснить, что такое красное или голубое. Кажется, что это невозможно потому, что он их никогда не видел. Но это не вполне так. Главная причина в том, что цвета вообще необъяснимы. Их нельзя объяснить и видящему. Проведем мысленный эксперимент. Допустим, случилось так, что некто видел все цвета, кроме красного. Можно ему объяснить, что это такое? Нет, только показать и сказать: «Вот это – красное».

Цвета классическая философия (Дж. Локк) назвала *вторичными качествами*, которые не присущи самим вещам, а существуют лишь в субъекте.

2. *Конфигурации* – это устойчивые *пространственные* зрительные типы восприятий. Мы различаем:

- точку (одну вещь) и несколько точек (вещей);
- прямую, кривую и ломаную линии;
- *открытую*, или *замкнутую* кривую, или ломаную; в случае замкнутости кривой или ломаной имеем образ плоской *фигуры* (подобные образы схватывает также *осязание*, и не только рука, но и другие участки тела);
- *непрерывное* (————) или *прерывное* (– – –) (это различение свойственно также звукам (жужжание комара, гудок и кукование кукушки, стук молотка);
- *объемность* (трехмерность) – видим или осязаем объемную *вещь*, отличаем её от иеобъемной, плоской;
- *даль* – видим открытое пространство, пустое или с вещами; *другим* органам чувств даль не открывается; в ограниченном виде образ присутствует в звуках («отдаленный голос, звук, пение, шум водопада...»);
- *в (внутри) и вне (снаружи), за и около (у), на, над и под, далеко и близко* - образы видения и осязания;
- *большое и маленькое* (Витгенштейн говорил: «Глядя, скажем, на стержень, я всегда знаю, выглядит он крошечным или большим»).

Этот список наверняка не полон, но нам важно понять сам принцип: есть некоторые устойчивые образы-штампы, на которые опирается наша способность представлять и мыслить.

Эти образы-конфигурации и формы их взаимных расположений – в отличие от *вторичных качеств* – рассматривались классической философией как *объективно присущие самим вещам*, как различия во внешнем мире. Локком они были названы *первичными* качествами. Впрочем, раз-

личие «первичных» и «вторичных» качеств было зафиксировано еще в античной философии.

В сфере *незрительных* восприятий имеются аналоги цветов, которые тоже являются образами-штампами, например для слуха – тембр, высота и характер звука (мужской и женский голос, шуршание или визг и т.п.). Точно так же существуют штампы запахов, вкусов, ощущений тепла и холода, влажности и сухости, мягкости и твердости.

Запахи и вкусы настолько неотрывны от вещей, что мы (по крайней мере, в русском языке) называем их не собственными словами, а именами вещей-носителей: запах розы, вкус арбуза и т.п.

Эти феномены восприятия в классической философии также считались *субъективными*, не присущими самим вещам. Но что бы ни говорила рефлекслирующая мысль о «субъективности», «условности», «знаковости» всех этих качеств, о том, что они «не суть отражения, а конструкты» и т.п. – это не может отменить нашего непосредственного «владения» *различиями*, которые абсолютно реальны в нашем сознании и которые мы приписываем вещам.

Само «вынесение» обиденным сознанием *всех* различий *всех* трёх груш из себя *во вне* – это такое же *непосредственное* и *дорефлективное* (досознательное) чувство, как и сами эти чувства. И цвет, и звук, и вкус, и запах, и теплоту, и все формы и отношения мы переживаем как принадлежащие *не нам*, а вещам. К вещи мы протягиваем руку или идем к ней, тянемся к ней, что есть телесное выражение пространственного различения и разделения нашего тела и того, что вне его.

Все эти образы *поименованы*, но именование – это языковая операция, следующая *за* восприятием, сам акт восприятия от него не зависит. Сначала должен быть чувственный образ, потом он может быть поименован, но не наоборот.

Все это и есть те *типы* чувственного материала, который непосредственно связывает человека с миром, в которых мир *представлен непосредственно*, неразъёмно, не по частям.

Скептикам этого «не хватает», они этим не удовлетворены. Правда, только теоретически. На практике, как и прочим людям, им этого вполне достаточно, чтобы успешно обращаться с вещами обиденного мира. Почему мира *таков* и представлен нам *так* – мы не знаем, но другого нам на уровне восприятия не дано.

Эти *первичные данные восприятия* не являются *знанием*, они суть *впечатанные в нас элементарные характеристики мира* (не надо понимать это *впечатывание* механистически!). На этих данных мы строим *знание в виде идей, утверждений и отрицаний*. Ставить вопрос – а каков мир *вне* и *до* этих

восприятий и построенных на них идей – *бессмысленно, противосмысленно*, так как *вне и до* всего этого *для нас* мира *нет*, поэтому спрашивать не о чем, да и некому, так как без этих восприятий нет и человека. Когда же мир *есть* для нас (а он есть для нас в наших восприятиях и идеях), мы тоже есть, и эта сопряженность бытия мира и бытия нашего сознания – первичный и неустранимый факт. Удачно сказал об этом крупный современный религиозный философ-богослов Пауль Тиллих: «Базисная онтологическая структура (Я – мир) не может быть выведена. Её надо принять» (Тиллих П. Систематическое богословие). Именно она (эта базисная структура) и присутствует как смысл фундаментального онтологического убеждения.

Реальным же вопросом гносеологии является вопрос о том, каким образом мы постигаем существование, свойства и отношения, *не данные нам в восприятии*, как на базе восприятий строится мысль, и как она относится к миру. Первое, что очевидно, – мысль относится к миру опосредованно восприятиями.

**Категориальные условия** интеллектуальной деятельности – это *схемы мыследеятельности*, существующие в виде общих идей (*понятий*), таких, как *различие, сходство и тождество, равенство и неравенство* (больше и меньше), *причина, связь, «есть» (существует) и «нет» (не существует), необходимо и случайно, форма* (строение) и др. Это некоторые *устойчивые мыслительные представления*, сложившиеся в сознании и являющиеся *априорной предпосылкой* в конкретном познавательном акте. Они составляют категориальную структуру рассудочной мыслительной деятельности, которая формируется вместе с усвоением языка. Их изучает философская *теория категорий*.

**Пропозиционные схемы мыследеятельности** – это *утверждения* типа «чем больше тело, тем оно тяжелее», «чем тело тверже, тем оно прочнее», «круглое катится, а плоское нет» и т.п. Они представляют собой фиксацию устойчивых корреляций, которые наблюдались в опыте, передаются через язык и которые регулярно подтверждаются опытом. *В силу привычки* мы используем их *автоматически, бессознательно и некритически*.

### Роль схем мыследеятельности в процессе познания

Сколько и каких схем мыследеятельности (категориальных и пропозиционных) содержит наше сознание, мы точно не знаем, полагая, однако, что число их меняется во времени и они различны в разных культурах.

Хотя понятие схем мыследеятельности напоминает понятие *врожденных идей Декарта* и *априорных форм* рассудка Канта, оно от них существенно отличается. Схемы не врождены и не априорны. Они продукты культурной эволюции человека, закрепившиеся в языке и в структуре

мышления. Они закрепляются в описаниях и передаются от поколения к поколению через язык, подтверждаясь в процессе обучения детей наглядными образами и примерами. (Скажем, схема «часть всегда меньше целого» или «всякое событие имеет причину»). По отношению к новому опыту они выступают как предварительное, уже имеющееся знание. На их основе при появлении нового опыта выстраиваются новые мысленные модели.

Какое значение имеют схемы мыследеятельности? Пусть нас заинтересовал какой-то *новый предмет*. Еще не приступив к его изучению, мы уже знаем о нём кое-что *априори*, то есть до *личного* опыта с ним. Например, мы уверены, что у него есть какое-то *строение*, что он на что-то *похож* и от чего-то *отличается*. Что, возможно («возможно» – тоже схема мыследеятельности!), есть такие же объекты, но большего или меньшего размера. Это предварительное знание позволяет нам задавать вопросы, касающиеся этого объекта. Поиск ответов на эти вопросы и есть его познание. Например, его внутреннее строение не дано нам в восприятии. Но схема «часть/целое» *заставляет* нас верить, что такая структура есть, и это *подталкивает* к её изучению, например, через «разборку» этого предмета, выделения из него частей, которые становятся созерцаемыми.

Приведенный выше пример формирования идеи атома может быть теперь дополнительно прояснён. В этом процессе «работали» схемы мыследеятельности «все состоит из чего-то», «вещь делится на то, из чего состоит», «что-то можно, чего-то нельзя», «никогда», схема в виде грамматической оппозиции «состоит/не состоит» (ко всему можно приставить частицу «не» – это грамматическая схема мыследеятельности).

*Пропозициональные схемы мыследеятельности могут быть как истинными, так и ошибочными.* Мысль, которая опирается на ошибочные схемы, не достигает истины. Например, нам кажется, что более тяжелое тело падает с высоты на землю быстрее, чем легкое тело. Почему сложилась такая схема? Потому что люди это постоянно наблюдают. Камень и пушинка или лист бумаги упадут на Землю не одновременно, камень – быстрее. Но мысль ошибочно приписала это свойство именно *весу* падающего предмета, в то время как действительная причина – в различии условий сопротивления воздуха. В пустоте все тела под воздействием силы тяготения падают с одинаковой скоростью (это доказал Галилей). Подобные ошибочные схемы мыследеятельности либо постепенно стихийно заменяются другими, либо, приходя в противоречие с научными данными, заменяются *научными принципами*, которые в сфере научного познания сами становятся схемами мыследеятельности.

Рассмотрим этот процесс на историческом примере. В XVIII в. наука активно изучала явления теплоты. Уже было введено понятие удельной

теплоёмкости, изобретен термометр со шкалой Цельсия. Английский химик Блэк провел следующий эксперимент: одновременно нагревал равные по объему колбы с водой и ртутью, поставленные на равном расстоянии от огня. Блэк полагал, что вода будет нагреваться быстрее. Почему он так думал? «Сработала» схема мыследеятельности «чем больше вещества, тем медленнее оно нагревается», которую постоянно подтверждает наш опыт кипячения воды. Масса (вес) воды в одинаковом объеме в 13 с лишним раз меньше, чем масса ртути. Поэтому Блэк был удивлен результатом: большая масса ртути нагрелась быстрее, чем меньшая масса воды! Этот «парадокс» (мнимый, конечно) инициировал аналогичные эксперименты с другими веществами, в которых выяснилось, что *каждое вещество имеет собственную величину теплоемкости*, которая, как таковая, не зависит ни от объема, ни от массы. В переводе на обыденный язык это значило: *каждое вещество нагревается с собственной скоростью*. Таким образом, обыденная схема мыследеятельности (как оказалось, ошибочная) была заменена утверждением научного факта. Но Блэк изучил только *несколько* веществ. Тогда естественно возник вопрос: действительно ли *каждое* вещество обладает собственной скоростью нагревания (то есть собственной теплоемкостью), и сформулирована научная задача: определить удельные теплоемкости как можно большего числа веществ. Эту задачу решили французские химики Пти и Дюлонг (на рубеже XVIII–XIX вв.). Сопоставление полученных результатов, сведение их в таблицу обнаружили некую эмпирическую *закономерность*: чем тяжелее вещество, тем меньше его удельная теплоемкость (они изучали теплоемкость химических элементов). Теперь естественным стал вопрос: почему? Поиск ответа на него привёл к выдающимся открытиям в физике (Липсон Г. Великие эксперименты в физике. М., 1972).

*Схемы суждений и умозаключений.* Эти схемы мы также усваиваем бессознательно вместе с усвоением языка. Рефлексивно, сознательно, их выделила и изучает наука логика. Она описала различные операции над понятиями, виды и формы *суждений*, *схемы умозаключений* и *доказательств*. Логика также вскрыла и описала логические ошибки как отступления от этих схем, приводящие к неверным выводам. Например, схема умозаключения

Если  $a$ , то  $b$ ;  
 $a$  имеет место,  


---

следовательно,  $b$  тоже имеет место

– *правильная*, мы смело можем ею пользоваться.

А «*пюхожая*» схема

Если *a*, то *b*;  
*b* имеет место,  
следовательно, *a* тоже имеет место

– *неверная*. Рассуждая по этой схеме, мы допустим логическую ошибку.

Поясним это на обыденном примере. Посмотрев утром в окно, Вы увидели, что земля в вашем дворе мокрая (*b*) и говорите: «ночью шел дождь» (*a*). На каком основании Вы это говорите, откуда вы это знаете, если не видели, что ночью шел дождь? В этот момент вы бессознательно сделали *умозаключение* как раз по второй схеме (если ночью шел дождь (*a*), то земля утром мокрая (*b*), земля мокрая (*b*), следовательно, ночью шел дождь (*a*)). Этот пример демонстрирует нам сразу две вещи: *каким образом может возникать знание о том, что не воспринималось, и как при этом можно совершить ошибку*. В прежнем опыте у нас образовался устойчивый образ причинной связи дождя и мокрой земли, что и позволило сделать указанное умозаключение. *Схема мыследеятельности* (причинная связь дождь/мокрая земля) была уместна, но логическую схему мы применили *неверную* (в силу того, что умозаключение делали неосознанно). Поэтому, *независимо от того, шел ли на самом деле дождь, наше умозаключение неверно*. В самом деле, ведь земля могла оказаться мокрой потому, что её полили.

*Посредством умозаключений* происходят реальные познавательные процессы. Например, космохимики узнают химический состав звезд, хотя вещество звезд никогда не бывало в их руках и непосредственно не воспринималось. Как это делается? В земных условиях в опыте было установлено, что каждое вещество, будучи нагрето до свечения, создает свой, только ему присущий спектр свечения. Воспринимая излучения звезд, ученые, бессознательно опираясь на схемы мыследеятельности *похожести и тождества*, делают умозаключения по той же логической форме: «если в свете звезды наблюдается такой-то спектр (*a*), то в её вещественном составе есть такое-то вещество (*b*). Такой спектр мы наблюдаем (*a*). Следовательно, такое-то вещество есть в вещественном составе звезды (*b*)». *Схема рассуждения правильная*. Но вывод будет *истинным* только в том случае, если первая посылка истинна. А она, безусловно, истинна только при условии, что никаких других причин наблюдаемого спектра, кроме излучения именно данного вещества, не существует. Конечно, на деле все это очень не просто, но логика мыслительной деятельности именно такова.

Итак, *познание опирается на получаемые в опыте чувственные данные и выработанные в опыте схемы мыследеятельности*.



#### 5.5.4. Методологические и методические возможности

Речь здесь идет о следующем.

*Методологические* возможности (и ограничения) заключаются в том, что в процессе социокультурного становления познающего субъекта у него формируются неосознаваемые или не вполне ясно осознаваемые им *установки*, вытекающие из некоторого образа мира и требований подхода к нему. Рефлексивно такие установки осмысляются в философии в качестве *философских методологий*. Примером могут служить рационалистические или сенсуалистические установки, религиозные или сциентистские, диалектика в гегелевском смысле, диалектические или метафизические установки в марксистском понимании, герменевтическая установка, установка диалогической философии и т.п. Некоторые *аналоги* подобных установок, пусть не очень отчетливые и не всегда последовательные, формируются и стихийно, так как зрелый человек, приобщаясь к многочисленным текстам культуры, впитывает их из этих источников, не осознавая. Эти установки участвуют в формировании направленности познавательного внимания (выбор объектов и предметов познания), в определении целей и организации познавательной деятельности.

*Методические* возможности – это совокупность тех *способов* познания, которые субъект усвоил в процессе *учения* (стихийного или систематического) или изобрёл сам. Главное требование к методу – он должен быть эффективным, его применение должно давать по возможности быстрый и хороший результат. *Условием эффективности методов является их адекватность объекту*. Тут следует учитывать различия задач и ситуаций. Одно дело, когда познается какой-то наличный объект известной общей природы и методы изучения объектов такого типа тоже известны, другое дело – изучение объекта неизвестной или малоизвестной природы. В первом случае нужно только правильно *выбрать* из списка известных методов некоторые и применить их. Например, любой грамотный химик знает методы изучения химического состава какого-нибудь минерала. И это есть *априорная* (для данного случая) возможность, которой располагает каждый химик. Во втором случае подбор метода, а иногда и изобретение его, является *научной задачей*, решаемой предварительно.

#### 5.5.5. Инструментальные средства познания

Современное познание, в дополнение к описанным естественным средствам, широко пользуется искусственными *инструментальными*

средствами. Инструментальные средства – это технические орудия и приспособления, приборы, которыми мы пользуемся в познавательных действиях. Их можно разделить на три группы: *средства измерения и счета, средства наблюдения, средства открытия новых эффектов*. Современную электронно-вычислительную технику можно представить как мощное средство хранения и переработки знания и решения задач.

Средства измерения и счета, по-видимому, появились раньше других, еще в древности: *измерительные приборы и технические устройства счета* (мерная линейка и счетные палочки и т.п.). Их изобретение имело фундаментальное значение, так как *вместе со счетом и измерением в познание вошла математика, сделав познание точным*.

Первоначально измерительные средства были направлены на измерение лишь *пространственных характеристик (размеров) и весов*. Современные измерительные средства позволяют измерять самые разнообразные свойства, например температуру, теплосмкость, твердость или текучесть веществ, электрическое напряжение, интенсивность света или звука, время длительности какого-либо процесса и т.д. Перечень огромен. Почти все свойства поддаются измерению и почти для всего (известного) созданы соответствующие приборы. И создаются все новые, что подчеркивает их значимость.

Первыми измерениями были измерения земельных участков, откуда произошло название «геометрия» – измерение земли. Это были практические, а не познавательные операции. Инструментами были мерные палки и веревки, а первым измерительным *прибором* стала линейка. Затем возникла потребность измерять значительные расстояния, где простое прикладывание мерки неудобно. Возникли *приборы* для измерения на расстоянии и приборы для измерения расстояний между небесными объектами (Луна, Солнце, планеты, звезды). Измерения приобрели *косвенный* характер: измеряется не сам объект, количественные параметры которого устанавливаются, измеряются другие объекты, а искомый размер *вычисляется* по законам геометрии. Например, высоту дерева можно измерить, измеряя длину тени. Но для этого нужно еще иметь прибор, позволяющий определить угол, и соответствующее геометрическое знание. Моряки по этому же принципу рассчитывают пройденное в открытом океане расстояние.

*Средства счета* менее разнообразны, но достаточно назвать современные калькуляторы и электронные вычислительные машины, чтобы понять их значение.

*Средства наблюдения* появились гораздо позднее. Это инструментальные средства для усиления наших *естественных способностей* вос-

приятия. Одним из самых древних инструментов было *увеличительное стекло* (линза). С XVII в. появились микроскопы и телескопы, а в XX *радиотелескопы*, с помощью которых «рассматривается» космос. Появились *интроскопы*, позволяющие видеть «внутренность» непрозрачного предмета (например, рентгеновский аппарат), а также приборы, позволяющие видеть в темноте, слышать недоступный уху звук, фиксировать слабый запах и т.п.

Третья группа инструментальных средств – *средства обнаружения новых эффектов*, то есть инструменты и приборы, в которых *создается процесс*, который затем наблюдается, измеряется или просчитывается. Элементарным примером может служить призма, разлагающая луч белого света на цвета, составляющие его спектр. Без такого прибора невозможно было бы догадаться (тем более увидеть), что свет неоднороден, представляет собой некую «смесь». Этот простой «прибор» столь же успешно воссоздает из набора цветов белый луч.

Особую группу приборов составляют компьютеры (электронно-вычислительные машины) – средства, способные выполнять функции интеллекта, то есть решать задачи.

Современное познание в фундаментальных науках – физике, космологии, химии, биологии, геологии – невозможно без сложнейших инструментальных средств.

Именно познанию служит *космическая техника*, хотя она имеет и практическое, в том числе (к сожалению) и военное применение.

15 января 2006 г. на Землю вернулся американский космический зонд, который в течение *семи лет* пролетел более *миллиарда километров* со *средней скоростью более 20 000 км/ч*. Он взял пробы кометного вещества, межзвездной пыли и доставил их на Землю (сообщение «Радио России» 16 января 2007 г.). Этот зонд – сложнейшее техническое устройство промышленного изготовления, в логико-гносеологическом смысле – просто *инструмент, прибор*.

Другой пример. В мае 2007 г. была открыта самая крупная в наше время планета галактики. Для её открытия потребовалась согласованная деятельность групп радиотелескопов, расположенных на разных континентах: Северная Америка (штат Аризона), Африка (одна из пустынь) и Новая Гвинея. Это группа радиотелескопов тоже в логическом смысле «просто» инструмент, хотя каждый из них – сложнейшее индустриальное сооружение.

*Значение инструментальных средств.* Мало сказать, что они «помогают» или «облегчают» познание. Такая функция как единственная была присуща им только на самых ранних ступенях развития «приборно-

го» познания. С XVII в. (с эпохи Галилея и Ньютона) систематическое познание в области природы просто *невозможно* без новых экспериментальных установок и разнообразных приборов.

### 5.5.6. Память как средство и условие познания

Человеческое познание невозможно без памяти. Долгое время память рассматривалась только как элемент психики человека и высших животных. Но сегодня «память» является *общенаучным* понятием, которое обозначает разнообразные феномены. Сегодня известны следующие виды памяти.

*Память животных* – родовая и индивидуальная. *Родовая* память закреплена в *инстинктах* и проявляется в инстинктивном поведении. *Индивидуальная* память животного – сохранение собственного опыта данного животного индивида. У живых существ разного эволюционного уровня память различается по формам и силе. В поведении высокоразвитых животных, например собак, индивидуальная память отчетливо наблюдается.

*Индивидуальная память человека* (память в психологическом смысле) – сохранение информации в мозговых нейронных структурах.

*Социальная память* (общественный тезаурус) – опыт и знания человечества, сохраненные в объективированной знаковой форме разнообразных текстов.

*Генетическая память* живых организмов (формы и свойства животного, «записанные» в генах).

*Память формы* металлов.

*Память компьютера* и других электронных устройств.

*Архетипы* коллективного бессознательного.

Такое многообразие видов памяти требует некоторого общелогического понимания этого феномена. Можно дать такое определение: *память – это механизм сохранения некоторых состояний в несобственной форме с возможностью восстановления сохраненного в собственной форме*. Например, знания, полученные людьми, хранятся в виде текстов книг, статей, отчетов и т.п. Сами тексты *как таковые* не суть знания. Это физически существующие объекты. Но знания в них *хранятся в несобственной форме* (то есть не в форме знания). Читая книгу, человек получает знание. В его сознании оно обретает *собственную* форму идеального существования.

Для теории познания существенны феномены индивидуальной памяти человека, социальной памяти и архетипов. Их мы и рассмотрим.

*Роль индивидуальной памяти*. Она заключается в том, что:

- хранит *результаты познания*;
- является *критерием новизны* получаемых знаний, позволяя сравнивать вновь полученные данные с имеющимися;
- знание, хранящееся в памяти, является базой постановки новых познавательных задач.

Что именно хранится в памяти, существенно для процесса познания? Прежде всего:

- все те *априорные условия*, о которых сказано выше; они всплывают в необходимых случаях спонтанно, их не требуется «вспоминать»;
- *сознательно* или *стихийно* погруженные в неё *чувственные познавательные образы* как результаты познания;
- *осознанно* или *неосознанно* отобранные и запомненные *конкретные знания* в виде описаний фактов, причин, законов и т.д.;
- *сознательно* выбранные и запомненные *принципы, методы, приёмы, правила* познавательной деятельности.

Хотя многое поступает в память в процессе *сознательного* (рефлексивного) запоминания, сама *память как целое – бессознательна*. Поэтому полный объём того, что хранится в нашей памяти, нам неизвестен. Однако некоторая часть известна: мы помним, что должны помнить. Прежде всего, это сведения, *значимые для нашей повседневной жизни и профессиональной деятельности*. Поскольку речь идет о познавательной деятельности, то мы обычно помним (и знаем, что помним) данные, касающиеся той сферы, которую мы познаем. Например, физик помнит основные законы физики, а экономист – основные законы и свойства экономических систем. Социолог, естественно, помнит смысл социологических понятий, принципы социологического познания, основные данные социологической науки, что является условием социологического познания.

Однако в процессе познания важны не только сознательно усвоенные знания и принципы, но и *бессознательно* закрепившиеся. Прежде всего, это:

- *бессознательно* усвоенный *язык (лексика и грамматические формы)*, без владения которыми нельзя оформить знание в виде высказываний и невозможно проводить процедуры умозаключений);
- *бессознательно* закрепившиеся в памяти *фрагменты разнообразных сведений и схемы мыслительности*;
- простые выработанные или заимствованные *навыки* (например, привычка *рассматривать* изучаемую вещь, *расчленять* её и т.п.);
- в научном познании большое значение имеет бессознательно усвоенная *парадигма*.

Сила памяти у разных людей различна. Встречаются люди с феноменальной памятью. Например, некоторые способны, прочитав страницу книги, запомнить её абсолютно точно и к тому же на всю жизнь. Моцарт с детства обладал феноменальной *слуховой* памятью: услышав большое музыкальное произведение, например симфонию, он улавливал и запоминал не только основное звучание, но все партии всех инструментов оркестра и по памяти мог записать ноты. Феноменальная память – не всегда достоинство, она, например, может подавлять собственное продуктивное воображение, а также производить подмену запомненного воображаемым и оценивать созданное как запомненное.

**Роль социальной памяти** в познании. Социальная память – это совокупность всего того, что человечество познало и сохраняет в объективированном виде. Сегодня это, прежде всего, тексты на бумажных и электронных носителях. Есть, конечно, «живые энциклопедии», но и они знают бесконечно меньше, чем все человечество. Социальная память – это *социальный тезаурус*, который служит:

- главным источником обогащения индивидуальной памяти посредством ознакомления, а не посредством исследования;
- информационной базой последующих активных познавательных действий;
- критерием объективной новизны для социума в научном познании;
- единственной базой для познания-учения: познание-учение как раз и заключается в систематическом присвоении знаний, хранящихся в социальном тезаурусе.

В современном обществе социальная память является *основным* источником обогащения индивидуальной памяти *существенными* знаниями. То, что познает и запоминает человек в своем личном опыте *повседневной* жизни, является, как правило, поверхностным, имеющим частное и временное значение и только для данного субъекта. *Существенное знание* *приобретается из социального тезауруса в процессе систематической учебы.*

Главная трудность использования социального тезауруса вытекает из его необъятности. Поскольку познание-учение организовано, кто-то должен выбрать и выбирает то, что учащимся следует изучить. Так возникает *проблема учебников и программ*. Где провести границы *необходимого* знания? К этому вопросу привязаны и *содержание* обучения, и его *формы*. Идет незримая борьба систем образования. А самостоятельно выбранное познание-учение (самообразование) произвольно, случайно, его результаты неопределенны и сильно зависят от способностей индивида.

Не менее остро стоит задача выбора необходимого материала из социального тезауруса для обеспечения *научных* исследований. Информационный поиск сложен и все время усложняется. Появление компьютерных технологий и Интернета упрощает задачу, но это иллюзия, так как в орбиту внимания исследователя попадают неизмеримо большие объемы информации. И если прежде трудно было все необходимое *найти*, то теперь – проще, зато труднее (а во многих случаях невозможно) все *освоить*. Задача подбора материала для научного исследователя сама становится научной задачей. Коренную роль здесь играет интуиция.

**Роль архетипов в познании.** Сегодня считается, что в памяти имеют место *архетипы коллективного бессознательного*. Это понятие введено в науку психологом и психиатром К. Юнгом (XX в.). Архетипы коллективного бессознательного – это некие образы, заложенные в память каждого не из личного опыта, а биологической и культурной эволюцией. В них хранится (передаваясь *не через язык, а морфологически*, по наследству), опыт человечества. Поэтому архетипы обеспечивают *априорную готовность* воспринимать и понимать мир *определенным* образом. Их столько, указывает Юнг, сколько есть типичных жизненных ситуаций. Например, рождение и смерть, болезнь, брачные отношения, действия сил и форм и т.п. В этих ситуациях архетипы влияют на формирование нового знания, внося в него некую *мифическую* и *символическую* компоненту.

### 5.5.7. Язык как средство и ограничение познания

Абсолютно необходимым средством познания является *язык*. Язык – это лексико-грамматическая система, то есть совокупность слов и неосознаваемых индивидом правил обращения с этими словами. Язык хранится в памяти, то есть на бессознательном уровне.

Язык – это средство общения, которое реализуется через речь – звуковую (устную) и письменную. Письменная речь – довольно позднее приобретение человеческой культуры, но, возникнув, она стала неотъемлемой частью человеческого бытия.

Знание, полученное индивидом, только тогда попадает в социальный тезаурус, становится общим достоянием человечества, когда обретает объективированную форму письменного или (сегодня) электронного текста.

Некоторые исследователи называют текст «мнемоническим феноменом»: «Именно в сфере текстовой коммуникации осуществляется... трансляция в сколь угодно далёкое будущее человеческого опыта» (Петрова Г.И. Рациональность в общении посредством текстов).

Это верно. Но, будучи средством общения, коммуникации, запоминания и передачи запомненного в поколениях, язык, в то же время, есть *средство познания*. В каком смысле?

Познание осуществляется посредством восприятия и мышления. Вопрос, является ли мышление всегда *вербальным* (языковым, словесным) или существует и невербальное мышление, пока дискуссионен. Но независимо от решения этого вопроса достоверно и очевидно, что *знание* (идеи), получаемое в процессе познания, чтобы выйти из внутреннего мира субъекта и стать достоянием другого субъекта, должно быть объективировано. *Формой объективации идей* (то есть знания) *является речь* (звуковая или графическая). Мысли, идеи, знания, не будучи объективированы посредством языка в речи, не могут быть восприняты. Поэтому *вне языка нет знания*. *Знание существует в виде дескрипций* (описаний). Дескрипции – это *языковой феномен*.

Фундаментальное значение имеет естественный национальный язык народа. Это «дом бытия». Но цивилизация создала и другие, искусственные языки. Для познания важны, прежде всего, языки наук: математики, физики, химии, информатики и пр. Особенно далек от естественного повседневного языка язык математики. Его «слова» и «высказывания» – это символические записи и формулы. Например, формула  $Ax + By + C = 1$  есть «высказывание» на языке математики, где «словами» являются использованные в ней буквы и цифра. Знаки сложения и равенства суть тоже «слова», но служащие для управления смыслом целого (то есть аналогичны грамматическим средствам естественного языка). Если в физическом тексте по электричеству вы встретите в связке буквы I, U и R, то поймете (если изучали и не полностью забыли физику), что речь идет о напряжении, сопротивлении и силе тока.

Определенную познавательную роль играют и ненаучные искусственные языки. Например, язык живописи, язык архитектуры и т.д. Конечно, «тексты» на этих языках сообщают нам нечто не о физическом мире, а о мире культуры. Но, тем не менее, сообщают. При том же условии: если мы этими языками владеем.

В отличие от естественного языка, которым человек овладевает с детства стихийно и произвольно, специальные языки, чтобы ими пользоваться, приходится специально изучать. В силу этого обстоятельства именно *естественный язык является фундаментом*. Специальные искусственные языки могут функционировать лишь в связке с языком естественным. В нестандартных ситуациях получения или изложения нового знания, введя в формулу какие-то символы, приходится, чтобы формулу понял читатель, *на обычном языке* указывать, что эти символы обозначают. В противном случае формулу не поймет даже специалист, если символы употреблены в нестандартном значении или сочетании.



Итак, в чем же роль языка в познании?

– Проблема и цель познавательного акта формулируются непременно в языковой форме.

– Вновь полученное знание выражается и оформляется в языковой форме (в виде высказываний, статей, книг, отчетов и т.п. На обыденном уровне – в говорении, в письме и т.д.).

– В какой форме знание хранится в памяти, нам не известно, но *извлекается* оно из памяти также в языковой форме.

– Объективированные знания аккумулируются в языковой форме в масштабных собраниях – учебниках, словарях, энциклопедиях и т.п.

– Собранные в объективированных формах знания являются базой для продолжения познания.

Язык – не только необходимое *условие* познания, *не только средство*, но и определенное *ограничение* познания. В общем плане это выражено в известном афоризме Л. Витгенштейна «Границы моего языка – это границы моего мира». В языке имеет место *первичная истолкованность* мира. Это касается, прежде всего, естественных национальных языков. Язык – основа культуры. Мир национального языка – это и есть мир национальной культуры. Но это касается и индивида, в том числе познающего индивида, субъекта познания. Каков язык индивида (прежде всего – какую он содержит лексику и как истолкована им эта лексика), таков и его мир. И именно *в этом* мире индивид находит объекты познания и его предметы. Человек, знающий различные языки, приобщен не только к своей национальной культуре. Его культурный горизонт значительно шире. Еще очевиднее: если индивид знает *специальные* искусственные языки – границы *его* мира расширены за счет знания этих языков. Но отсюда и обратный вывод: бедность языка индивида суживает горизонт возможностей его познания. *То, что не может быть мною высказано, не является моим знанием.* Вообще говоря, нет других средств расширить границы своего знания, кроме как расширить свой язык. Без языка я не могу передать своё знание другим. И точно так же я не могу получить от другого субъекта какое бы то ни было знание, если я не знаю языка, на котором он мне его передает. Роль языка в бытии человека и в познании – фундаментальна. Не случайно Хайдеггер сказал, что язык – это дом бытия.

### ***5.5.8. Проблема откровения и веры в познании***

В некоторых гносеологических концепциях, преимущественно религиозных, к средствам познания относят *откровение* и *веру*. В нерелигиозных – *интуицию*.

Каждый аспект этой проблемы следует рассмотреть отдельно.

Откровение – понятие религиозное. Под ним имеется в виду *божественное* откровение, некий акт, в котором Бог открывает человеку истину, минуя все *естественные* познавательные способности, то есть восприятие и мышление. Такие акты называют *мистическим*, или религиозным, *опытом*. Чисто логически его *можно было бы* считать средством познания, но в нём не открываются *конкретные* свойства конкретных вещей, а только некие *высшие истины*, имеющие нравственно-мировоззренческий характер. Например, согласно Библии, таким способом Моисей получил от Бога и передал людям десять заповедей. Это нравственные заповеди, которые ничего не говорят ни об устройстве мира, ни, тем более, о свойствах вещей, а являются требованием к человеку – как ему следует жить. Разумеется, это важные знания, но вот так ли они получены? Тут возникает корреляция с идеей религиозной веры. Знания, полученные в откровении, не могут быть проверены, они получены непосредственно от Бога, и для верующего человека даже мысль о необходимости такой проверки уже грешна. Поэтому откровение принципиально принимается *только на веру*. Есть люди, для которых такое понимание вещей приемлемо, и мы не будем с ними спорить: мировоззренческие представления – дело свободного выбора. Отметим только, что нас в данном пособии интересует познание не вечных и универсальных истин, а познание конкретных свойств конкретных конечных вещей и отношений (законов). Фактов познания конкретных свойств через откровение история не знает. Поэтому мы не будем включать откровение в состав средств познания.

Другое дело – вера. Она, безусловно, участвует в рациональном мышлении (причем постоянно!) Вера ведь бывает не только религиозная. Более того, *вера – в основном не религиозный феномен*. В обыденной жизни большую часть получаемых знаний мы *принимаем на веру*, то есть без доказательств, без проверки и перепроверки. Будучи маленькими детьми, мы на веру приняли от родителей огромное число всяких сведений о мире. Например, что огонь причиняет боль, а молоко полезно. Мы получаем, например, сведения о звездах, что они большие и очень далеко, и верим этому. В подростковом возрасте мы верим сверстникам, учась в школе, верим учителям и учебникам. Кое-что нам доказывают логически, но доказательства опираются на положения, которые мы приняли на веру.

Нетрудно понять, почему это так и не может быть иначе. Если бы каждое утверждение требовалось доказать и перепроверить, человечество никогда не достигло бы современных знаний. Ведь на *реальное* получение и доказательство некоторых знаний уходят годы. А мы, в процессе их изучения, тратим на них только часы, а иногда и минуты. За часы и ми-

нут нельзя перепроверить то, что явилось результатом многолетнего труда. Если вы, например, из учебника географии или зоологии узнали, что в Аргентине живет такая-то бабочка, и живет она только в Аргентине и нигде больше, вы же не поедете в Аргентину проверять этот факт? А чтобы утверждать, что она не живет нигде, кроме Аргентины, десятки, а может быть и сотни энтомологов должны были изучить фауну многих стран. А что уж говорить о *личной* проверке знаний, полученных на синхрофазотронах, на космических кораблях?

К счастью, в этом нет нужды, и именно потому, что есть такой феномен, как вера. Без веры в те сведения, которые хранятся в социальном тезаурусе, движение познания вперед было бы невозможно. *Вера участвует в познавательной деятельности буквально на каждом шагу, выполняя важнейшую функцию экономики человеческого времени*, которое мы тратим не на проверку и перепроверку старого знания, а на получение нового. Конечно, иногда это приводит к ошибкам. Конечно, не все принимается на веру, в особенности в научном познании. Тем не менее фундаментальное значение веры в познании очевидно.

### ***5.5.9. Разум и интуиция***

Способность к *рассудочному* мышлению – не единственная мыслительная способность. Есть еще *разум*. Как уже было сказано, разум есть единство интуиции и воображения.

Интуиция, которую часто называют *озарением*, *похожа* на откровение: это внезапное получение знания в виде мгновенной догадки, которая кажется неожиданной, а полученное знание – не выведенным ни из восприятия, ни из логически доводов. В религиозной философии такие акты и толкуются как откровение, как некое чудо в акте познания. Но интуиция – это не божественное откровение, а естественная познавательная способность. Существование интуиции в настоящее время представляется несомненным. Вопрос о механизме её действия – не гносеологический, а психологический. К гносеологии относится вопрос о роли интуиции в познании.

Мы не выделяем интуицию в качестве *отдельного средства* познания. Средствами познания мы пользуемся рефлексивно, сознательно, выбирая их. Интуиция же спонтанна. Мы не можем «применить» интуицию, когда захотим. Озарение приходит само, а не по нашей воле. Однако практика показывает, что интуиция имеет две детерминанты. Одна естественная – некая врожденная предрасположенность к ней. Не все люди обладают одинаково развитой интуицией. Другая детерминанта – глубокая погру-

женность субъекта познания в тему или предмет. Тот, кто долго и многосторонне обдумывает какой-то предмет, может рассчитывать, что озарение случится. Но гарантий этого нет. Отсюда и роль интуиции в познании: она является моментом прорыва, *точкой бифуркации*. Творчество, в том числе познавательное, без интуиции невозможно. С точки зрения познавательного действия интуиция есть не что иное, как воображение. Интуитивно возникшая идея или решение – это *спонтанно и внезапно воображенное*.

Но может существовать и *усилие воображения*, специальное «придумывание», допускающие искусственное конструирование, пробы и ошибки с последующей оценкой. Это не интуиция. Проиллюстрируем это различие на примере литературного творчества. Писателю может прийти в голову сюжет *внезапно и полностью*. Это озарение, интуиция. Но может быть и по-другому: он долго и тщательно выстраивает сюжетные линии, оценивает их, создаёт их переплетения. Он «придумывает» их, то есть воображает. Но озарения тут нет. Точнее, тут серия микроозарений.

*Момент творчества всегда интуитивен*. То же происходит и в познании. Долгое продумывание вопроса может привести к озарению, к внезапному возникновению решения. Но к решению можно прийти также путем микроинтуиций, которые в качестве интуиций даже и не осознаются, а принимаются за рассудочное движение мысли.

Единство рассудочной деятельности, воображения и интуиции есть разум. Разумное усилие в процессе познания – естественный, необходимый и рефлексивный процесс. Мобилизовать свой разум, значит, мобилизовать эти свои возможности, дарованные природой, культурой, образованием и воспитанием.

### **5.5.10. О роли переживаний в познании**

Некоторые утверждают, что социальная наука не может бесстрастно констатировать, будто речь идет о звездах или бактериях. Относительно социальных наук это совершенно верно. Но автору этого высказывания, видимо, представляется, что звезды и бактерии *можно* изучать бесстрастно. А это – неверно.

Классическая гносеология (как и философия в целом) не уделяла должного внимания эмоциональным и эстетическим факторам в познании. Человек рассматривался в первую очередь как существо мыслящее. Переживания (в том числе нравственные и эстетические) не принимались во внимание. На первый взгляд кажется, что это вполне справедливо, так как переживания – это чисто субъективные состояния, не связанные *он-*

*ределенным образом* с предметами и их качествами. Например, можно испытывать чувство удовольствия от приёма пищи, чтения научной книги или просмотра кинокомедии. Предметы разные, а чувство одно, значит, к познанию мира оно никого отношения не имеет. А если всё же значение переживаний признавалось, то скорее отрицательное. Ф. Бэкон предупреждал, что человеческий разум – не сухой свет, его окропляют воля и страсти, а это порождает в науке желательное каждому и бесконечным числом способов, иногда незаметных, страсти пятнают и портят разум. «Желательное каждому» – это субъективное, а не истина. Потому страсти и «портят разум». А современный американский философ Д. Деннет говорит: «Учёные движимы побуждениями исходить из базовых мотивов, но они также склонны мыслить, исходя из желаемого», «наука почти никогда не выглядит непротиворечивой, чёткой и сухой, как арифметика», «соперничающие научные группировки ведут яростные битвы» (Деннет Д. Постмодернизм и истина).

Переживания не являются средством *формирования содержания* познавательного образа. Но, во-первых, они влияют на цели познания, на направленность внимания и выбор тем. Во-вторых, они сопровождают сами познавательные акты. Проводя, скажем, наблюдение или эксперимент, исследователь может испытывать волнение ожидания, радость или разочарование от результата, от случающихся помех или собственных ошибок и т.п. Бэкон зафиксировал лишь одну сторону влияния чувств на познавательный процесс – отрицательную. Однако спектр чувств бывает обширным, и эмоции сказываются на процессе либо тормозящим, либо стимулирующим образом, влияя тем самым на результат, хотя и не входя в его содержание. Конечно, это психологическая сторона дела, но гносеология должна выработать свое отношение к эмоциям, зафиксировав их участие в познавательном процессе. Здесь сказывается наличие экзистенциального отношения человека к миру. Для человека экзистенциальную значимость имеет *только то, что переживается*. Вне сферы переживания для него просто ничего не существует. Чистый интерес как любопытство тоже есть не что иное, как переживание. С него в принципиальном отношении и начинается познание. Каждый реальный исследователь может подтвердить, как трудно решается задача, если она неинтересна. И как хочется решить интересную задачу! И, разумеется, инсайт, озарение возможны только при условии высокой экзистенциальной значимости решаемой задачи, то есть присутствует сильное чувство, сильная увлеченность (предметом, темой, задачей).

## 5.6. Акты познавательной деятельности

Когда средства (восприятия, интеллект и приборы) применяются к объекту и предмету познания - осуществляются познавательные акты (действия) и познание приносит результат. Например, в познании-учении таким актом может быть прочтение фрагмента учебника, а в научном познании – проведение эксперимента.

Подробно этот вопрос мы рассмотрим в теме о *научном* познании, где познавательные акты особенно многообразны.

## 5.7. Результат (продукт) познания

Целью познания является получение информации о том, что находится *вне процесса познания* (за исключением наук, которые изучают само-познание). В процессе познания объект познания «переводится» из *в-себе-бытия* в *бытие-для-субъекта*, субъективируется, поступает во внутренний мир субъекта в виде *познавательного образа*, который выше был охарактеризован. *Познавательный образ в идеальной форме представляет* (репрезентирует) *изучаемый объект сознанию. Он и есть конечный результат, или продукт, акта познания.*

*Познавательный образ входит в мир благодаря творческому усилию субъекта познания. Он создается субъектом, творится им, является конструктором сознания, выполняет функцию модели* объектной области или объекта, *внешнего по отношению к самому этому образу.* До того, как совершен акт познания, в мире не существовало того, что стало существовать в виде познавательного образа. Это означает, что познаваемый объект и познавательный образ, детерминированный этим объектом, – не одно и то же. Физический, или социальный, объект предсуществует по отношению к процессу его познания. Чтобы быть познаваемым и познанным, он должен уже существовать. Он входит во внутренний мир субъекта в виде познавательного образа, затем *объективируется в знаковой форме* и входит в мир в виде *знания*, доступного другим субъектам.

Другое дело, что *некоторые объекты* познания сначала *создаются* субъектом и только потом *познаются*. Здесь, собственно, мы сталкиваемся с самым острым вопросом эпистемологии: как может *чисто интеллигибельный объект* быть образом чего бы то ни было в физическом мире? В чистом виде мы видим это в математике. Математика изучает объекты, которые сами же математики и *создают*.

Например, когда-то был «изобретен» ряд натуральных чисел. С тех пор его свойства познаются как объективно присущие этому ряду. Но является ли сам натуральный ряд образом чего-то? *Создание* новых математических объектов входит как момент в структуру математического познания в том смысле, что объект *обретает существование*, и только теперь его можно познавать. Другими словами, это процесс, *аналогичный выбору* объекта из объектной области явлений природного, социального или культурного мира. Только здесь объект не выбирается, а создается. Но уже созданные математические объекты, существующие в пространстве математических идей, как и в науках о природе или обществе, *выбираются*. Теоретические идеализированные объекты существуют и в других науках. Например, «идеальный газ». Идеальные газы физически не существуют. Само это понятие не есть образ, это конструкт как *объект* для физического или химического познания. Образами будут дескрипции, описывающие этот объект. Но ведь существуют реальные газы, и теория идеального газа находится в каком-то отношении к реальным газам? Безусловно! Но дескрипции идеального газа не являются дескрипциями реальных газов! На этом и спотыкаются современные релятивизм и антирепрезентатизм, утверждающий, что знание не является отражением действительности. Но они не правы: *дескрипциями реальности являются в этом случае интерпретации дескрипций теоретических объектов.*

Если получение информации в виде познавательного образа есть *цель* познания, то его *механизмом* является *моделирование* объекта или объектной области и *конституирование интеллигибельного* объекта, который и представляет собой модель реального объекта познания. Конституирование реализуется как *конструирование*, то есть, фигурально выражаясь, собирание некой конструкции из элементов. *Процесс познания есть творчество, а не копирование.* Разум в процессе познания создает теоретические конструкты, которые являются моделями изучаемого. Это утверждение касается не только каких-то сложных объектов, а даже *отдельного явленного свойства*, не говоря уже о *мыслимых* свойствах. Рассмотрим элементарный *обыденный* пример. Вы хотите искупать ребенка, набрали воды в ванну и хотите *узнать*, является ли температура подходящей (познавательная задача). Опускаете в воду руку (некоторые мамы опускают локоть) – это познавательный акт. Каков его результат? Что значит в данном случае «знание»? Ощущение теплоты воды? Нет, это ощущение – просто мое субъективное состояние под воздействием воды. Знание есть ответ на поставленный вопрос. В данном случае знанием является утверждение «вода го-

дится для купания». Но это простое утверждение (не обязательно произнесенное вслух или даже мысленно, но готовое в сознании, чтобы его произнести) – уже достаточно сложный *конструкт*, *вывод*, который опирается не только на *данный* опыт, но и на прежние опыты купания. Вы *отождествили* ощущение теплоты, которое испытываете в данный момент, с теми ощущениями теплоты, которые были у вас при прежних купаниях, в качестве фона имется в памяти образ ребенка, купающегося с удовольствием, и сделали вывод, что и в этой воде он будет купаться с удовольствием. Таким образом, ваше элементарейшее знание на самом деле – довольно сложный конструкт, продукт творчества, а не механическая «копия действительности».

А что же тогда такое ваше *ощущение теплоты* в ладони или локте? Это не знание, а *средство его получить*, восприятие некоторого состояния вещей в мире (в данном случае – температуры воды). Его нельзя назвать ни истинным, ни ложным, в нем ничего не утверждается и не отрицается.

Является ли это ощущение познавательным образом? Несомненно, да, но не знанием. Хотя здесь решается познавательная задача, но она еще не решена до конца, её решение еще не приобрело форму, пригодную для объективации.

А если бы вопрос был еще проще: теплая ли эта вода? Опустив руку, ищем ответ и находим его в ощущении. Но тут вступают в силу скептические доводы. Если наша рука перед опусканием была прохладной (например, остыла на холодиом ветру), мы ощутили бы воду как теплую. Если бы рука была горячая (например, мы грели бы её у печки), мы ощутили бы эту же воду как прохладную. А если бы два человека опустили руки в эту воду: один с горячей рукой, другой – холодной? На вопрос «теплая ли вода», один сказал бы «да», другой – «нет». Значит, у них было бы разное знание свойства одной и той же воды в одном и том же отношении, в одно и то же время? Нет, простое ощущение не есть знание. У них различные познавательные образы, но это свидетельствует только о том, что образ – не копия, а результат конституирующей работы нашего сознания. Не означает ли это, что в данной ситуации мы не получили никакой объективной информации о мире? Нет. Информацию мы получили. Но чтобы превратиться в знание, она должна *получить интерпретацию* (истолкование) и быть артикулированной, то есть предстать в виде текста. А сам вопрос должен быть уточнен: «Тепла ли эта вода для меня?». И тогда каждый получил бы разумный, истинный ответ.

Что такое информация для познающего субъекта? Информация имеет место там, где есть акт различения. Информация – это *явленность различно-*



*образия*. Например, сочетания знаков *bbb* и *abc* различаются информативностью в том смысле, что первое содержит информации меньше, чем второе, так как в последнем больше разнообразия. Всякое правильно построенное сообщение содержит разнообразие и, следовательно, информацию.

Например, фразы «атом гелия тяжелее атома водорода» и «единицами анализа в социологическом исследовании могут быть индивидуумы, группы, организации и социальные артефакты» содержат разнообразие смысловых единиц и потому информативны. Сейчас, читая текст, вы получаете информацию благодаря тому, что различаете буквы и слова. Речь идет не о смысле того, что вы читаете (это другая проблема), а только о том факте, что в вашем восприятии имеют место акты различения.

*Восприятие и переживание различного* означает, что различное *есть в мире*. Если вы смотрите на яблоко, то видите целое яблоко, но и различаете (помимо вашей воли) его цвет и форму. Это различие создаст для вас информацию.

Что различается в ощущении теплоты воды в нашем эксперименте? Здесь вступает в силу память. Вы отличаете *это* ощущение от ощущений, испытанных раньше. И только это позволяет вам сказать «вода теплая». Информация как различение преобразуется в знание. Точно также и в случае мышления. Если вы читаете фразу «А есть А», то, конечно, имеете информацию, но чрезвычайно бедную. Для вашего восприятия первое А и второе А неразличимы кроме факта их различного места в пространстве. Но это различие не очень информативно. Слово «есть» отчетливо различается и позволяет нам воспринять эту цепочку знаков, как фразу. Но если мы читаем фразу «роза есть цветок», то уже до всякого схватывания смысла мы осуществляем существенный акт различения. Этот акт различения и служит базой для формирования конструкта-знания.

В общем логическом смысле *результатом познания является ответ на поставленный познавательный вопрос*. В обыденном повседневном познании этот вопрос может и не формулироваться ясно, а подразумеваться, иметься в виду. Так познает ребенок, рассматривая новую игрушку. Он отвечает на вопросы – какая она, какие у неё свойства, чем она отличается от старых игрушек и т.д.

В систематическом целенаправленном познании вопрос обычно ставится рефлексивно и эксплицитно. Во всяком случае это наиболее эффективный способ организации познавательных актов.

Но никакой отдельный вопрос не исчерпывает никакого предмета. Поэтому познавательная инициатива субъекта не ограничивается полу-

чением ответа на поставленный вопрос. *Познание может продолжаться.* Продолжается ли фактически – это зависит от интересов и возможностей субъекта. *Результаты познания сами по себе никогда не сужают возможностей субъекта и не ограничивают возможностей познания. Более того, они их расширяют.* Эту ситуацию превосходно иллюстрирует известный образ: окружность, диаметр которой увеличивается, в следствие чего увеличивается длина окружности. Если площадь окружности считать имеющимся знанием, то видно, что чем больше знание, тем длиннее его граница с незнанием и направлений возможного дальнейшего расширения. Такова диалектика конечных познавательных актов и их бесконечных продолжений.

## 6. КАТЕГОРИЯ «ЗНАНИЕ»

Ответ на основной трансцендентальный вопрос о том, способны ли мы познавать мир, зависит от того, что мы понимаем под знанием, что значит «знать».

Отметим, что за знанием всегда признавалось глубокое экзистенциальное значение. Так, например, испанский философ XVII в. Балтазар Грасиан говорил: «Сколько человек знает, настолько он человек; знающий всемогущ, для невежды мир - потёмки» (Грациан Б. Карманный оракул).

Напомним: слова имеют тот смысл, который мы в них вкладываем. Какой же смысл вкладывается в слово «знать»? Это зависит от того, кто именно вкладывает этот смысл. «Знаю», «не знаю» мы часто говорим в обыденном повседневном общении, имея в виду (нерефлексивно) два аспекта: психологический и утилитарно прагматический.

### 6.1. Обыденные представления о знании

*Психологическое понимание.* В психологическом смысле *знать* что-либо, значит, *уметь рассказать* об этом. Именно таким смыслом руководствуется учитель в школе при опросе ученика: если ученик на уроке отвечает (рассказывает), значит, он выучил и знает тему (доказательство теоремы или физической формулы, историческое событие или географические факты и т.п.). В этом же смысле мы говорим о знании какой-нибудь теории: если мы способны рассказать её содержание, значит, мы её знаем. При этом имеется в виду, что, зная исторические факты, физические формулы, теории и т.п., мы знаем и нечто *о мире*, о каком-либо его фрагменте. Обыденное сознание *не озабочено* вопросом, соответствуют ли знания действительности, это само собой подразумевается.

*Утилитарно-прагматическое понимание.* В утилитарно-прагматическом смысле *знать*, значит, *уметь использовать, уметь пользоваться*. Если мы умеем проверить правильность сдачи при покупке, значит, мы умеем считать, *знаем* правила счета. Если мы умеем пользоваться мылом, мы *знаем* его свойство очищать от грязи. Если проектировщик рассчитывает прочность моста по какой-либо формуле, значит, он знает, по какой формуле надо это делать, знает саму эту формулу и знает, как сделать расчет. Именно использование, применение всевозможных идей

в каких-то действиях, в практике и позволяет *обыденному сознанию* утверждать, что эти идеи суть *знания*, которыми располагаем.

Однако рефлексивный анализ обыденной идеи знания привел к множественности *теоретических* (философских) определений знания. Основные из них следующие – социологическое, прагматистское, феноменологическое и гносеологическое.

## 6.2. Теоретические представления о знании

**Социологическое определение** знания: знание есть содержание социальной памяти.

**Прагматистское понимание** знания. Философия *прагматизма* определяет знание как *представление, которое можно с пользой применить для решения какой-либо практической задачи*. Это понимание близко обыденному и не требует пояснений.

**Феноменологическое определение:** знание есть *ожидание* поведения объекта или проявления его свойств, умение построить нарратив ожидания. Мы знаем объект, если имеем ожидание, что в такой-то ситуации он будет вести себя так, а в такой-то – по-другому, и способны описать, рассказать его будущее поведение (нарратив = рассказ). Например, химик знает свойства некоторого вещества, если он предвидит (ожидает), что при погружении его в одну кислоту произойдет окрашивание раствора, при погружении в другую выпадет осадок такого-то цвета и т.п. Такое понимание знания является более глубоким и строгим выражением по существу того же обыденного представления (обоих его аспектов).

**Гносеологическое определение** знания. В перечисленных определениях за скобками остается вопрос об отношении наших идей (о которых мы рассказываем или которыми пользуемся) к действительности. И в этом смысле эти определения *не являются философскими*.

На роль собственно философского понимания знания претендует *гносеологическое определение*: знание есть содержание субъекта, являющееся превращенным содержанием объекта. Субъект при этом может пониматься и как *индивид*, и как *общество*. В последнем случае знание есть содержание социальной памяти.

## 6.3. Характеристики знания, понимаемого гносеологически

Перечисленные выше понимания знания приемлемы и уместны в некоторых границах. Отсюда вытекает задача дать *интегральное* определе-

ние, которое учитывало бы все ценные моменты различных представлений. Отправной точкой в поисках такого определения является для нас гносеологическое определение, как, собственно, философское.

### **6.3.1. Интегральное определение знания**

Знание – это содержание объекта, интериоризованное в индивидуальное сознание или в социальную память в виде вербализованного содержания, которое *может быть высказано* в естественном или искусственном языке, *передано* от одного индивида к другому или из одного тезауруса в другой и *применено* для достижения той или иной цели, в том числе для получения нового знания.

Любое наше знание – это знание о мире в широком смысле слова. Но что *конкретно* мы можем знать? Мы можем знать: *вещи, лежащие в существовании, события*, которые когда-то случились и как таковые уже не существуют, *временные или меняющиеся свойства, вечные или устойчивые отношения*. Этим и исчерпывается то, что мы можем знать о мире, опираясь только на восприятия и мысль.

Знание – это, прежде всего, *состояние сознания субъекта-индивида*. Знанием обладает субъект. Это есть свойство субъекта, который либо имеет, либо не имеет знания некоторого объекта (темы). Субъект имеет знание, если он имеет в своем сознании некоторый познавательный образ, который может артикулировать в языке. Артикулировать в языке – это не обязательно *сказать*, это представить своё знание другому *в любой объективированной знаковой форме*, например в виде формулы, рисунка, схемы, графика и т.п.

Знание как феномен изменчиво. Оно не должно строиться как неприступная крепость. Оно во всех своих типах (обыденное, научное и т.д.) постоянно подвергается проверке, пересмотру. Отсюда следует необходимость самокритичности субъекта познания. Уже упоминавшийся Б. Грациан говорил: «Первый шаг на пути иезужества – сомнение; многое могли бы узнать, когда бы не полагали, что знают» (Грациан Б. Карманный оракул).

### **6.3.2. Свойства знания**

Всякий предмет определяется его свойствами, и знание – не исключение. Но эти свойства мы должны не обнаружить, мы должны их *задать*, чтобы построить (сконструировать) концепт знания.

*Первое* очевидное свойство знания – его *интенциональность*: знание всегда есть знание *чего-то, о чем-то*, оно *всегда имеет референт*.

*Второе* свойство знания – единство *объективного и субъективного*. Поскольку познавательный образ детерминирован *объектом* (хотя бы и сконструированным), он объективен. Поскольку он зависит от познавательных средств и возможностей субъекта, он субъективен. Поскольку знание объективно, оно *может быть успешно использовано* для решения познавательных и практических задач; поскольку оно субъективно, оно есть сфера свободы и *может изменяться*: накапливаться, обобщаться, конкретизироваться, уточняться и быть ошибочным. Очень хорошо об этом писал отечественный философ И. Горин: «Знание всегда гипотетично и не должно строиться как неприступная крепость – оно требует постоянной критики, проверки, пересмотра. Эволюция знания – повышение его содержательности, добротности, объясняющего смысла... знание всегда вероятностно и исторично. Знание имманентно содержит элемент недоверности – тем более важна технология проверки, обнаружение ошибок, замена менее достоверного более достоверным» (Горин И. Что такое философия?).

*Третье* свойство знания: возникнув как состояние субъекта, оно *может быть объективировано*, существовать в объективированной форме языка или другой системы знаков. Субъект является *знающим, имеющим знание* только в том случае, если он способен объективировать свое состояние, которое он считает знанием. Знаменитая студенческая фраза на экзамене «я знаю (понимаю), но сказать не могу» выражает студенческое заблуждение, будто можно знать что-то, не умея об этом рассказать. Такого знания не бывает. Это означает, что *чисто чувственные познавательные образы не суть знание. Знание – это мысль, выраженная в том или ином языке*.

Отсюда вытекает *четвертое* свойство знания – его *передаваемость*. Знание, в отличие от феноменов *сознания*, может передаваться от одного субъекта к другому. Только те состояния субъекта являются знанием, которые *могут передаваться*.

Наконец, *последнее* важнейшее свойство знания – возможность сделать из него выводы о *будущем* поведении объекта знания, то есть предсказать проявления его свойств или свойств и поведения *других* объектов. В *абстракции* это означает, что знание *способно к саморазвитию* (разумеется, только через деятельность субъекта). Если выводы (ожидания) оправдываются, знание считаем и называем *истинным*.

### 6.3.3. Функции знания

Определенное таким образом знание имеет несколько основных функций:

- *репрезентативная* – представление сознанию объекта знания;
- *прогностическая* – предвидение «поведения» или свойств объекта знания в различных обстоятельствах;
- *прагматическая* (проективная) – (возможность использовать его для программирования действий самого субъекта и проектирования материальных, социальных и духовных конструкций для воплощения в действительности);
- *эвристическая* – база для дальнейшего развития самого знания.

### 6.3.4. Формы объективирования знания

Формой объективирования знания являются многочисленные типы *дескрипций (описаний) посредством* знаковых систем. Это естественные и искусственные языки. Исключением является художественное познание, где познавательный образ реализуется в *художественном образе*.

Можно выделить *три типа дескрипций*, различающихся по интенциональности, то есть по предметному полю: *объектные* дескрипции, дескрипции *правил пользования дескрипциями* и дескрипции *навыков и умений*.

1. *Объектные* дескрипции – это дескрипции *свойств, функций, структур, состава, количественных параметров, состояний, классификаций, хронологий, соотношений, обстоятельств и условий, причин, законов, оснований* каких-либо объектов или объектных областей.

Знания этого типа мы называем *объектными* потому, что здесь знание есть познавательный образ *объекта* как *внешнего* по отношению к познающему субъекту. Например, физический закон связи массы, силы и ускорения:  $F = am$  есть дескрипция соотношения реальных параметров движущегося тела.

2. Дескрипции *правил пользования дескрипциями* – суть артикулированные указания, *как следует использовать то или иное знание* для достижения какой-либо практической или познавательной цели. Например, правило использования дескрипции  $F = am$  может быть таким: чтобы рассчитать силу, действующую на тело, надо умножить величину его массы на величину ускорения движения этого тела.

3. *Дескрипции навыков и умений* – это указания на способы действий в стандартных ситуациях. Например: чтобы выключить телевизор, следует нажать на красную кнопку пульта. Это дескрипция практического умения. Таких дескрипций ребёнок в процессе развития получает огромное множество от родителей, но и взрослые люди, купив сложное техническое устройство, читают инструкцию, в которой есть *описание устройства* агрегата (дескрипция объектного типа) и *описание порядка сборки, подготовки к эксплуатации и правил самой эксплуатации* (дескрипции второго и третьего типа).

Дескрипции двух последних типов являются *необъектным* знанием, то есть знания не об объектах, а о самом познающем субъекте, о его знании.

Всякая отдельно взятая дескрипция (тем более, множество их) является феноменом языка и в этом смысле *текстом*.

Знание существует в виде текстов, *текст есть объективированная форма представления и существования знания*, созданного субъектом-индивидом. Тексты могут быть созданы в естественном или в специальном языке. Поэтому важным признаком знания является формально правильное построение дескрипции. Если дескрипция является языковой, то она должна быть построена по правилам грамматики данного языка. Если эти правила нарушены, высказывания нет, нет и правильно высказанного знания. Если, скажем, дескрипция имеет вид графика, она должна отвечать правилам построения графиков данного типа и т.п.

Поскольку знание существует в виде *текста*, встает вопрос о многообразных культурных текстах, которые не являются языковыми в обычном смысле. Мы говорим о «языке искусства», «языке архитектуры», какую-то информацию несут обряды, ритуалы, магические действия. Выражено ли во всем этом знание? Ответ на этот вопрос должен быть исторически конкретным. На ранних этапах развития общества многие из этих культурных форм *воспринимались* как знание и *применялись* как знание. Однако постепенно понятие «знание» стало применяться преимущественно *к идеям, полученным рациональным путем* и вербализованным в естественном языке (в совокупности со специальными научными языками). В области культуры *правила пользования* этими специфическими текстами, *правила их расшифровки, интерпретации и вербализации* в естественном языке являются важной формой знания.

В современной гносеологии используется понятие «неявное знание». Что это такое? Имеется в виду некоторое не отрефлексированное субъектом содержание его сознания, которое он может автоматически или по привычке использовать, ориентируясь в среде и добываясь успеха. Можно ли это назвать «знанием»? Это вопрос условности, вопрос о словах.



Такое состояние сознания, безусловно, выполняет функции знания, но само по себе не имеет свойства передаваемости. Отсюда вывод: в рамках нашего интегрального определения это состояние можно назвать знанием, если субъект способен его вербализовать или научить другого *how how* (путем показа). Это знание навыков и умений, о котором было сказано выше.

### 6.3.5. Знание и истина

Важной характеристикой понимания знания является оценка соотношения этого понятия с понятиями истины и заблуждения.

В античной философии, как уже было сказано, были *противопоставлены* два понятия: *эпистеме* (обоснованное истинное знание, собственно знание) и *докса* (мнение, необоснованное утверждение, в подлинном смысле незнание). Иногда так же понимают соотношение этих понятий и сейчас. Например, современный американский исследователь *Винсент Руджизиро* пишет, что наши идеи не составляют знание, если они не истинны.

Несомненно, существуют ошибочные и абсурдные утверждения. Можно ли называть их знаниями? Это вопрос договоренности, но в *культурно-прагматическом* и *психологическом* смысле полезнее *всякую* идею, имеющую форму знания (то есть вербализованного утверждения или отрицания), *называть* знанием. Поясним примером. В древней мифологии Земля представлялась в виде плоского круга, расположенного на трех китах, плавающих в океане. Хотя с точки зрения современной науки это совершенно *абсурдное* представление, оно было *знанием* людей той эпохи, так же как и другие многочисленные мифологические образы. Люди *так* понимали и видели мир и ориентировались на такое понимание в жизни и практике. Его можно назвать ошибочным, ложным. Кто-то может сказать, что это заблуждение, а не знание, нечто *противоположное* знанию. Такое употребление понятий допустимо. Но не забудем главного: ведь в системе (или множестве) познавательных образов субъект *конституирует* действительность, он живет в этом конституированном мире. С точки зрения современной гносеологии *действительность есть коррелят мыслительных конструктов, создаваемых познающим субъектом в процессе познания*. И если в представлении древнего человека Земля плавает на китах, а небосвод твердый и к нему прикреплены звезды, то именно в *таком* мире субъект познания и живет, и *таким* он этот мир «знает». *Наши* современные представления о мире через сотню

лет могут тоже показаться потомкам наивными, но мы-то живем с ЭТИМИ представлениями, это наше *знание!* Значит, эвристичнее не противопоставлять понятия «знание» и «заблуждение», а отнести их к разным аспектам нашего отношения к миру. Знание – это содержание нашего сознания, которое презентует нам мир, *конституируя* его, а вопрос о *соответствии* этих презентаций презентуемому – это другой гносеологический вопрос, вопрос об истинности или ложности познавательных образов. Понятие *заблуждение* противостоит понятию *истина*, а не понятию «знание». Поэтому в рамках наших допущений знанием можно называть и необоснованное, и даже ошибочное мнение.

Что касается логически и лингвистически абсурдных построений, они не могут называться знанием, так как их *форма* не соответствует определению знания. Например, утверждение «окружность радуется четыре угла» грамматически неверно, поэтому не может быть знанием.

### 6.3.6. *Знание и понимание*

Важным вопросом теории знания является вопрос о соотношении *знания* и *понимания*. Он имеет три аспекта: экзистенциальный, социокультурный и гносеологический.

Применительно к широким и сложным дескрипциям понимание означает *уловление* некоторой *внутренней логики* системы описания и связи его с другими описаниями. Отсутствие того *и/или* другого означает гносеологическую ситуацию непонимания.

*В экзистенциальном аспекте* непонимание и знание связаны следующим образом. Знания, которыми располагает субъект, образуют систему индивидуальной субъективной рациональности. Новое знание, полученное путем исследования или обучения, может не найти места в этой системе (атопон), и тогда оно не понимается. Возникает некоторая дисфункциональность, дисбаланс в сознании и задача – *понять*. В данном случае понять новое знание, значит, *вместить его в систему своей субъективной рациональности* или изменить её. Понимание в этом случае функционирует как некое сверхзнание и является сверхсознанием.

*В социокультурном смысле* ситуация непонимания знания возникает, когда новое знание вступает в противоречие не с индивидуальной субъективной рациональностью, а с общественным тезаурусом данией культуры (или более узкого интеллектуального поля), с её менталитетом, с совокупностью каких-то общепризнанных в ней или широко распространенных представлений и норм. Данное противоречие может иметь только

две причины: либо новое знание ошибочно, либо оно настолько ново, что требует коренного изменения взглядов в широкой области.

В повседневном познании подобные ситуации заключаются в том, что новое знание вступает в противоречие с устойчивыми догмами, предрассудками, традиционными представлениями и т.п. Большей частью результатом является отвержение этого нового знания как заблуждения.

Возможные ситуации в науке поясним частным примером тернистого пути от *получения* знания к его *пониманию* и *признанию*.

В 1951 г. доктор технических наук (не биолог!) М.И. Волский открыл образование в организмах белка из азота воздуха. Его открытие не признали знаменитые академики-биологи того времени и третировали его как невежду.

Лишь в 1968 г. открытие было зарегистрировано и признано. От открытия до признания прошло 17 лет! (Речкин М. Наука – это добро или зло?).

В *гносеологическом аспекте* знание и понимание связаны двояко: знание служит базой понимания, а понимание «завершает» знание. Мы стремимся не только знать, но и понимать. Непонимание часто фиксируется в вопросе «почему». Например, обнаружено и описано некоторое свойство, но почему оно именно таково? Ответ на вопрос о причине гносеологически трактуется как понимание: знание получено и понято. Например, прогнозные социологические опросы предсказывали победу одному кандидату, а победил другой. Возникает ситуация непонимания поведения электората и прежде полученного знания. Установление причин того и другого создает гносеологическую ситуацию понимания.

## 7. ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ

Нацеленность на истину  
безоговорочно присутствует в любой  
человеческой культуре

*Д. Денет*

Если принять постулат, что в социокультурном смысле знанием следует считать любую дескрипцию, имеющую правильную форму знания, то возможность получить *знание* и возможность получить *истинное знание* – это не одно и то же. Истинность – при таком понимании – не атрибут знания, а акциденция, свойство, которое может ему принадлежать или не принадлежать. Однако интенция на истинность – неотъемлемое свойство познания. Об этом очень решительно заявил классик философии XX в. Э. Гуссерль: «В понятии познания в строгом смысле содержится то, что оно есть... не только притязание на истинность, но и уверенность в правомерности своего притязания и действительно обладающее этой правомерностью» (Гуссерль Э. Логические исследования).

Поэтому понятие *истины* разумно рассмотреть особо, тем более что в истории гносеологии оно постоянно обсуждалось как отдельная тема.

Проблема истины органически связана с вопросом о скептицизме. Кант об этом писал: «Главное совершенство знания... есть *истина*. Истина, говорят, состоит в соответствии знания с предметом. ...[Но] так как объект находится вне меня, а знание во мне, я могу судить лишь о том, согласуется ли моё знание... с моим же знанием... Древние называли такой круг в объяснении *diallela*. И скептики всегда обвиняли логиков в этом недостатке» (Кант И. Сочинения: В 8 т. Т. 8. С. 306).

### 7.1. История вопроса об истине

На уровне обыденного сознания мы различаем в наших утверждениях то, что приемлемо, поскольку соответствует действительности, и то, что не приемлемо, так как не соответствует реальному положению дел. Первое (на русском языке в повседневной речи) мы называем *правдой*, говорим об этом «на самом деле так», второе же называем (по ситуации) *ошибкой*, заблуждением или *ложью*. Все эти термины относятся к нашим *утверждениям*. Именно утверждениям приписывается свойство быть либо *правдивыми*, либо *ошибочными* и *ложными*.

Рассудочная *рефлексия* в этих ситуациях применяет термины «истина» и «заблуждение» (иногда «ложь», но без морального момента, ложь не как сознательный обман, а как неистинность, ошибочность).

В античной философии *понятие истины* было поднято на большую высоту абстракции. При этом его смысл «раздвоился». С одной стороны, под истиной стали понимать обоснованное *знание* (эпистеме), в противовес субъективному необоснованному *мнению* (докса). С другой стороны, понятие истины гиностазировалось, превратилось в обозначение некоего *сущего* высокого порядка, в Истину.

Таким образом, истина стала пониматься двойко: *экзистенциально-онтологически и гносеологически*.

### **7.1.1. Экзистенциально-онтологическое понимание истины**

Онтологический смысл Истины имеет *экзистенциальное* значение: Истина – это то, чему должна быть посвящена жизнь человека, что её освещает и освящает. У *Платона* Истина сопрягается с понятиями *Блага* и *Единого*. Она – отблеск того и другого. В этом смысле Истина вошла и в христианство. Знаменитый вопрос Понтия Пилата, обращенный к Христу, «Что есть Истина?» имеет смысл вопроса, как правильно и праведно жить, а не вопроса о правильном или ошибочном знании. Если здесь и имеется в виду знание, то только знание сути мира и смысла жизни. Такое понимание Истины сохранилось и в Новое время. Например, философ-материалист Людвиг *Фейербах* (XIX в.) писал: «Истина не в мышлении, не в знании как таковом. Истина -- в полноте человеческой жизни и существа» (Фейербах Л. Основные положения философии будущего. § 58).

Существует такое понимание и сегодня. Характеризуя «привычное понятие истины», *М. Хайдеггер* указывает как раз на два аспекта: «истинность вещей», которая есть «соответствие идеям Бога», и «истинность предложений», которая есть соответствие интеллекта вещам. В работе «О сущности истины», он спрашивает: «Не является ли вопрос о сущности истины... в первую очередь вопросом об истине сущности», при том, что «в понятии «сущность» философия мыслит бытие», а о бытии мы «привыкли думать только как о сущем в целом» (Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге). При этом понятие истины Хайдеггер связывает со свободой и заблуждением, как экзистенциальными характеристиками человека. Здесь очевидно онтологическое и экзистенциальное понимание истины.

Наконец, именно при таком понимании истины становятся понятны слова Папы Иоанна Павла II «Человека можно определить как того, кто ищет Истину» (см.: Гинзбург В.Л. Замечания в связи с Энцикликой Папы Иоанна Павла II «Вера и разум»). А известный индийский философ Вивекананда говорил, что всем можно пожертвовать ради истины, истиной же нельзя пожертвовать ради чего бы то ни было.

Истина в этом смысле имеет исторически изменяющееся значение некоторого культурного символа или архетипа (Красильников М.Г. Истина в зеркале культуры). В классической европейской культуре Истина была своеобразным *фетишем*, перед которым преклонялись, идеалом и образцом, к которому стремились, Истина была «прекрасна» (см.: Мороз О.П. Прекрасна ли истина? Автор дает утвердительный ответ).

### 7.1.2. Логико-гносеологическое понимание истины

Другое понимание истины – *логико-гносеологическое* – тоже имеет начало в античной философии. Наиболее ранние философы принимали естественное обыденное представление, что истина – это соответствие высказываний действительности. Например, Платон писал: «Тот, кто говорит о вещах в соответствии с тем, каковы они есть, говорит истину, тот же, кто говорит иначе – лжёт» (Платон. Кратил). *Аристотель* чётко указал, что истинность – это *свойство высказываний*: «Ложное и истинное не находятся в вещах, а имеются в рассуждающей мысли» (Аристотель. Метафизика). Он же возвел обыденное представление в ранг философского принципа, положив начало так называемой *концепции соответствия*: истина понимается как соответствие *высказываний* реальному положению вещей. Предложение «Снег бел», тогда истинно, говорит Аристотель, когда снег действительно бел. Характерно такое высказывание Аристотеля: «Говорить о том, что есть, что этого нет, значит говорить ложь. А говорить о том, что есть, что оно есть, и о том, чего нет, что его нет, значит, говорить истину».

Вслед за Аристотелем и всей многовековой традицией Кант определяет истину как «соответствие знания с его предметом» и ставит в качестве важнейшей задачи «найти всеобщий и верный критерий истины для всякого знания» (Кант И. Критика чистого разума). Гносеологический подход к истине тут совершенно прозрачен, так как истина понимается как свойство *знания*, а не как свойство действительности.

*Гегель* придал понятию истины *операциональный* характер. В его развивающейся системе категорий каждая более высокая ступень развития

есть истина предыдущих. Например, *становление* есть истина *бытия* и *ничто*, *содержание* есть истина *материи* и *формы* и т.п. Кроме того, у Гегеля сохранилось и онтологическое понимание истины в том смысле, что истиной обладает только *бесконечное* и *вечное*, только дух, а конечные вещи истиной не обладают. В частности, не истинна материя.

В контексте нашего курса мы будем рассматривать понятие истины лишь в гносеологическом смысле.

Возникает вопрос: какова сфера применения терминов «истинно» и «ложно»? Входят ли в эту сферу *чувственные данные*, то есть можно ли говорить об истинности чувственных образов – ощущений, восприятий?

Кант, следуя аристотелевской традиции, писал: «Истина или видимость (то есть заблуждение. – А.К.) находится не в предмете, поскольку его созерцают, а в суждении о предмете, поскольку его мыслят», «и истина, и ошибка... имеют место только в суждении, т.е. только в отношении предмета к нашему рассудку» (Кант И. Критика чистого разума). Мы будем придерживаться этого классического понимания.

Чувственные данные (например, вижу *красное*) не обладают свойством быть истинными или ложными, «потому, что они вообще не судят» (Кант).

Эту идею, как мы помним, высказывал с твердостью еще Леонардо да Винчи.

Иногда мы говорим о «правильном» и «неправильном» восприятии. Например, глядя вдоль рельсов, мы видим, что вдаль они сходятся. Мы говорим: «чувство нас обманывает». Если бы, рассуждаем далее, мы видели рельсы параллельными – это было бы «истинное» восприятие, а образ сходящихся рельсов – «ложный» образ. Однако если мы рассуждаем так, мы ошибаемся. Ложным здесь является *не чувственный образ, а суждение* «рельсы сходятся». А *увидеть* рельсы параллельными, глядя вдоль них, мы не можем, ибо это противоречило бы законам оптики. Созерцания не дают нам ни истины, ни лжи, к ним нельзя применять эти термины. Они просто дают нам информацию, которую *интерпретирует* разум, высказывая суждения на основе этой информации. Эти-то суждения и могут быть либо истинными, либо ложными (ошибочными).

Именно с сомнения в истинности чувственных данных возникают скептицизм и агностицизм. Однако применение понятия «истинность» к чувственным образам неправомерно.

Второе, к чему неверно применять термины «истинно» и «ложно» – это *понятия*. Они тоже не обладают свойством быть истинными или ложными. Например, истинно ли понятие «атом»? Известно, например, что крупный физик конца XIX в. Э. Мах, отрицал реальность атома, утверждая, что понятие «атом» – это просто удобная математическая фик-

ция. Допустим, Мах был прав. Является ли в этом случае понятие атома *ложным*? Нет! Ложным в этом случае было бы утверждение: «Атомы физически существуют», а не само *понятие* атома. Как не являются ложными понятия «кентавр», «вечный двигатель», хотя не существует ни то, ни другого. Соответственно, *не являются истинными* нормальные понятия: «человек», «вселенная», «стол» и другие, обозначающие, несомненно, реальные вещи или теоретические объекты («центр тяжести», «северный полюс Земли» и т.п.). *Понятия нейтральны по отношению к свойству истинности.*

Третье, к чему *не следует* применять понятие истины, – *умозаключения.*

Умозаключения – это форма построения мысли, когда из одних суждений логически выводятся другие. Знаменитый пример из логики: 1. Все люди смертны, 2. Сократ человек, следовательно, 3. Сократ смертен.

Входящие в это умозаключение утверждения-посылки (1 и 2) истинны, следствие (3) – тоже: но всё умозаключение в целом *ни истинно, ни ложно*; оно может быть либо *правильно* построенным, либо *неправильно* построенным (в данном примере оно построено правильно).

Наконец, неверно применять понятие истины *к правилам.* Правило не является истинным или ложным (Витгенштейн. Желтая книга). Например, правила игры в шахматы, или в волейбол, или в любую другую игру суть требования, с которыми игроки согласились. Их совокупность есть некоторая реальность, и высказывания о ней могут быть истинными или ложными, но не они сами. Например, если кто-то сказал: «Король не имеет права вставать на поле, находящееся под ударом фигуры противника», то высказал истину в том смысле, что в шахматах есть такое правило, на само это правило ни истинно, ни ложно, оно просто соглашение, которое, при взаимном желании, можно изменить. Но тогда это будет другая игра.

Положение, касающееся правил, важно потому, что *многие явные и неявные требования к познанию имеют характер правил.* Например, «доверяй чувствам», «пользуйся правилами логики», «проверяй и перепроверяй результат исследования» и т.п. Поскольку они ничего *не утверждают*, а только *требуют*, они не могут быть истинными или ложными, но если этих правил не соблюдать, «игра познания» превратится в хаос. К этому, собственно, и ведут рассуждения скептиков и релятивистов.

## 7.2. Концепции истины и вопрос об их правомочности

*Концепция соответствия (корреспондентская концепция истины).* Основоположителем этой концепции, как уже сказано, явился Ари-



стотель. В аристотелевской форме она звучит так: «Истина есть соответствие наших мыслей *вещам*». А само соответствие трактуется как *похожесть*. В Средние века эту мысль выражали так: *veritas est adaequatio intellectus ad rem* («истина есть соответствие интеллекта вещам»). Сегодня такое понимание истины называют также *корреспондентской теорией*. Коротко её суть раскрывается следующим утверждением: корреспондентская теория просто предполагает, что реальность действительно «ответственна» за истинностные значения предложений.

В современной аналитической философии эту концепцию иногда обозначают как концепцию «прямого наблюдения», имея в виду, что соответствие устанавливается именно в непосредственном чувственном наблюдении того, что утверждается. Это, однако, не соответствует исходному замыслу, так как принципиальный онто-гносеологический вопрос о *сущности истины* подменяется *вторичным вопросом* о том, как *подтверждается* соответствие того или иного утверждения.

Сущность истины не доказывается, а постулируется, философы истины конструируются, а не разыскиваются. Первая философа истины (аристотелевский постулат): истина есть соответствие мыслей вещам. Средневековая формулировка, имеющая в виду то же самое, все же более расплывчата. Аристотель говорит о мысли. Но мысли существуют в высказываниях.

Позже возник вопрос: если строго подойти, *чему* должно соответствовать высказывание – некой «реальности» (вещи) или «чувственным данным», в которых вещь представлена? Ведь очевидно, что, видя стул, мы не имеем его в своем мозгу как таковой, а лишь его представление.

Аристотель и средневековые философы говорили именно о соответствии разума *вещам, реальности, действительности*. Но в Новое время было осознано, что «реальность» дана нам в наших чувствах и мыслях, и *никак иначе*. Поэтому стали говорить о соответствии *мыслей чувственным данным* (чувствам). В случае Аристотеля мы находимся в рамках *онтологии*, признающей независимое от нас существование вещей и отражение их в нашем сознании. Вторая позиция – чисто *гносеологическая*: речь идет о соответствии одних познавательных образов (мыслительных конструктов) другим познавательным образам (чувственным конструктам). Именно это имел в виду Кант, говоря, что я могу сравнивать одно мое знание с другим моим же знанием.

И. Кант выдвинул идею, которая кажется простым формальным преобразованием, не изменяющим сути проблемы: *«Истина есть не соответствие знания его предмету, а соответствие предмета знанию о нем*. Надо иметь знание, чтобы выделить соответствующий ему предмет, а не

предмет, чтобы получить от него соответствующее ему знание» (Курсив мой. – А.К.; цит. по: Калининков Л.А. Кант в русской философской культуре).

Кажется, что тут по-прежнему идет речь о соответствии двух различающихся по природе начал. Однако это не так. Кантовская идея подчеркивает *активность субъекта в обеспечении истинности* знания. Но тут, конечно, происходит отказ от теории отражения и подчеркивается, что наше *знание* в некотором смысле первично по отношению к вещам. Но тогда возникает порочный круг: чтобы знание было истинным, оно должно соответствовать реальности, но реальность *такова, какой кажется*, только в том случае, если наше знание истинно. Отсюда вытекают теоретические трудности теории соответствия.

В обоих этих аспектах философами утверждается теоретическая сомнительность этой теории. В XVIII в. Дж. Беркли задавался вопросом «Как идеи могут быть похожи на объективные материальные вещи?» и отвечал: «Не могут быть похожи! Идея соответствия не состоятельна!». *Идеи могут быть похожи только на идеи*. Этот же вопрос ставит и М. Хайдеггер, используя, правда, термин «согласованность». Если мы говорим о монете, что она круглая, мы считаем, что высказывание согласуется с вещью; но Хайдеггер спрашивает, как могут быть согласованы *высказывание и вещь*, «если то и другое явно отличны друг от друга», «каким образом высказывание становится способным, утверждая именно свою сущность (то, что оно не вещественно, не пространственно и т.п. – А.К.), в то же самое время уподобляться другому, вещи?» (Хайдеггер М. Разговоры на проселочной дороге).

Сегодня теория соответствия переживает кризис доверия, а многими философами решительно отвергается. Так, американский философ Хилари Патнем пишет: «Мы присутствуем при кончине теории, просуществовавшей более двух тысяч лет», «корреспондентская теория нуждается не в очищении, а в устранении» (Патнем Х. Разум, истина и история).

Конечно, с этим согласны не все. Отечественный философ Г. Левин объясняет сегодняшние нападки на теорию соответствия социально-психологическими факторами: «Мы живем в эпоху геростратов. Сегодня нет более надёжного способа прославиться в философии, чем объявить какую-либо теорию (выдержавшую испытание не то что веков, а тысячелетий) устаревшей, опровергнутой» (Левин Г.Д. Классическая теория истины и парадокс «лжец»). Карл Поппер отмечал, в этом же духе, что если бы не концепция соответствия, то представителям других позиций просто нечего было бы сказать.

Тем не менее именно в силу обнаружившихся теоретических трудностей концепции соответствия возникли другие концепции истины.

**Специальные вопросы теории отражения в контексте истины как соответствия.** Теория отражения и концепция соответствия, чтобы быть принятыми, должны ответить на ряд специальных вопросов.

1. Одинаково ли должно пониматься отражение и соответствия применительно к чувственным образам и идеям?

2. Корректно ли применять эти понятия к образам того, чего нет (как к чувственным, так и мыслительным), например, представление отсутствующего предмета или утверждение, касающееся прошлого, будущего и недоступного on-line (например, удаленный космос, вечный двигатель или Бог)?

Идея отражения вошла в гносеологию из обыденного языка, а в нём она используется в смысле копирования внешнего вида, например мы говорим об отражении в зеркале или в воде. Ясно, что в таком смысле отражение в лучшем случае применимо только к зрительным образам. Ясно, что ни звук, ни вкус, ни запах, ни ощущение тепла или холода не дают нам образа вещи типа зеркального отражения. Точно так же дело обстоит с идеями. Например, утверждение «скорость света в вакууме является предельной», конечно, не есть отражение в этом смысле, и неясно, чему именно, какому объекту оно соответствует.

Поэтому ответ на первый вопрос – отрицательный: понятия отражения и соответствия применительно к различным чувствам и тем более к идеям должны пониматься *не одинаково*, а в каждом случае – специфически.

Поскольку слуховые, осязательные, обонятельные и вкусовые чувства играют в обыденном познании относительно незначительную роль, нет необходимости рассматривать применение к ним идей отражения и соответствия в подробностях. Достаточно напомнить то, что уже сказано: чувственные образы являются отражением и соответствуют «действительности» в том смысле, что они в общем случае однозначно указывают на различия и сходства предметов – по фигурам, размерам, цветам, звучанию, вкусу, осязаемому свойству и т.п. Например, ощупывая поверхность (не видя её), мы всегда (в одинаковых условиях) ощущаем шершавую поверхность как шершавую, а гладкую как гладкую. То есть устойчивое многообразие переживаемых (воспринимаемых) свойств интерпретируется сознанием и фиксируется бессознательно как устойчивое разнообразие признаков вещного мира. В данной ситуации это означает: осязание отражает свойства вещи, оно соответствует этим свойствам. Кто хочет чего-то большего или иного – пусть скажет, чего именно он хочет.

Сложнее дело обстоит с идеями. В гносеологии (как старой, так и новой) часто встречается идея «соответствия понятия своему предмету» или «соответствия предмета понятию». Например, в философии томизма

есть концепт *логической истины*, который означает соответствие *понятия своему предмету*, и концепт *онтологической истины*, который означает соответствие *предмета своему понятию* (см.: Левин Г.Д. Классическая теория истины и парадокс «лжец»). Эти идеи никакого отношения к гносеологическому пониманию истины и к вопросу об отражении не имеют. Понятия как таковые ничего не отражают и ничему не соответствуют, к ним, как выше было сказано, неприменима идея истинности. *Понятия - это не познавательные образы, это объекты*, с которыми оперирует мышление. Определения понятий их *задают, а не описывают*. Например, определение «молекула – это мельчайшая частица химического вещества, состоящая из образующих её атомов» *задает* понятие молекулы, а не описывает её. Поэтому здесь противосмысленно говорить о соответствии и отражении. А вот утверждение «молекулы различных веществ состоят из разных комбинаций различных атомов» – это некая идея, которая либо отражает действительность и соответствует ей, либо нет. Каков тут смысл идеи отражения и соответствия? Он является операциональным и означает, *например*, что, разлагая поваренную соль, получим водород и кислород, а разлагая поваренную соль, получим натрий и хлор, в других случаях – другие результаты. И нет необходимости искать какой-то другой смысл. В этом и заключается ответ на вопрос Хайдеггера, как можно согласовать вещь и высказывание. Конечно же, *высказывание* о молекуле не похоже на *молекулу*, но в этом и нет нужды для того, чтобы высказывание *соответствовало* обстоянию дел со свойствами молекулы, чтобы высказывание отражало (то есть истинно описывало) этот *участок бытия*, выделенный разумом в теоретический объект.

Рассмотрим теперь математические объекты, относительно которых особенно проблематичны идеи отражения и соответствия. Именно в этой области совершается основная ошибка: рассматривается не тот объект, который надо иметь в виду. Когда говорят, что математика ничего не отражает в мире, то это тривиально, так как объектной областью математики является *не мир* (в смысле вещного мира). Её объектной областью являются *теоретические* (математические) *объекты*, которые сами математики и создают и познают. Противосмысленно спрашивать, чему соответствует, например, математическое понятие множества и что оно отражает. Впрочем, это можно сказать о любом объекте, например о столе, который тоже ничего не отражает, ничему не соответствует, а просто есть. «Множество» тоже «просто есть» – в пространстве теоретического мышления. У него есть свойства, обусловленные его определением. Задача математического познания данного объекта – открыть эти свойства, что математики и делают. *Утверждения* относительно этого объекта мо-

гут быть истинными или ложными и в этом смысле соответствовать этому теоретическому объекту или не соответствовать, отражать его или не отражать. Другими словами – быть истинными или ошибочными. Причем критерий в этом случае предельно прост и однозначен: утверждение либо логически вытекает из свойств, постулированных в определении, или нет.

Общий вывод таков: понятия отражения и соответствия применимы как к чувственным данным, так и к идеям, если правильно понято, к каким объектам относятся оцениваемые данные и высказывания.

Второй вопрос – применимы ли данные понятия, когда речь идет об образах или описаниях несуществующего и недоступного *on-line*. *Несуществующим* являются только прошлое и будущее. Рассмотрим вопросы по порядку.

Поскольку *историческое прошлое* уже не существует и его следы либо тоже отсутствуют, либо ничтожны, невозможно *быть полностью уверенными*, что исторический нарратив соответствует описанным в нём событиям и отражает их. Но наша уверенность – другая проблема. Объективно же отношение соответствия либо есть, либо нет. Идея соответствия не отрицается. Что же касается выводов из исторического нарратива, применяемых к современности, то они практически всегда имеют идеологический характер, то есть тоже отражают, только не реальность (ни настоящую, ни прошлую), а интересы и желания тех или иных социальных групп или индивидов.

Возможность объективного познания прошлого подтверждают акты познания сравнительно *недавнего* прошлого, например установления причин какой-то катастрофы или раскрытия преступления (хотя, конечно, ошибочные суждения здесь тоже бывают).

То, чего *еще* нет, будущее, конечно, не может быть отражено. Но образ его возможен как проект, как желание, хотя по грамматической форме он может быть утверждением или отрицанием. Ни проект, ни желание *не могут быть истинными*, они могут быть лишь исполнимыми или неисполнимыми. Но даже вполне исполнимый проект, и даже когда он осуществлен, нельзя назвать истинным. Здесь эта категория неприменима.

Предметы, чувственно недоступные *on-line*, следует рассматривать как теоретические объекты. Тогда сказанное о них соответствует действительности, если не противоречит тому, что вытекает из определений. Например, утверждения «вечный двигатель не может остановиться» и «Бог всеведущ» *отражают* действительность соответствующих понятий, а «вечный двигатель действует во времени ограниченно» и «Бог может ошибаться» – не отражают (ошибочны). Вопросы же, соответствуют ли сами понятия «вечный двигатель» и «Бог» чему-нибудь в действи-

тельности, отражают ли что-нибудь – неверно поставлены. Правильно спрашивать – существуют ли они в физическом мире. Тогда ответы – как утвердительные, так и отрицательные – будут истинными или ложными. Установление же, что именно истинно – особая задача, решаемая на основе критериев существования, разработанных в теории категорий.

В итоге можно сказать: как бы мы философски ни понимали мир и себя (разделяли точку зрения материализма или идеализма, науки или религии), имея фундаментальное гносеологическое убеждение в познаваемости мира, мы должны признать в качестве предпосылки осмысленности познавательных актов, что в познании мы получаем *«копии»*, *«образы»*, *«отражения»* познаваемого, которые *соответствуют* ему. Этого требует элементарная логика.

**Концепция когерентности** (внутренней согласованности). Эта концепция утверждает, что истинным является знание, согласованное внутри себя (когерентное). В этом случае проблема истинности ясна и осмысленна только применительно к *развернутым* дескрипциям. Отдельная дескрипция истинна, если она, как фрагмент некоторого концептуального целого, когерентна этому целому. Здесь обнаруживается гносеологический парадокс: чтобы часть была истинной, должно быть истинным целое, но чтобы целое было истинным, необходимо, чтобы части были истинными.

В обыденном общении и в научной коммуникации мы привычно называем истинными или ложными чаще всего *отдельные* утверждения. Отсюда слабость теории когерентности – противоречие здравому смыслу.

Иногда считают, что теория когерентности «выручает» познание, если очевидно, что теория соответствия а принципе неприменима. Например, в таком положении находится история, изучающая прошлое, то есть то, чего уже нет. Как может знание соответствовать тому, чего нет? Поэтому, рассуждает, например, В.Н. Сыров, «суть исторической работы должна начинаться и воплощаться в *сопоставлении* высказываний или сообщений и, соответственно, событий, в них запечатленных» (Сыров В.Н. Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли). Проще говоря: раз исторические высказывания нельзя сравнить и согласовать с действительностью (поскольку её нет), будем сравнивать и *согласовывать исторические высказывания между собой*, выстраивая когерентную картину целостности. Очевидно, что при этом происходит незамечаемый переход на другую позицию – позицию *конвенционализма*: ведь согласованность высказываний должна быть признана другими исследователями. Здесь имеет место отказ от идеи объективности знания, замена её идеей «общепризнанности»: для данного сообщества истинно то, что признано истинным в данном сообществе.

Когерентность развернутой системы (или совокупности) знания является, конечно, *необходимым* условием и его присмлемости, и его истинности. Но когерентность должна при этом пониматься в объективном смысле, то есть как логическая непротиворечивость и *связность*. Если различные высказывания или описания, не связанные в сложной дескрипции отношениями выводимости, и не могут быть связаны либо дедуктивно, либо каузально, то такая система некогерентна и не может быть в таком виде принята. Но в объективном смысле это означает, как минимум, что некоторые фрагменты сложной дескрипции отвечают действительности, другие же – нет. Только в этом случае они *в принципе* не могут быть согласованы. И все это относится не только к историческому, но и к любому другому знанию.

С другой стороны, нет никаких принципиальных трудностей сконструировать вполне когерентную дескрипцию, но, тем не менее, не истинную. Например, мы можем создать вполне когерентную «теорию русалки», в которой все фрагменты описания согласованы между собой, скажем, описания поведения и способов действованиа русалки согласуются с описанием её анатомии и физиологии. У такой теории будет только один недостаток: она описывает то, чего нет. А описание не существующего (и не существовавшего) не может быть ни истинным, ни ложным, потому что оно, в подлинном смысле, *не есть описание*, так как не интенционально. Оно не имеет силы. Оно вполне может быть *проектом* некоторого *возможного* бытия, но не является описанием *действительного* бытия.

Когерентность есть *условие* истинности -- необходимое, но недостаточное.

**Концепция конвенциональности** («договоренности», условности). Истина понимается как то, что *условились считать истиной*, с чем согласилось научное сообщество.

Американский философ Израиль Шефлер утверждает, что истина – это взгляд, по которому неизбежно в конце концов будет достигнуто согласие между всеми, кто его исследует. Но договариваться можно о чем угодно, было бы желанис. На самом деле ни в обыденном общении, ни в научной коммуникации мы не договариваемся «просто так», из-за не любви к спорам и распрям. Напротив, практика познания как раз характеризуется спорами, подчас ожесточенными и (в науке) многолетними. Спорящие стороны упорно ищут основания именно для торжества *своей* идеи, а не компромисса. В чем же эти основания? Это и есть главный вопрос о природе истины.

Конвенционалистская концепция истины выражает очевидный субъективизм и релятивизм. Субъективизм заключается в представлении, что истина, по сути, – всегда лишь мнение субъекта, его личное видение, которое может меняться, не отражая того, что имеет место в действительности. То есть, по сути, истинного знания мы не имеем. Релятивизм заключается в утверждении относительности всякого знания, то есть его приблизительности, неполноты, изменчивости и т.п. При этом имеется в виду, что раз знание таково (то есть относительно, приблизительно, неполно), то и нет оснований считать его собственно знанием, истиной.

В современной теории познания выдвигается требование *контекстуальности* истины. Оно заключается в утверждении, что та или иная дескрипция истинна или ложна в зависимости от *контекста*, в котором высказывается. В одном контексте истинна, в другом – ложна. Например, утверждение о всеблагости Бога – истинно в контексте христианских представлений и неистинно в контексте иудаизма и вовсе бессмысленно в контексте атеистического отрицания существования Бога. Или, скажем, утверждение о том, что может существовать лишь одна прямая, параллельная данной, истинно в контексте евклидовой геометрии и неистинно в контексте геометрии Лобачевского.

Идея контекстуальности истины является современным выражением идеи когерентности и конвенционализма.

**Прагматистская концепция истины.** Эта концепция была разработана в начале XX в. американскими философами-прагматиками Дьюи и Джеймсом. Истина понимается как утверждение или идея, *полезные* в практике, в том числе – в индивидуальной практике человека. Например, правила арифметики истинны, так как они полезны при вычислениях.

В современной литературе под видом новизны некоторые авторы возвращаются к этой точке зрения. Например, отмечают, что «когнитивная наука» понимает под истинностью знания его полезность и удобство. Всякое знание, якобы, гипотетично: «“Истинное” знание – это система гипотез, наилучших из доступных нам на данном этапе историко-культурного развития. Соответственно, важнее оценить практическую полезность... чем углубляться в онтологические дебаты о его обоснованности» (Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Познание познания: когнитивные науки).

Казалось бы, позиция разумная. Но, скажем, банкир утверждает, что его банк самый надежный. Для него это утверждение полезно, так как привлекает клиентов. Но если банк нарушил обязательства и клиент пострадал – истинно ли было это утверждение для клиента? Нет. Граница между истиной и ошибкой, истиной и ложью (заблуждением) размывает-



ся, торжествует полнейший субъективизм: что для одного истинно, для другого – ложно. Проблема истины как таковая снимается. В *технических науках* отказ от «дебатов по поводу обоснованности» чреват катастрофами. Не потому знание истинно, что оно полезно, а потому может быть полезным, что истинно.

**Проблема истины в аналитической философии.** В этом философском направлении достаточно много нюансов во взглядах различных авторов. Однако главное заключается в анализе обоснованности применения характеристик «истинно» и «ложно» к суждениям. Отмечается невысокая эвристичность этих характеристик в естественном языке. Например, английский философ Майкл Даммит пишет: «...сказать, что любое утверждение является или истинным, или ложным, значит просто сказать, что мы всегда можем оправданно говорить «Р или не-Р». Аналитики отказываются от корреспондентской теории: «Поставленные в тупик попыткой описать в целом отношение между языком и реальностью, мы сегодня оставили в стороне корреспондентскую теорию истины». При этом признается, что «утверждение является истинным только в том случае, когда в мире существует нечто, в силу чего оно является истинным» (Даммит. Истина). Это та же самая мысль, что «действительность ответственна за истину», которая согласуется с теорией соответствия. Это позиция реализма, она состоит в убеждении, что для любого утверждения должно существовать нечто, в силу чего оно (утверждение) или его отрицание истинно. Сложности возникают из-за неясностей и двусмысленностей естественного языка. Для строго заданного языка, свободного от двусмысленности и противоречивости, должна быть возможна характеристика истинных предложений этого языка (Даммит. Истина). То есть в строго заданном формализованном языке истинное предложение должно иметь эксплицитно выраженные формальные признаки истинности. Именно такое понимание истины развивает А. Тарский в своём известном учении об истине в формализованных языках.

**Историко-диалектическая (марксистская) концепция истины.** В свете рассмотрения и обсуждений этих концепций представляется, что наиболее приемлемой для практического применения и в обыденной жизни, и в науке, в том числе в социологии, является *марксистская* (диалектико-историческая) *теория истины*. Её особенность в том, что она в определенной степени использует положительные моменты названных выше концепций, стремясь преодолеть их недостатки.

1. В этой концепции признается, что истина – это идея или утверждение, которое *соответствует* действительности (то есть принимается концепция соответствия). Первоначальный марксизм не ощущал пробле-

матичности этого представления. Соответствие понималось некритически и несколько механистически. Однако *современный* марксизм вполне учитывает *конструктивный*, творческий характер знания, сохраняя, тем не менее, принцип: истинны лишь те идеи, которые соответствуют действительности (именно действительности, а не чувственным данным). Под действительностью, однако, понимается не только действительность физической природы, но и действительность социальных отношений, культурных феноменов, теоретических идеализированных объектов (например, концепт идеального газа есть действительность теоретического конструкта).

При этом конечно, идею соответствия следует понимать не в смысле механической или *образной* «похожести», а в смысле функциональной и системной аналогичности смысла дескрипции реальному положению дел (в физическом, социальном, духовно-культурном и теоретическом мире).

Поясним на следующем примере. Рассмотрим три фразы, имсющие один смысл, но совершенно разное словесное выражение:

Я ем хлеб

Je mange le pain (фр.).

Тру пигль ару (искусств.).

Мы полагаем, что эти фразы *соответствуют* друг другу, так как они описывают одну и ту же действительность. Это и есть системное и функциональное соответствие каждой из них реальности (процессу, который описывается). Мы смело можем применить ту или другую фразу в зависимости от ситуации для выражения мысли.

Таким же образом и знание соответствует действительности *системно* и *функционально*.

2. Утверждается *объективность* истины (соответственно, и объективность ложности). Быть истиной и быть *объективной* истиной – это одно и то же. Необъективных истин не бывает. То же и о ложности. *Мысль, соответствующая своему предмету, – объективно истинна. Мысль, не соответствующая своему предмету, – объективно ложна. Истинность* или присуща, или не присуща данной дескрипции – и это не зависит от нас, от наших интересов, желаний и от того, знаем ли мы, является ли данное высказывание истинным или ложным.

Пусть я сейчас сказал: «На столе в моей комнате лежит роман Вальтера Скотта «Айвенго». Оно истинно или ложно независимо от того, хотел ли я сказать вам правду или обмануть вас, от того, уверен ли я, что она там лежит, или не уверен. Вообще оно либо истинно, либо ложно независимо ни от каких-либо *субъективных* моментов, а единственно от того *объективного* обстоятельства, лежит она там на самом деле, или не лежит.

Отсюда ясно, что нельзя смешивать *наличие* свойства истинности у данного высказывания и *моё* знание об этом.

У высказываний (и у других дескрипций) много свойств, одни из них «бросаются в глаза», другие неочевидны. Например, высказывание состоит из слов. В написанном тексте мы это непосредственно видим. Высказывание содержит всегда некоторое конечное число слов. Если оно большое, можем их пересчитать. У высказывания есть смысл и референт. Слова в английском высказывании мы легко различим и можем посчитать, а вот смысл и референт, если мы не знаем английского, нам неизвестны. Но мы знаем, что они есть, и есть пути их узнать: перевести на знакомый язык. Аналогичным образом *истинность не имеет физического существования*, но мы знаем, что она существует. Она есть отношение соответствия мысли к референту высказывания, которое мы не можем наблюдать непосредственно. Но есть пути его распознать.

3. Истина *относительна*. В истории гносеологии господствовало представление, что если положение истинно, то оно истинно в полном объеме и на все времена. Вот, например, слова Леонардо да Винчи: «Истина имеет одно-единственное решение, и когда оно оглашено, спор прекращается навсегда». Именно с таким представлением связано мнение, что истина недостижима. Однако утверждение Леонардо очевидным образом противоречит реалиям познания: иногда споры велись веками, и практически все истины (кроме математических) изменялись.

Познание чем-то напоминает видение в тумане: сначала мы видим нечто неопределенное, потом, приближаясь, видим контуры предмета более отчетливо, а затем и вполне ясно. Ясное видение в конце не означает, что на предыдущих этапах мы не видели *ничего*: мы видели, и видели именно тот предмет, который ясно рассмотрели в конце. Так и в познании: всякая частная конкретная истина лишь *приблизительно* отражает действительность, тем не менее отражает. Последующая истина её уточняет. Если же первоначальное представление оказалось неверным, оно отвергается. Вступает в силу конкуренция идей. А это значит, что истина *диалектична*, она есть процесс. Из совокупности относительных, приблизительных истин складывается все более полная истина (то есть познание движется к абсолютной истине, которая является её пределом, но не достигается). Ответ на любой вопрос открывает горизонты для постановки новых вопросов.

Другая сторона относительности истины заключается в том, что всякая частная конкретная истина *адекватна лишь в системе*, в некотором отношении. Абстрактной истины нет, *истина всегда конкретна*. Здесь присутствует мотив, зафиксированный позже в идее *контекстуальности* истины.

Проиллюстрируем эти свойства истины на конкретном примере. Рассмотрим положение «Луна вращается вокруг Земли». Является ли это положение истиной? Конечно, мы все это признаем, узнав в школе.

В каком смысле эта истина *объективна*? В том, что это высказывание описывает реальное отношение между Землей и Луной. Это отношение было до возникновения людей. Субъективно мы не видим этого вращения. Значит, это утверждение отражает не наши чувственные данные, а саму реальность (если оно не фантазия).

В каком смысле оно – *относительная* истина? Казалось бы, тут описан конкретный факт, о какой приблизительности или неполноте может идти речь? Но вспомните: Земля ведь тоже движется в пространстве! Значит, Луне, чтобы обходить Землю (вращаться вокруг неё), нужно двигаться по сложной волнообразной кривой, которая не являет на картину вращения! Луна не вращается вокруг Земли, как колесо вокруг оси! Наше утверждение, что она «вращается», есть именно *приблизительный* образ! Оно лишь приблизительно описывает движение Луны в пространстве, и именно только в конкретной *системе* Земля/Луна. Наблюдатель с Марса, например, никакого «кружения» Луны вокруг Земли не увидел бы. Луна движется вслед за Землей по орбите Земли, только не по гладкой кривой, как сама Земля, а по волнообразной. Значит, на вопрос: «Вращается ли Луна вокруг Земли?» не может иметь однозначного ответа, ответ должен быть *конкретным*: все зависит от конкретного смысла, который мы вложили в вопрос. Это требование конкретности истины.

Наконец: истинность идей *проверяется общественной практикой*.

В границах этих основных постулатов можно подробнее рассмотреть целый ряд аспектов проблемы истины.

### 7.3. Проблема объективности истины

Важнейший вопрос теории истины – вопрос о её *объективности*. Из рассмотренных концепций только концепция соответствия признаёт объективность истины. Идея объективности истины заключается в утверждении, что содержание и смысл некоторой дескрипции, претендующей на истинность, детерминированы (обусловлены) познаваемым объектом. Вопрос в том, существуют ли такие дескрипции? Уже с Античности претензии знания на объективность подвергались сомнению и критике. В этих сомнениях и критике сформировались *релятивизм* и *субъективизм* в понимании истины.

Началом их формирования можно считать формулу Протагора «человек есть мера всех вещей», если мы толкуем её в том смысле, что мера

всякой истины есть индивидуальный человек. Тогда для всякого человека истинным является то, что *ему* кажется истинным: для одного одно, для другого – другое. Истина оказывается *относительной к субъекту*, и в этом смысле одновременно и субъективной (а не объективной), и относительной (релятивной, а не вечной, не абсолютной). Э. Гуссерль в своей критике возникающего при этом скептицизма понятия релятивизма и субъективизма отождествляет (Гуссерль Э. Логические исследования. § 34). Однако это отождествление не вполне точно, хотя, конечно, эти понятия и исторически, и логически связаны. Тем не менее они разные. Субъективизм утверждает зависимость содержания и смысла идей от субъекта, конструирующего эти идеи, отрицает объективность истины, её детерминированность объектом. Релятивизм же утверждает *относительность* истины, которая не обязательно является относительностью к субъекту. Она может быть относительной к тотальности объекта, то есть быть правильным, но не полным описанием объекта. Субъективизм всегда ведет к релятивизму, но релятивизм не всегда ведет к субъективизму.

При этом надо чётко различать понятия *субъективности* и *субъективизма*, *релятивности* (относительности) и *релятивизма*.

Разумеется, знание субъективно. Оно субъективно в том смысле, что конкретные формы дескрипций выбираются субъектом и смысл находится не в вещах, он придается вещам субъектом. Свойства субъекта детерминируют как процесс познания, так и его результат – знание. В этом отношении истина субъективна. Но она детерминируется не только субъектом, но и объектом, и в этом отношении она объективна. *Субъективизм* же – это теоретическая установка, отрицающая объективный момент в содержании знания и в истине, полагающий, что истина субъективна на 100%.

Истина, конечно, *релятивна*, так как она относительна и к субъекту, и к ситуации, в которой и относительно которой она высказана. Например, она относительна к средствам измерения. Утверждение «сейчас 20 градусов тепла» может быть истинным, если мы измерили температуру по Цельсию, и ложным, если мы измерили температуру по Фаренгейту. Но это не означает, что истинного знания температуры не бывает. Просто способы описания некоторого обстоятельства дел могут быть различны – и в этом, в частности, заключается относительность (релятивность) истины. *Релятивизм* же – это *теоретическая установка*, которая из постулата, что всякая истина относительна, делает не вытекающий отсюда вывод, что её вообще не может быть, есть только мнения, субъективные предпочтения. Почему такой вывод не вытекает? Потому что понятию «релятивность» противостоит не понятие «объективность» или «существование», а понятие «абсолютность». Релятивность истины означает, что она не абсолютна, а вовсе не то, что она необъективна.

Гуссерль в своей критике релятивизма делит его на *индивидуальный* и *специфический* (родовой, антропологический). Это деление напоминает бэконовские *идолы пещеры* и рода.

Индивидуальный релятивизм происходит из индивидуальных различий людей, в силу чего для одного истина в одном, для другого – в другом.

Но можно (по Гуссерлю) рассматривать в качестве субъекта не индивида, а *человека вообще*. Тогда мерой всякой *человеческой* истины является человек *как таковой*. Каждое суждение, которое коренится в *специфических* свойствах человека, в конституирующих эти свойства законах – для нас, людей, истинно. Это специфический релятивизм.

Гуссерль отрицает правомерность и этой формы релятивизма, критикует то, что позже (в аналитической философии) стало называться *эпистемически различными точками зрения*.

Как рассуждает Гуссерль? «*Специфический релятивизм* утверждает: для каждого вида *судящих существ* истинно то, что должно быть истинно согласно их организации, согласно законам их мышления. Это учение противоречиво. Ибо из него следует, что одно и то же содержание суждения для одного, а именно для субъекта вида *гомо*, истинно, для другого же, а именно для субъекта иначе устроенного вида, может быть ложным. Но одно и то же суждение не может быть тем и другим – и истинным и ложным. Это ясно из самого смысла слов «истинно» и «ложно» (Гуссерль Э. Логические исследования). По мнению Гуссерля, истина одна и та же, «воспринимают ли её в суждениях люди, чудовища, ангелы или боги». В своем утверждении Гуссерль не прав, так как полностью отрицает зависимость истины от субъекта, что после Канта выглядит совершенно неконструктивно.

Современное течение аналитической философии – научный реализм – выдвигает идею *степеней и уровней объективности*. Например, говорят они, объективность выше, если она подтверждена с нескольких *эпистемических точек зрения* (например, человека, Бога, зеленых марсиан). Когда объективность подтверждается с одной эпистемической точки зрения, она минимальна, если же с нескольких – она, так сказать «более объективна». Нетрудно видеть, что тут идея объективности отождествляется с идеей подтвержденности. Но ведь подтверждение получает всегда *субъект*; подтвержденность какого-либо факта это не качество вещи, а *состояние субъекта*. Здесь смешиваются объективность истинности высказывания и наше знание этой объективности. Знание, конечно, может иметь и имеет степени подтвержденности. Но для этого не нужно мнение зеленых марсиан и Бога, достаточно неоднократно проверить утверждение и перепроверить его силами других людей.

Идея различных эпистемических точек зрения укладывается в гуссерлевскую идею специфического релятивизма. Однако отвержение *специфического релятивизма* справедливо по той простой причине, что мы просто не знаем никаких других «судящих существ», кроме людей, и никакого познания, кроме человеческого. Наша задача – разобраться, *как познает человек*, а не чудовища и ангелы. Что касается Бога, он (если существует) и вовсе не познает, так как *по определению* всеведущ. Он уже знает всё и к тому же абсолютно.

Английский физик Д. Томсон соотношением между понятиями и реальностью сопоставляет с отношением между картой и местностью, которая на ней изображена. На карте показаны «города, горы и реки... в правильном порядке, так что если два объекта находятся близко друг от друга в действительности, то они также близки друг другу и на карте» (Томсон Д. Дух науки).

В самом деле, в карте удивительным образом сочетаются *отражающая природа познавательного образа, его конструкционность, условность, относительность и субъективность*. Например, карты, выполненные в разных проекциях, различны, но все по-своему адекватны. На каждой из них соотношения расположений географических объектов соответствуют друг другу, по каждой из них можно ориентироваться на местности (если знать язык карт).

### Попытки элиминировать концепт истины

В современной культуре, которую часто называют «постмодернистской», пиетет перед истиной утрачен. Достаточно вспомнить фразу П. Фейерабенда – автора так называемого *эпистемологического анархизма* – «Есть вещи подороже истины». По мнению Фейерабенда, истина сковывает и ограничивает *свободу* исследователя. И именно – свобода важнее и дороже истины. Современный фетиш западной культуры – Свобода.

Помимо прямого отрицания концепта истины, как у Фейерабенда, значение понятия истины умалется различными косвенными способами: утверждениями о её недостижимости или невозможности её доказать, подменой её идеей приемлемости и т.п. Например, Х. Патнем пишет: «Истина представляет собой разновидность рациональной *приемлемости*, то есть некую разновидность *согласованности наших убеждений друг с другом* и данными нашего опыта, в той степени, в какой эти данные репрезентированы в нашей системе убеждений» (Патнем Х. Разум, истина и история). Однако эти нападки на идею истины не остаются без ответа. Например, другой американский философ – Д. Дэннет – резко

отвергает попытки избавиться от идеи истины, указывая на практику познания: «Смысл задаваемых вопросов – получить *правильные* ответы; смысл измерения – измерить *точно*; смысл нарисованной карты – найти свой пункт назначения. Земля Лжецов существует только в загадках философов: у людей не сложилась система Ложного Календаря для неверной записи проходящего времени (Дэннет Д. Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно). А современный отечественный философ Г. Левин дает социально-психологическое объяснение этим нападкам, которое мы привели выше.

## 7.4. Вопрос о критериях истины

Особый вопрос теории истины – вопрос о *критериях истины*. Это вопрос о том, чем *подтверждается* истинность той или иной идеи, теории и т.п., на каких основаниях мы соглашаемся признать ту или иную дескрипцию истинной.

Здесь надо различать два аспекта: чем истина удостоверяется *для меня*, субъективно, и чем она обосновывается *объективно*?

Первый вопрос скорее психологический, чем гносеологический. Например, я могу просто верить идеям человека, потому что считаю его правдивым и умным. Это ситуация не гносеологическая.

Второй вопрос действительно философский, гносеологический.

Любая дескрипция как таковая *формальных признаков истинности не содержит*. «Никакой анализ предложения... не скажет, истинно оно или ложно (кроме тавтологий математики и логики)» (Рассел. Человеческое познание). В общем случае Рассел прав, если иметь в виду анализ только формы предложения. Например, дескрипции «Солнце имеет форму шара» и «Солнце имеет форму куба» с точки зрения человека, не знающего, что такое куб и шар, не знающего астрономии, совершенно равноправны. Для него с одинаковой вероятностью обе дескрипции могут оказаться как истинными, так и ложными, в том числе могут быть ясными одновременно (если, например, солнце имеет форму пирамиды).

Однако формальные признаки *неистинности* предложений существуют. Во-первых, это неправильно составленное предложение, например  $m+n=b$ , если его рассматривать как алгебраическое утверждение, не может быть истинным, так как оно неверно составлено (два плюса подряд). Или географическая карта, выполненная как одна, но в двух разных проекциях. Неправильность построения делает познавательный образ неадекватным. Но формально правильное построение само по себе истинности не обеспечивает и не демонстрирует.



Во-вторых, не могут быть истинными предложения, содержащие внутреннее противоречие. Например, если бы мы сказали: «Этот банк надежен и ненадежен». *Отсутствие* противоречия является *необходимым условием* истинности, но не её формальным признаком.

В-третьих, дескрипция не признается истинной, если содержит завуалированное *смысловое* противоречие, например: «Этот руководитель пользуется поддержкой большинства коллектива, а именно его поддерживают 6% сотрудников». Фраза противоречит имеющемуся у нас знанию, что 6% не составляют большую часть целого.

В четвертых, дескрипция не признается истинной, если она противоречит имеющемуся у нас *общему* знанию, например «Вчера Ушайка при впадении в Томь текла вертикально вверх». Мы знаем, что реки никогда не текут, поэтому не склонны считать это истинной. Или: «Эта преступная группировка имеет форму окружности». Мы знаем, что организации людей не могут иметь форму плоских фигур.

Два последних признака неистинности не являются формальными, тем не менее они достаточно прозрачны.

Итак, *неистинность* идей в подобных простых случаях устанавливается легко. В *поисках* истины это полезное знание. Но сейчас это – не наша задача. Мы пока обсуждаем не вопрос, как ищутся истины, а вопрос, как *проверяются* дескрипции, претендующие на истинность. Именно это есть вопрос о критериях истины.

Если предложение не содержит признаков *неистинности*, оно *может* оказаться истинным, но истинность формальными признаками не подтверждается, её надо подтверждать специально.

*Основные представления о критериях истины. Критерии истинности понимаются различно.*

*Обыденный* критерий – удостоверение личным чувственным опытом и доверие к источнику.

*Прагматический* критерий – успех использования идеи.

Концепции *когерентности*, *конвенционализма* и *прагматизма*, по сути дела *отождествляют* определение истины и критерий истины. Например, теория истинна, если она когерентна.

*Марксизм* наиболее общим и фундаментальным критерием истины считает не когерентность, не конвенцию, не пользу, а *практику*, но не индивидуальную, а *общественно-историческую деятельность* людей. Он использует идеи проективной и прогностической функции знания. Если положение, идея, теория позволяют предсказывать поведение объектов (природных или социальных) и на этой основе *практически изменять* что-то в близлежащем мире и *получать ожидаемые результаты*,

при этом не одному человеку, а всякому, кто это знание правильно применит, значит, это знание (идея, теория) истинно.

Здесь используется феноменологический критерий оправдания ожидания. Используется и принцип когерентности: если элементы теории связаны между собой дедуктивно, то он вступает в силу. При этом может быть установлено в качестве истинного какое-то *одно* положение теории, но при её дедуктивной связности имеется соответствие положений друг другу, следовательно, все они истинны. Это утверждение строится на проверенном и достоверном законе логики, что из истинных посылок при правильно построенных умозаключениях вытекает только истинный вывод. Следовательно, из проверенного на практике положения мы делаем вывод, что положения, *из которых оно выведено*, тоже истинны.

*Возможен ли абсолютный универсальный критерий истинности знания?* В марксисте таким критерием считается практика. На самом деле он не универсален. Он неудобен, а иногда и неприменим для проверки истинности каких-то локальных идей, например космологических.

Мы формулируем идеи и раскрываем свойства удаленных космических объектов, но это знание мы никогда сможем проверить на практике, и не только потому, что не можем их использовать в наших технологиях, но попросту потому, что эти объекты в момент их наблюдения нами могут уже не существовать. Во многих случаях в космологии и астрономии мы изучаем как существующие объекты уже несуществующие.

Аналогичным образом события прошедшей истории не могут войти в нашу практику просто потому, что их уже нет.

Поэтому существуют *региональные* критерии. Они используются в конкретных ситуациях, применяются не к любому типу знания, а к знанию какого-либо определенного конкретного типа.

Региональный критерий – это критерий, наиболее релевантный (адекватный) характеру объекта и проблемы. Например, в математике и математизированных науках это *выводимость* и *непротиворечивость*. Для утверждения истинности какой-либо *новой* математической теоремы не обязательно дожидаться, когда её применят на практике, достаточно того, чтобы она непротиворечиво вошла в уже «работающую» математическую теорию. То есть действует принцип когерентности.

Для формализованных систем критерием их истинности является *интерпретируемость*. Формальную систему можно считать истинной, если она интерпретируется в какой-либо предметной (эмпирической или теоретической) области.

В *исторической науке* критерием может выступить подтверждение *отдельной идеи* каким-либо вновь найденным документом.

В *этнографии* идея может быть подтверждена интерпретацией вновь найденных элементов материальной культуры.

В социологии критерием может выступить измерение параметров, реализованного события, предсказанного на основе знания.

В любых описательно-аналитических идеях, то есть в дескрипциях, описывающих наличное положение дел, критериями могут быть пере-проверка, пересчет, проверка другим методом и т.п. Это все *региональные критерии*.

В *прогнозных* же дескрипциях истинность подтверждается (или опровергается) только ходом событий и сопоставлением случившегося с прогнозом и т.д.

Полезно ли понятие «истина в неэмпирических науках»? Как культурная ценность, понятие истины незыблемо, оно входит в априорные схемы мыследеятельности. Но в некоторых случаях можно использовать его «заменители», например понятия *приемлемости* и *правды*, а критерии истины заменить *критериями доверия*.

*Истинность дескрипций разного строения*. Можно говорить об истинности *отдельного* утверждения, об истинности *развернутого описания*, состоящего из некоторого множества высказываний, и об истинности *теории*. Это дескрипции разного строения.

*Отдельное утверждение* истинно тогда, когда оно соответствует действительности.

В *развернутом описании* могут встретиться как истинные, так и ошибочные положения. С точки зрения формальной логики развернутое описание есть конъюнкция типа  $p_1 p_2 p_3 \dots p_n$ . Для таких сложных высказываний действует правило: конъюнкция истинна тогда, когда истинно каждое входящее в неё высказывание (каждое  $p$ ). Но это формальное требование, которое применительно к содержательной проблеме истины не действует. Поясним примером. Допустим, мы имеем описание преступника, составленное по показаниям свидетелей. Скажем, он брюнет ( $p_1$ ) с небольшими усиками ( $p_2$ ), на левой щеке родинка ( $p_3$ ), рост 180 см ( $p_4$ ). Пусть первые три признака указаны верно, а четвертый неверно (свидетель ошибся). Истинно ли описание в целом? Формально – нет. Но содержательно – это относительно истинное описание, *относительная истина*. Как в обыденной жизни, так и в науке подобные ситуации встречаются постоянно, и это надо иметь в виду. Например, в социологическом опросе часть опрошенных сознательно дала неискренние ответы. Какой вывод может сделать социолог – дали ли опросы *объективную* картину ситуации? В этой ситуации истина может быть объективной, но относительной.

*Истинность научной теории* зависит от характера теории. Теория может быть описательной, тогда истинность определяется так же, как для развернутого описания. Если же теория дедуктивно построена так, что все положения с необходимостью связаны отношением выводимости, тогда условием истинности теории является следующее: 1) она должна быть непротиворечива и 2) должна иметь либо *эмпирические* интерпретации (это и есть «соответствие действительности»), либо интерпретации в какой-либо теоретической области, уже признанной как истинная.

*Истинность и приемлемость.* В некоторых философских концепциях истину рассматривают как приемлемость. Можно перейти к истине как рациональной приемлемости. Перейти действительно можно, однако *гносеологически* это разные понятия. Понятие приемлемости шире.

Только истинная идея безукоризненно приемлема. Но мы часто имеем дело с идеями, истинность которых не доказана или нам не известна. Из таких идей некоторые представляются нам приемлемыми, а некоторые – нет. Приемлемость есть субъективное мнение о *полезности* данной идеи в каком-то отношении.

Каковы же критерии приемлемости? Она определяется формальными и экзистенциально-феноменологическими критериями.

К формальным критериям относится, прежде всего, непротиворечивость. Самопротиворечивая идея не может быть принята ни в каком случае, так как она не может оказаться истинной. Она априори ошибочна. Вторым формальным критерием является *эвристичность*, которая обнаруживается в богатстве возможных выводов и применений.

Экзистенциально-феноменологический критерий – *значимость*. Если идея *для меня* значима и интересна, я всегда психологически склонен её принять (то есть для меня она обладает приемлемостью. Но это – субъективная приемлемость). Объективная приемлемость определяется всеми тремя названными критериями. То есть идея приемлема, если она непротиворечива, эвристична и значима в каком-то практическом или теоретическом отношении.

*Критерии доверия.* Установление объективной истинности той или иной *новой* идеи является делом трудоемким и длительным. Не каждый человек проверяет на истинность идеи, которые использует. Мы принимаем на веру в качестве истинных *большую* часть идей. В школе мы получаем много *недоказываемых* знаний. Например, географические сведения, скажем, длина Волги столько-то километров; в Москве проживает столько-то человек и т.п. Мы не перепроверяем таких утверждений, если нам их сообщает учитель или справочник. Подобных утверждений – большинство в описательных науках. Но это не значит, что можно слепо

доверять всему, что говорит учитель, пишут в журналах и газетах и т.п. Теория познания предлагает в этих случаях (когда нет возможности или необходимости проверить истинность) *критерии доверия*. Это относится, прежде всего, к серьезному, научному знанию. Эти критерии таковы:

- идея обладает достаточно прозрачной и простой *проверяемостью*. В примере с Волгой это очевидно. Хотя измерить длину Волги не просто, но ясно, как это можно сделать. Это касается почти любых идей, где указаны какие-то устойчивые параметры какого-либо в принципе доступного предмета;

идея обладает достаточно прозрачной *эвристичностью*, то есть создает возможность делать многочисленные выводы, прогнозы и т.п.;

- идея обладает *эстетической привлекательностью*, то есть красива; разумеется, ощущать красоту идеи может только специалист в данной области, красота математической формулы и красота социологической идеи – существенно различны;

- неожиданность, парадоксальность идеи, её бросающаяся в глаза *новизна* (известный исторический пример, когда Нильс Бор отнесся отрицательно к некой физической идее, сказав, что она «недостаточно безумна»), словом, идея *не должна быть тривиальна*: тривиальная идея, если даже она и истинна, не вызывает доверия.

Применительно к естественным и техническим наукам это довольно очевидно. Но применимы ли они в той области, где критерии истины как таковые, как они определены, невозможны?

Известный отечественный историк Л.П. Репина с болью говорит: «Сегодня истории нередко отказывают даже в праве называться наукой, говорят о необоснованности её претензий на достоверное знание». Репина пытается обосновать научность истории следующим рассуждением: «Критерии достоверности могут быть различные. Для меня существует одно неоспоримое правило. Вспомним древних: *prima lex historiae – ne quid falsi discat*: «Первый закон истории – не говорить лжи»! Как это точно, и как актуально это звучит сегодня! (Интервью с Лориной Павловной Репиной // Мир историка. Историографический сборник. Вып. 3). Легко видеть, что автор подменяет вопрос о критерии достоверности нравственным требованием: историк должен быть честным. Конечно! Но ведь историк может высказать ошибочную мысль не потому, что нечестен, а потому, что ошибается, вот в чем вопрос. Однако если мы применим к истории сформулированные выше критерии доверия (а не истины и достоверности), то увидим, что они вполне «работают». Историческая мысль вполне может обладать простой *проверяемостью* (например, через анализ и сопоставление документов), *эвристичностью*, *эстетической привлекательностью* и *новизной*. Тогда она вызывает доверие науч-

ного сообщества. Тогда как другая историческая мысль может не обладать этими качествами и не вызывать доверия.

**Критерии социологической истины.** В социальных науках вообще и в социологии в частности очень важным является экзистенциальный критерий значимости и эвристичности. Известный социолог П. Штомпка, выделяя четыре типа социологических теорий, специально выделяет теории *эвристические* (другие – объяснительные, аналитические и экзегетические). Они характеризуются тем, что они *эмпирически не проверяемы*, но плодотворны, задавая концептуальные рамки для исследований.

Общие социологические теории предпочтительнее характеризовать как приемлемые или неприемлемые (хотя их авторы, естественно, претендуют на истинность). Их создано много, и каждая из них есть некая модель общественной структуры или общественного процесса. Эти модели сосуществуют, поскольку, не будучи «истинами в последней инстанции», раскрывают те или иные аспекты общественной жизни. Здесь мы встречаемся с кажущейся парадоксальной ситуацией: разные теории, не согласующиеся друг с другом, тем не менее оказываются и являются приемлемыми и могут быть использованы.

С истиной такая ситуация невозможна. Теория, истинная в строгом смысле, не допускает существования противоречащих ей тоже *истинных* теорий, этого не позволяет логика нашего мышления. Однако *различные* теории *одного* объекта *могут быть приемлемыми*. Эта ситуация согласуется с идеей относительности истины.

Результаты *конкретных* социологических исследований претендуют на истинность в обычном смысле. Если результат является *прогностическим*, то истинность подтверждается эмпирически, если последующие события совпадают с предсказанием. Истинность же *описательного* или *аналитического* результата подтверждается репрезентативностью генеральной выборки исследования. Значение этого критерия социологи определяют так: «Репрезентативность выборки означает, что с некоторой долей погрешности можно отождествить установленные на выборочной совокупности распределения признаков с их действительным распределением в генеральной совокупности» (Бондаренко Л.Ю, Иванова В.С. Методология и методика социологического исследования. Курс лекций).

Здесь отчетливо видна идея утверждения соответствия познавательного результата с объективной действительностью. Тем не менее это является лишь критерием доверия, а не истины. Истинность же подтверждается только в процессе практического применения и получения ожидаемых результатов.

*Истинность, корректность, адекватность и аутентичность.* Небесполезно рассмотреть соотношение этих понятий. Их нельзя путать.

Понятие корректности относится к изложениям чужих текстов, к описанию событий и к поведению.

*Корректное поведение* – это поведение спокойно-вежливое, культурное, никого не обижающее и не затрагивающее. Этот смысл – вне нашего разговора.

*Корректное описание* события или изложение прочитанного текста близко, отчасти родственно, понятию истины. Такое изложение в нашей терминологии – это развернутая дескрипция, и в таком качестве корректность почти синонимична истинности. Корректное описание и изложение внимательно и уважительно к объекту, не небрежно.

*Адекватность* – это соответствие. В латинском определении истинны именно слово *adaequatio* и употреблено. Но в русском употреблении оно используется несколько шире. Оно может относиться к оценке поведения. «Неадекватное поведение» – так говорят о поведении психически не вполне здорового человека.

Но адекватность относится также к изложениям текстов (но не событий). Это очень важная характеристика изложения. Например, при научном реферировании научных статей или монографий важнейшим качеством реферата является именно адекватность. Реферат не совпадает с реферируемым текстом. Это его краткое изложение, и оно может быть либо адекватным, либо неадекватным. Ясно, что тут нечто близкое к истине. Адекватный реферат, это реферат, доверившись которому, мы правильно поймем смысл и главные идеи реферируемого текста. Он как бы «истинен». Неадекватный реферат вводит нас в заблуждение относительно содержания и смысла реферируемого текста. Это слово используется также в смысле «правильности», особенно в смысле правильности понимания. Понял адекватно, значит, понял правильно. Но правильно (адекватно) понять можно и ложную, ошибочную мысль, и неадекватное поведение. Так что адекватность и истинность – коррелирующие понятия, но не тождественные.

*Аутентичный* – подлинный или соответствующий подлинному. Аутентичным или не аутентичным может быть перевод с одного языка на другой. При переводе художественных текстов невозможно полное совпадение, но возможна аутентичность, перевод *должен* быть аутентичным. Идея близка к идее истины, но это не истина, так как здесь речь не идет о познании.

## Гносеологический и социокультурный аспекты истинности знания

Знание является одновременно феноменом *гносеологическим* и феноменом *социокультурным*.

В *гносеологическом* смысле знание есть реальное и актуальное отношение субъекта к объекту, содержание сознания в его отношении к миру. И здесь главной определяющей характеристикой является *истинность*. Субъект стремится не просто к знанию, а к *истинному* знанию, и руководствуется только теми представлениями, которые считает истинными.

В *социокультурном* смысле речь идет о знании, которое человек получает не в процессе исследования, а в процессе обучения, заимствования из социальной памяти. Массив сведений огромен, и ситуация сегодня такова, что отдельный человек не может проверить каждое утверждение, которое ему предлагает культура. Знания заимствуются из книг, из школьных уроков, сегодня часто в первую очередь – из газет, телевидения, Интернета. Здесь проблема знания не гносеологическая, не проблема отношения представлений и мира. Она мало кого интересует.

В этом аспекте главная проблема – проблема источника, доверия к источнику. Я не могу проверить истинность, но я либо доверяю источнику, либо нет. Этот процесс – стохастический, нерегулируемый. И пока знание не применено в какой-то практике, где не оправдалось ожидание, оно принимается за истинное, ему верят. В социокультурном смысле представление рассматривается как знание независимо от его истинности, от его отношения к объекту. Оно рассматривается как знание в связи с доверием к его источнику. Именно поэтому мифологические представления архаических народов были их *знанием*, хотя с точки зрения современных представлений они ошибочны.

Но отсюда вытекает следствие, *что каждый субъект имеет свои знания о мире в зависимости от того, каким источникам он доверяет*. Кто-то доверяет учебникам физики и астрономии и авторитетам в этих науках. Кто-то доверяет книгам по астрологии, магии и телепрограммам о полтергейсте и паранормальных явлениях. Знания этих людей об одних и тех же объектах будут существенно различны.

Из этого обстоятельства некоторые гносеологи делают вывод, что объективной истины нет, «у каждого своя истина» и тому подобные *агностические* выводы. В этих выводах совершается логическая ошибка в связи именно с неразличением гносеологического и социокультурного аспектов знания и истины. В социокультурном отношении, действительно, «у каждого своя истина». В гносеологическом же аспекте истина как ответ на *один* четко поставленный вопрос только одна, хотя и может быть



высказана в различных дескрипциях. Например, матричная и волновая математика свойств элементарных частиц - это, у Гейзенберга и Шредингера, *не у каждого своя истина, это одна и та же истина о мире, выраженная в разных дескрипциях.*

## 7.5. Экзистенциальный аспект проблемы истины

**Истина и правда.** Проблема истины имеет экзистенциальный аспект. Он связан с онтологизацией истины, с представлением об Истине как некой высшей реальности, которой должен служить человек. Это не гносеологический вопрос.

Но есть и другая сторона дела. В экзистенциальном аспекте некая идея, будучи в объективном гносеологическом аспекте не истинной, психологически и социально может выступать как *ошибка* или *заблуждение*, а может оказаться сознательной *ложью*, *обманом*. В русском языке, русской культуре и русской философии обману противостоит **Правда**. *Правда – это экзистенциальная параллель гносеологическому понятию истины.* Но это не гносеологическое понятие. Это понятие нравственное. Правда коррелирует не только с истиной, но и со *справедливостью*, с *благом*, с *достоинством*. Борьба за правду – это не просто и не только утверждение истинных идей, это борьба за нормальные (высокие) человеческие отношения. Важно понять, что поскольку в основе любых человеческих отношений лежат какие-то представления, *Правда* неотъемлема от истины, так как только истинные представления могут быть основой Правды в нравственном аспекте.

Поскольку идеи социальных наук непосредственно касаются людей и их интересов, встает вопрос о приемлемости и оправданности отступлений от истины, от Правды, ради «лжи во спасение». В таких оправданиях сменяется проблема Истины и проблема Правды. Так, например, известный отечественный археолог В.П. Козлов пишет: «Политизация прошлого, его мифологизация и *откровенная фальсификация* были, есть и будут всегда. Мистифицированное прошлое, если только оно помогает людям, конечно же, будет и *должно* существовать» (Курсив мой. – А.К.; Козлов В.П. Основы теоретической и прикладной археологии). Первая фраза этой цитаты констатирует факт («были и есть») и «предсказывает» будущее («будут»). С этим трудно спорить, автор, даже относительно будущего, вероятно, прав. Но вот вторая часть фразы содержит прямое оправдание фальсификаций прошлого в интересах людей. Прав ли он в этом? Отстраняясь от экзистенциального значения истины, следует твердо сказать: не прав!

Когда речь идет о *научном* познании, истина и только истина – цель познания. Но когда речь идет об *экзистенциальном* аспекте, следовательно о *Правде*, приходится считаться с тем, что иногда *индивиду* истину лучше не знать. Но может ли себе это позволить общество? Здесь мы уходим не просто в социальные, а в *метафизические* глубины человеческого бытия, и здесь простых решений нет. Но все же нельзя смешивать два разных вопроса: 1) *что* мы хотим и должны стремиться *познать*? (Только истину!) и 2) какие идеи приемлемы, *допустимы к обращению* в обществе? (Может быть и ложь во спасение. Но, конечно, не ложь для выгоды). Первая проблема – нравственно-гносеологическая, а вторая – нравственно-экзистенциальная.

***Истина и традиция.*** Иногда на пути достижения истины встает традиция понимания чего-либо, которая закреплена в *привычных* представлениях, и *в силу этого* разум не обращается к анализу, не ставит вопросов. Традиционные представления, разумеется, могут быть истинными. Но могут быть и заблуждениями (которые считаются истинами!). В этом случае трудность часто бывает не в том, чтобы *найти* истину, а в том, чтобы *начать её искать*, чтобы усомниться в идее, которая признавалась десятилетиями или даже веками. В науке обычно не бывает жестких традиционных представлений, хотя бывают традиции мышления, традиционные нормы мыслительной деятельности. Но они широко распространены в обыденном сознании: в политических, экономических, религиозных, нравственных, эстетических и т.п. взглядах на обыденном уровне. Например, традиционно считается, что существует некая «тайна русской души». Или что демократия «лучше» монархии, или что всякая республиканская власть – власть демократическая, и т.п. Социология часто имеет дело с традиционными истинами и заблуждениями, часто их изучает и преодолевает.

## **7.6. Истинность, корректность, адекватность и аутентичность**

Небесполезно рассмотреть соотношение этих понятий. Их нельзя путать.

Понятие корректности относится к изложениям чужих текстов, описанию событий и поведению.

*Корректное поведение* – это поведение спокойно-вежливое, культурное, никого не обижаящее и не затрагивающее. Этот смысл – вне нашего разговора.

*Корректное описание* события, или *изложение*, прочитанного текста близко, отчасти родственно, понятию истины. Такое изложение в нашей терминологии – это развернутая дескрипция, и в таком качестве корректность почти синонимична истинности. Корректное описание и изложение внимательно и уважительно к объекту, не небрежно.

*Адекватность* – это соответствие. В латинском определении истины именно слово *adaequatio* и употреблено. Но в русском употреблении оно используется несколько шире. Оно может относиться к оценке поведения. «Неадекватное поведение» – так говорят о поведении психически не вполне здорового человека.

Но адекватность относится также к изложениям текстов (но не событий). Это очень важная характеристика изложения. Например, при научном реферировании научных статей или монографий важнейшим качеством реферата является именно адекватность. Реферат не совпадает с реферируемым текстом. Это его краткое изложение, и оно может быть либо адекватным, либо неадекватным. Ясно, что тут нечто близкое к истине. Адекватный реферат – это реферат, доверившись которому мы правильно поймем смысл и главные идеи реферируемого текста. Он как бы «истинен». Неадекватный реферат вводит нас в заблуждение относительно содержания и смысла реферируемого текста. Это слово используется также в смысле «правильности», особенно в смысле правильности понимания. Понял адекватно, значит, понял правильно. Но правильно (адекватно) понять можно и ложную, ошибочную мысль, и неадекватное поведение. Так что адекватность и истинность – коррелирующие понятия, но не тождественные.

*Аутентичный* – подлинный или соответствующий подлинному. Аутентичным или неаутентичным может быть перевод с одного языка на другой. При переводе художественных текстов невозможно полное совпадение, но возможна аутентичность, перевод *должен* быть аутентичным. Идея близка к идее истины, но это не истина, так как здесь речь не идет о познании.

## **7.7. Гносеологический и социокультурный аспекты истинности знания**

Знание является одновременно феноменом *гносеологическим* и феноменом *социокультурным*.

В *гносеологическом* смысле знание есть реальное и актуальное отношение субъекта к объекту, содержание сознания в его отношении к миру.

И здесь главной определяющей характеристикой является *истинность*. Субъект стремится не просто к знанию, а к *истинному* знанию, и руководствуется только теми представлениями, которые считает истинными.

В *социокультурном* смысле речь идет о знании, которое человек получает не в процессе исследования, а в процессе обучения, заимствования из социальной памяти. Массив сведений огромен, и ситуация сегодня такова, что отдельный человек не может проверить каждое утверждение, которое ему предлагает культура. Знания заимствуются из книг, из школьных уроков, сегодня часто в первую очередь – из газет, телевидения, Интернета. Здесь проблема знания не гносеологическая, не проблема отношения представлений и мира. Она мало кого интересует.

В этом аспекте главная проблема – проблема источника, доверия к источнику. Я не могу проверить истинность, но я либо доверяю источнику, либо нет. Этот процесс – стохастический, нерегулируемый. И пока знание не применено в какой-то практике, где не оправдалось ожидание, оно принимается за истинное, ему верят. В социокультурном смысле представление рассматривается как знание, независимо от его истинности, от его отношения к объекту. Оно рассматривается как знание в связи с доверием к его источнику. Именно поэтому мифологические представления архаических народов были их *знанием*, хотя с точки зрения современных представлений они ошибочны.

Но отсюда вытекает следствие, *что каждый субъект имеет свои знания о мире в зависимости от того, каким источникам он доверяет*. Кто-то доверяет учебникам физики и астрономии и авторитетам в этих науках. Кто-то доверяет книгам по астрологии, магии и телепрограммам о полтергейсте и паранормальных явлениях. Знания этих людей об одних и тех же объектах будут существенно различны.

Из этого обстоятельства некоторые гносеологи делают вывод, что объективной истины нет, «у каждого своя истина» и тому подобные *скептические* выводы. В этих выводах совершается логическая ошибка в связи именно с неразличением гносеологического и социокультурного аспектов знания и истины. В социокультурном отношении действительно «у каждого своя истина» («своя Правда»). В гносеологическом же аспекте истина как ответ на *один* четко поставленный вопрос только одна, хотя и может быть высказана в различных дескрипциях. Например, матричная и волновая математика свойств элементарных частиц – это, у Гейзенберга и Шредингера, *не у каждого своя истина, это одна и та же истина о мире, выраженная в разных дескрипциях*.

## 7.8. Проблема истинности философских и теологических суждений

Философские и теологические суждения и представления (идеи), в силу их предельной общности, не могут быть подведены под какие-то еще более общие суждения, уже принятые как истинные. Значит, они *не могут быть доказаны* в качестве истинных, а поэтому не могут и претендовать на истинность. Они могут претендовать *только на приемлемость* по критериям, которые выше были сформулированы. Это, прежде всего, наличие какой-то точки опоры в опыте, непротиворечивость и эвристичность в смысле объяснения каких-то элементов эмпирического мира, экзистенциальная значимость.

*Можно ли говорить о художественной истине?* О художественной истине часто говорят во всех разделах искусствоведения, например, в оценках произведений литературы, поэзии, живописи и даже музыки. Является ли такое словопотребление корректным? Разумеется. Только нужно понимать, что речь не идет об истине в *гносеологическом* смысле. Художественная истина – это нечто другое. Это скорее экзистенциальное понятие Правды. Иногда говорят: автор отразил «правду жизни». Произведение искусства как некий Текст действительно либо содержит правду, либо оно – фальшь, обман. И то и другое случается. Здесь встают не простые вопросы о Правде жизни, о художественной истине в абстрактном искусстве и т.п. Но эта тема выходит далеко за рамки нашего курса.

## 8. ЧТО ТАКОЕ *НАУЧНОЕ* ПОЗНАНИЕ И КАКОВЫ ЕГО СВОЙСТВА И ЗАКОНОМЕРНОСТИ?

Наука не претендует на постижение Истины.  
*Карл Ясперс*

### 8.1. Что такое наука

Ясперс утверждает, что наука не претендует на постижение сущности мира в целом («Истины» с большой буквы), она изучает то, что в философии называется *сущим*, Хайдеггер называет *внутри-мирным* сущим. То есть наука изучает *конечные* объектные образования и области мира, свойства и закономерности этих образований и областей. Она формирует истинные знания об этом. Д. Деинет назвал науку «технологией истины».

В описательном смысле научное познание может быть охарактеризовано как познание, осуществляемое в рамках науки. Но такая характеристика не раскрывает ни гносеологических, ни социальных особенностей научного познания в сравнении с другими видами познания. Между тем, именно научное познание расширяет и обогащает тезаурус социума, дает наибольшие приросты нового знания.

Наука может быть определена в различных контекстах.

В контексте *социологии* наука определяется как социальный институт, функцией которого является систематическое получение новых знаний в различных объектных областях.

Как социальный институт и как глобальное многообразие наука формируется в Новое время (XVII–XVIII вв.). Однако *познание, отвечающее критериям научности*, возникает уже в Античности. Тогда возникли вполне *научные по характеру* математические и логические исследования, астрономия, зачатки механики, медицины, лингвистики, ботаники, истории. В современной науке можно насчитать несколько тысяч конкретных научных *направлений*, сотни тысяч (если не миллионы) *тем* конкретных научных исследований.

В контексте *экономики* наука может быть определена как хозяйственная организация, включенная в систему экономических (в том числе финансовых) отношений, опять-таки, имеющая целью производство знаний.

*Абстрактно-онтологически* науку можно определить как систему знания, саморазвивающегося на основе внутренних специфических зако-

нов, присущих именно этой системе. В этом аспекте наука предстаёт как познание без субъекта.

Эти три контекста рассмогрения науки – не наша тема, и мы её не будем рассматривать.

Нас интересует *гносеологическая* природа науки. С этой точки зрения наука есть *глобальное многообразие целенаправленного систематически-организованного познания, подчиняющегося определенным нормам, выполнение которых обеспечивает получаемому знанию доказательно-истинный характер*. Чуть короче можно сказать так: «Наука – целенаправленная познавательная деятельность, вырабатывающая системное знание на основании осознанных познавательных методов» (Курашов В. И. *Prima elementa* научного познания).

Крупнейший философ XX в. М. Хайдеггер характеризовал науку так: «Наука – способ, притом решающий, каким для нас предстает все, что есть», она есть «теория действительности». В этом своём качестве наука рассматривает природу в рамках *предметного противопоставления природы и человека*, она не может обойтись без природы, всегда её предполагает как свой предмет. Это относится не только к естественным наукам, но и к истории, филологии, изучению языка и т.д.

Вместе с тем предметная противопоставленность в некотором отношении ограничивает науку: она «приковала себя к этой области» и «не в состоянии решить, являет ли природа в своей предметной противопоставленности полноту своего потаённого существа» (*Хайдеггер М. Наука и осмысление*). Этим замечанием Хайдеггер оставляет место для других способов духовного освоения мира.

Как особый род *социальной деятельности* научное познание имеет *объективную цель*, которая является *предсказанием, предвидением* поведения изучаемых объектов, так как только на основе предвидения человек может использовать или изменять изученные объекты, не опасаясь нежелательных (тем более опасных) последствий. В области естественных наук это очевидно. Знание законов теплоты и газодинамики позволяет создавать тепловые котлы, которые не взрываются и послушно дают нам пар или тепло.

Социальные науки – и социология в первую очередь – тоже имеют эту функцию. Так, Карл Поппер писал: «Подлинными проблемами социальных наук обусловлены нашим стремлением узнать о ненамеренных следствиях и, более точно, о нежелательных следствиях наших действий. Нам хотелось бы предвидеть не только прямые следствия, но также и эти неожиданные косвенные следствия» (Поппер К. *Предположения и опровержения*). Однако в решении этой задачи, в выполнении этой функции,

социальные науки имеют существенные особенности в сравнении с науками естественными, особенно точными. Имеют место определенное разочарование и скептицизм относительно социологии как науки. С одной стороны, как утверждает Луман, только в качестве науки социология может существовать в обществе. С другой стороны, уже отмеченный «разрыв» между «двумя социологиями» (отвечающими на вопросы «что происходит?» и «что за этим кроется?») ведёт к сомнительности её общественной ценности. «Фабрика проектов эмпирических исследований продолжает работать, – пишет Луман, – исходя из предпосылки, что благодаря обращению к реальности можно решить, что истинно, а что неистинно. Тем самым добываются деньги и рабочие места для продолжения исследований. <...> Теоретические дискуссии имеют место – хотя преимущественно... тут хватаются за существовавшие в прошлом позиции, которые нельзя изменить, но по отношению к которым можно дистанцироваться через их интерпретацию» (Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?» Две социологии и теория общества).

*Сердце и ядро науки*, – как говорил Х. Ортега-и-Гассет, – это *проблема*. Развитие научного знания – это решение проблем, с постановки проблемы начинается исследование, претендующее на научность.

Наука открыта. Возникнув, научное знание постоянно развивается вот уже много веков. И снова красивый образ Ортеги: «Наука... это не прибытие в желанную гавань, а скитание по бурным морям в её поисках» (Там же). Наука – это поиск. Простую, но весьма содержательную формулу этого поиска предлагает К. Поппер: «Проблема P1 → пробная теория → устранение ошибок посредством оценки → проблема P2». Можно добавить: «следующая теория» (Там же).

Научный поиск длится уже примерно три тысячи лет. «Гаванью» для науки является истина. А. Эйнштейн писал, что наука может развиваться только теми, кто полностью впитал в себя стремление к истине и верит, что она доступна разуму.

Хотя наука – это *глобальная* система, она не есть нечто монолитное. Она есть своеобразная *ризома*: густо переплетенный клубок исследований, осуществляемых в разных странах, как связанных, так и не связанных между собой, субъектами которых выступают, опять-таки, как связанные, так и не связанные между собой (непосредственно) субъекты-индивиды и субъекты-группы, руководствующиеся как jednotlivыми, так и различными парадигмами.

Во-вторых, она представляет собой *полуупорядоченную* сеть научных областей и направлений, определяемых именно *объектной* стороной познания. С этой точки зрения отчетливо выделяются *пять основных групп*



*наук: логико-математические, естественные (науки о физической природе), социальные (науки о социуме как таковом), гуманитарные (науки о человеке и духовных продуктах его труда) и технические (науки о материально-физических продуктах человеческой деятельности).*

Каждая группа внутри себя чрезвычайно разнообразна, любой грамотный человек это разнообразие может легко видеть и проиллюстрировать. Достаточно очевидно, что конкретные науки этих групп между собой многообразно взаимодействуют и пересекаются. Например, социальные науки (скажем, социология или экономика) используют математические методы, а лингвистика – наука о языке – принадлежит сразу к наукам естественным, социальным и гуманитарным.

## **8.2. Проблема демаркации научного и ненаучного познания и знания**

Демаркацию (то есть проведение границ) между научным и ненаучным познанием и знанием следует провести в двух отношениях.

Во-первых, научное познание следует отличить от других типов познания: обыденного, философского и теологического.

Обыденное познание несистематично, нецеленаправленно и не ориентировано на получение знаний о существенном, о законах и т.п. Оно содержит множество ошибочных представлений и предрассудков. При этом не имеет ясных критериев различения истинного и неистинного, в нём сильны субъективные мотивы, докса, частные интересы.

Научное познание тоже осуществляется людьми. Поэтому, как справедливо пишет Д. Деннет, «ученые бывают столь же корыстолюбивы, легковверны и забывчивы, как и все другие люди. Ученые не причисляют себя к святым; <...> ученые считают себя столь же слабыми и подверженными ошибкам, как и все люди» (Деннет Д. *Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно*). Тогда чем же научное познание отличается от обыденного? В отличие от других людей, ученые осознают источники возможных ошибок как в самих себе, так и в группах, к которым они принадлежат. Поэтому они, говорит тут же Деннет, «разработали системы, связывающие их руки, насильно предохраняющие их результаты от влияния их же слабостей и предрассудков». Отсюда – *целенаправленность*, стремление к раскрытию закономерностей и законов, *систематичность* самой познавательной деятельности и *системный характер результата* - знания. По поводу последнего Кант говорил, что обыденное знание лишь благодаря систематическому единству становится

ся наукой. Эту же сторону подчеркивали выдающиеся ученые Эйнштейн и Инфельд: «Ученый должен собирать *неупорядоченные* факты и своим творческим мышлением делать их связными и понятными» (Эйнштейн и Инфельд. Эволюция физики). Ученые разрабатывают и совершенствуют *методы* своей деятельности.

Другой очевидный признак научного познания – *интенция на обоснованность* получаемых результатов. Замечательную характеристику в этом аспекте дал деятельности ученого Э. Гуссерль: «Учёный хочет... не только выносить, но и *обосновывать* свои суждения. ...Он не желает допускать, чтобы им самим или другими признавалось в качестве *научного знания* какос-либо суждение, которое не обосновано им в совершенстве и которое он позднее, свободно возвращаясь к повторному обоснованию, не может полностью оправдать в любое время. De facto это может ограничиться одним лишь притязанием, но в любом случае в нём заключена идеальная цель» (Гуссерль Э. Картезианские размышления).

Этими чертами научное познание отличается только от обыденного, но не от философского и теологического познания. Последние внешне (по внешней форме построения знания и выражения его итогов) *похожи* на научное познание: они имеют форму рациональных рассуждений, воплощаются в текстах, где имеются аргументации и доказательства и т.п. И если теологию обычно к науке не причисляли (хотя споры на эту тему велись и ведутся даже сейчас), то философию издревле считали и называли наукой, многие и сейчас считают, что философия – это наука.

Тем не менее разумно различать эти три вида теоретического систематического и целенаправленного познания.

В 30–60-е гг. прошлого столетия проблема демаркации научных и философских теоретических систем и высказываний остро обсуждалась. Наибольший интерес здесь представляют *принципы верифицируемости и фальсифицируемости*.

Научным (в отличие от философского и теологического) объявляется только то знание, которое верифицируемо и/или фальсифицируемо.

Идея верификации введена в философии логического позитивизма. *Верификация* (проверка на истинность) заключается в том, чтобы свести проверяемую теоретическую идею к положениям, которые проверяемы непосредственно в чувственном опыте. Авторы принципа верификации утверждают, что *всякое* научное утверждение может быть сведено к так называемым *протокольным предложениям*, то есть к предложениям, в которых чувственно зафиксирован некий факт. Следовательно, *научным является только такое представление, которое сводимо к протокольным предложениям или к предложениям, выведенным из протокольных*.

Идея *фальсификации* (введена К. Поппером) заключается в убеждении, что всякое *действительно научное* положение может осмысленно подвергаться опровержению. Идея, для которой не просматриваются пути к опровержению, не может быть осмысленной, а значит, и истинной.

Согласно Попперу, принцип фальсифицируемости утверждает, что высказывание (или система высказываний) содержит информацию об эмпирическом мире «только в том случае, если они обладают способностью прийти в столкновение с опытом, если их можно... подвергнуть... проверкам, *результатом которых может быть их опровержение*» (Поппер К. Логика и рост научного знания). Наука принимает высказывания, проверяемые путем систематических попыток их фальсификации.

Теории, обладающие высокой степенью проверяемости (фальсифицируемости), «интересны и важны, даже если они потерпели крушение в ходе своей проверки. Мы очень много можем узнать из их провала. Их крушение может быть продуктивным, так как оно может реально показать дорогу для построения лучшей теории (Там же).

Критерий фальсифицируемости, действительно, отличает теоретические системы конкретных наук от систем философии и теологии. Он вполне эвристичен, если только не понимать фальсифицируемость как неперемнную ошибочность.

Этот принцип демаркации вполне разумен, однако его применение непросто, да и необязательно, так как наука, теология и философия вполне очевидным образом различаются характером объектов и методов.

*Теология* отличается от науки в трёх отношениях. Прежде всего, её предметом является Бог и проблемы его познания, в то время как объективной областью наук является то, что теология называет «тварным» (то есть сотворенным) миром: *физическая природа* во всех её проявлениях, *социум, человек*, материальные и духовные *продукты* его деятельности. Во-вторых, теология (в рамках любой из мировых религий) ограничена в постановке своих проблем некоторыми догматическими границами. Например, вопрос «существует ли Бог?» для неё невозможен. В-третьих, используя логический анализ и аргументацию, теология, *в конечном счете*, опирается на веру и откровение как предельный и самый главный источник истины, в то время как наука опирается на опыт и интеллект. Конечно, теоретическое богословие, особенно современное, может произвести впечатление научного исследования. Тем важнее осознать, что это впечатление ошибочно.

Некоторые отдельные научные теории приобретают важное общественное значение, особенно в противопоставлении с религией. Ярким примером может служить борьба *эволюционизма* (научное понимание возникновения жизни и человека) и *креационизма* (религиозное представление о создании

животных и человека Богом). В последние годы сторонники креационизма в ряде стран Европы наступательно требуют ввести преподавание креационизма в школах под лозунгом «плюрализма мнений». В силу этого в 2007 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (политическая межгосударственная организация!) приняла специальный документ – Резолюцию «Опасность креационизма для образования». Целью Резолюции – говорится в ней – «является предостеречь от определенной тенденции подменить науку верованисм». Установка «все может быть», говорится далее, может казаться привлекательной и толерантной, но в действительности является опасной. Подчеркнув первостепенную важность науки для социального развития, Резолюция отмечает, что «научный подход до сих пор не осмыслен до конца, и это способствует развитию всевозможных видов фундаментализма и экстремизма. Тотальное отрицание науки – определено одна из самых серьезных угроз правам человека и гражданским правам». Резолюция призывает «защитить и развивать научное знание, усилить преподавание основ науки, её истории, *эпистемологии и методологии* (курсив мой.– А.К.) вместе с изучением объективных научных знаний» (Опасность креационизма для образования. Резолюция 1580 (2007) Парламентской ассамблеи Совета Европы).

Теология – не наука. Этот тезис в данном контексте не следует рассматривать как скрытую отрицательную оценку («теология не наука, следовательно, её нужно отбросить, не принимать во внимание»). В жизни социума множество (большинство) явлений и процессов не являются наукой, из этого не следует, что они плохи или бесполезны. Теология, будучи теоретическим выражением некоторых религиозных представлений и чувств, имеет своё место в культуре. Только это – не место науки.

Основные направления современной философии *не утверждают философию как науку*. Философия – не наука, хотя она опирается на разум, на анализ, на стремление понять мир, не ограничена, как и наука, по тематике. Но она отличается от науки своей общей направленностью и методами. В отличие от науки, которая стремится к *конечным* целям, философия есть дискурс *о предельном и бесконечном*. Именно она и стремится постичь Истину. Конечно, отдельный философ может анализировать какие-то достаточно конкретные феномены человеческого бытия или социума, но этот феномен лишь постольку анализируется *философски*, поскольку хотя бы имплицитно рассматривается в отношении к предельному, бесконечному, к основаниям, к трансцендентальному или трансцендентному. В этом философия сходна с теологией.

С точки зрения *метода*, различие между наукой и философией в том, что первая, *в конечном счете*, опирается на факты, добытые эмпирически, а вторая есть *спекулятивное* развитие некоторых интуиций, догадок.

Общес отличие науки от философии и теологии заключается в следующем. Философия (по крайней мере классическая) и теология своим стержнем имеют проблему человека и его отношения с миром или Богом, детерминированы нравственной проблемой смысла жизни человека и её «правильности» и стремятся постичь некую Истину как абсолютный жизненный ориентир. Наука же рассматривает человека как отдельную проблему, ориентирована только на то, что в принципе *доступно естественным познавательным способностям*, то есть восприятию и интеллекту. Наука ищет не Истину с большой буквы, а добывается истинного знания о нетрансцендентных условиях жизни человека.

Второй аспект проблемы демаркации науки – вопрос о критериях отличия научного познания и знания от некоторых концепций и учений, которые провозглашают себя науками, наукообразны по форме, оперируют фактами, но, тем не менее, не могут быть включены в корпус науки. Иногда в литературе их называют *лженаукой*, *квазинаукой* и т.п. Представители же этих учений и концепций, напротив, свысока говорят об «академической науке», которая, якобы, закоснела в своих устаревших теориях и догмах. Они используют те несомненные обстоятельства, что, во-первых, с развитием науки проблем становится больше и, во-вторых, что в науке постоянно ведутся споры, иногда весьма острые. Д. Деннет очень точно подметил: «Война в критических точках науки отвлекает внимание от наличия огромного неоспоримого фундамента, <...> в жарких дебатах обычно не говорится о самом важном – о существовании организованного энциклопедического собрания, огромного количества согласованных научных фактов» (Деннет Д. Постмодернизм и истина). Именно это – наличие огромного массива «согласованных научных фактов» – представители квазинауки склонны не принимать во внимание.

Как же отличить науку от «лженауки»? Решение этой проблемы крайне важно, так как в науке ведется борьба мнений. Концепции, вначале не принимавшиеся, затем становятся общепринятыми, и наоборот, общепринятые концепции могут оказаться отвергнутыми. Поэтому от эмоциональных аттестаций типа «лженаука», «квазинаука» лучше отказаться, а приняв набор критериев, оценивать ту или иную теорию как соответствующую или несоответствующую критериям научности *на данном этапе* развития науки.

При этом следует различать критерии *научности исследования* и критерии *научности знания*.

### 8.3. Требования к научности исследования

Требования к научности исследования можно разбить на четыре группы:

- гносеологические требования;
- методологические требования;
- методические требования;
- социальные требования;
- нравственно-этические требования.

1. Важнейшие гносеологические требования таковы:

– *Ориентация на познание законов и закономерностей.* Познание отдельных свойств отдельных объектов, конечно, происходит, но имеет как бы промежуточный характер (если это не прикладная задача). Главное – познание законов.

– *Ориентация на получение достоверного (объективного) знания.*

2. Важнейшие методологические требования:

– *Пличие отрефлексированных методов.* Научным является только исследование, опирающиеся на такие методы.

– *Четкая постановка задач, вопроса, на который ищется ответ.*

3. Методические требования к исследованию, претендующему на научность:

А. Соответствие используемых процедур нормам, принятым в научном сообществе и исторически подтвердившим свою эффективность. Подлинно научное исследование никогда не начинается с нуля, оно опирается на исторически накопленный опыт, который закреплен как в уже полученном знании, так и в проверенных нормах исследования.

Б. Отсюда вытекает признак *кумулятивности*: научное знание непрерывно растет, накапливается как *единое* знание, последующее обогащает предыдущее, прежнее знание на новой стадии часто приобретает новую, более емкую, сжатую форму (термин «рост емкости научного знания» ввел А.К. Сухотин).

В. *Принцип наблюдаемости* как конечная ориентация на опыт, на эмпирию: научная теория может быть сколь угодно абстрактной и отвлеченной, но должна, в конечном счете, иметь эмпирические интерпретации. Более строго принцип наблюдаемости в науках *о природе* можно определить так: идеальный конструкт, как результат научного исследования, должен иметь физическую интерпретацию, использование которой вело бы к предсказанию и получению наблюдаемых явлений или количественных значений. Принцип наблюдаемости является *региональным*, так как в области социальных-гуманитарных наук он *в общем случае* неприменим.

Г. *Ориентация на количественные параметры* как существенная интенция научного интереса (Леонардо до Винчи говорил, что ни одно человеческое исследование не может называться истинной наукой, если оно не прошло через математические доказательства, а Кант писал, что в знании столько науки, сколько в нём математики). Это, конечно, не означает, что в каждом исследовании (особенно в гуманитарной науке) непременно должна использоваться математика, но все же стремление к строгости и точности всегда ориентирует на получение – где это возможно – количественных параметров. Наличие количественных параметров – необходимое условие построения *строгой* теории. Следует, однако, заметить, что *точность* полученного результата и немедленная эмпирическая подтвержденность не являются *необходимым* условием научности: научное знание *развивается, уточняется* в процессе развития, а эмпирические проверки сами могут оказаться непростой научной задачей.

В то же время дело не только в точности. В науках о природе количественные параметры, выявляемые в счете и измерении, выполняют, по сути, *онтологическую функцию* утверждения бытия через измерение. Об этом говорил выдающийся физик Макс Планк: *действительно то, что поддается измерению.*

В самом деле, в микромире *все* свойства объектов выражаются *количественно*: и размеры, и скорости, и массы, и прочие существенные параметры. То, чего нельзя измерить, для науки не существует. То, что *не просчитано*, почти *невозможно использовать* в современной технике.

Например, для любого механизма необходимо рассчитать прочность на растяжение, сжатие, удар, вибрацию и т.д. Такие науки как теоретическая механика и сопротивление материалов, обеспечивают теоретическую базу для этого. Пожалуй, в параллель знаменитому тезису «существовать, значит, быть воспринимаемым» (Беркли) можно выдвинуть тезис «существовать, значит, быть измеримым»;

Д. *Проверяемость процедур* исследования и их *повторимость*.

Этот пункт требует особого внимания. Наука в принципе ничего не принимает на веру. Именно поэтому *процедура исследования должна быть проверяема*. Чтобы она могла быть проверена, она должна быть тщательно описана. Наличие такого блока в научном тексте обязательно. Проверяемость процедуры исследования, во-первых, позволяет другим исследователям оценить корректность, логичность, отсутствие технических ошибок (например, в расчетах). Во-вторых, открывает возможность *повторения* исследования.

Конечно, повторение исследования бывает не всегда возможно. Например, если изучается объект, который затем перестал существовать.

Многие сегодняшние исследования настолько дороги, материало- и энергозатратны, что повторять их представляется нецелесообразным.

Поэтому требование повторимости является *региональным*, то есть неприменимым во всех науках (например, нельзя повторить историю); требование повторимости имеет ограниченное значение в социологии, хотя и применимо в принципе.

Кроме того, требование повторимости имеет исторически меняющееся значение: вместе с развитием наук его значение может как уменьшаться, так и возрастать.

Е. Использование установившихся стабильных критериев истинности полученного знания.

Абсолютными требованиями выступают три: ориентация на познание законов, четкая постановка познавательной задачи и четкое описание метода и процедуры исследования, с тем чтобы принципиальная возможность повторения и проверки всегда имела место.

4. Объективным *социальным* требованием к научному исследованию является его *существенность* с точки зрения актуальности, общественной полезности.

Один из американских социологов говорит: наука это поиск. Не имеет значения, что Вы хотите обнаружить. В гносеологическом аспекте вторая часть этого высказывания может быть и верна, но в социологическом плане – нет. Требование существенности и социальной полезности следует принимать во внимание в оценке того, является ли исследование научным.

*При этом, конечно, решать этот вопрос компетентно могут лишь сами ученые.* Тем более что социальная полезность новых теоретических идей далеко не всегда бывает сразу ясна, а их практическое применение может быть отделено от момента их формулировки годами и даже десятилетиями.

5. Важнейшее *нравственно-этическое требование* научного познания – интенция на *поиск истины*. Отсюда – *самокритичность* научного мышления, отрицание легковёрности в принятии полученных результатов: проверка, проверка и еще раз проверка – вот девиз науки. Честный и трезвый ученый проверит и перепроверит результат, прежде чем представить его научному сообществу.

## 8.4. Критерии научности знания

Критерии научности *знания* коррелятивны критериям научности *исследования*, но полностью с ними не совпадают.



Утверждая, что в науке существуют не абсолютные, а условные критерии достоверности знания, отечественный философ В.И. Курашов называет следующие: практичность (характерен для экспериментальных наук), прагматичность (характерен для технических наук), понятийно-терминологическая строгость (характерно для теоретических наук, особенно для математики, логики, теоретической физики), простота (один из вариантов – принцип экономии мышления у Э. Маха), очевидность, красота, соответствие здравому смыслу.

«Эти критерии, – пишет Курашов, – принимаются различными группами ученых в различные времена, как правило, на основании ситуационных предпочтений... что подтверждает их условность и относительность» (Курашов В.И. *Prima elementa* научного познания).

С этими положениями нельзя согласиться полностью. Понятийно-терминологическая строгость действительно характерна. Для технических и вообще прикладных наук прагматичность в смысле практической применимости действительно важный, можно сказать, решающий, критерий.

А вот экспериментальные науки совсем не ориентированы на практику. Напротив, они ориентированы на теорию в том смысле, что готовят для неё эмпирическую базу. Простота, очевидность, красота – критерии весьма условные. И уж совсем не приемлем критерий соответствия здравому смыслу. В своих наиболее глубоких теориях наука всегда противоречила здравому смыслу, вся суть науки в том, что она преодолевает ограниченности здравого смысла, и это было всегда.

Гораздо более прав французский философ Г. Башляр, утверждавший, что наука всегда противоречит непосредственной феноменальной данности, имеет дело с *сюрреальностью*. Особенно отчетливо это видно в теоретических науках. Как говорит Ф. Ницше, все самое главное рождается *вопреки*. Это справедливо как для мира мышления, так и для мира деятельности. Всякая новая истина рождается вопреки очевидности.

В перечне Курашова не различаются общие и *региональные* критерии истины, а также критерии истины и критерии *приемлемости*, критерии истины и признаки научности.

На самом деле, к научным идеям, положениям и теориям полностью применимы все те положения о критериях истины, которые были сформулированы в разделе об истине.

Особенность заключается лишь в том, что эти критерии в основном формальны. Понятие научности знания является оценочно-теоретическим: мы полагаем знание научным *до того*, как оно получило практическое подтверждение. Поэтому тут речь идет не о требованиях (поскольку оцениваем уже полученное, имеющееся налицо знание), а о *признаках*.

1. Признаком научного знания (то есть положений, сложных описаний и теорий) является его *последовательность, непротиворечивость, связность*. Знание, находящееся на стадии становления, развития, не сразу может предстать в виде *системы*, но бессвязным оно не может быть.

2. В рамках одной содержательной (объектной) области признаком научности знания является *связь с предыдущим знанием* (даже если новое знание опровергает старое). В теоретической физике это реализуется через так называемый *принцип соответствия*.

3. Важный признак – *согласованность* с «соседними» областями знания. Например, физиологические знания должны быть согласованы со знаниями физическими, химическими, а знания из истории литературы не должны вступать в противоречие с историческим знанием, которое, в свою очередь, должно согласовываться с экономическим и т.д.

## 9. МЕТОДЫ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ И ФОРМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Научное познание актуально реализуется в процедурах, которые мы называем «научное исследование».

### 9.1. Соотношение понятий «познание» и «исследование»

*Познание* – понятие собственно философское, гносеологическое. Оно обозначает тип человеческого отношения к миру. Это термин философии, которым, по крайней мере в русском языке, в обыденной, да и научной практике, мы пользуемся очень редко. Мы не говорим «я познаю физику», а говорим «я изучаю физику». Эти выражения относятся к познанию-учению. Ученый не скажет «я познаю особенности поверхности Марса», а скажет «я исследую» (или изучаю) особенности поверхности Марса». Или не «я познаю химический состав этого минерала», а «я исследую (изучаю) химический состав этого минерала». Хотя в обоих случаях речь идет именно о познании некоторых объектов.

*Исследование* – технический термин, не гносеологии как таковой, а её раздела – теории целенаправленно-систематического познания. Таковыми являются научное познание (имея в виду как естественные, так и гуманитарные науки), философия и теология. Он обозначает конкретную познавательную процедуру, задуманную, организованную, имеющую конкретную цель, ясное начало и запланированный конец.

*Целенаправленно-систематическое познание эмпирически всегда складывается из совокупности или серии исследований*, так что можно сказать, что *исследование есть момент познания*. Познание в потенции бесконечно, а исследование всегда конечно, оно начинается и кончается. Оно должно быть целым, а целое, как говорил Аристотель, это то, что «имеет начало, середину и конец». Исследование прекращается тогда, когда получен положительный или отрицательный результат – решение познавательной задачи или убеждение в невозможности её решения. (Оно может быть прекращено и по другим, социальным причинам.) Завершение *исследования* не означает прекращения *познания* в данной области или даже данного объекта. Могут быть поставлены новые задачи и организованы новые исследования. Собственно, с технической (эмпирической) стороны наука именно так и развивается. Таков же способ бытия и

философии и теологии как сфер человеческого познания, хотя там термин «исследование» менее нагляден и адекватен.

## 9.2. Этапы организации научного исследования

Моментами (этапами) *организации* научного исследования являются:

- выбора объекта;
- выбора предмета;
- формулировка проблемы;
- постановка познавательных задач (вопросов);
- познавательные действия (акты).

Первые 4 пункта и сами могут быть актами познания, часто весьма сложными. Кроме того, *возможны* следующие акты:

- информационный (библиографический) поиск;
- выбор или выработка методики;
- выдвижение объясняющей идеи;
- формулировка рабочей гипотезы как предположительного ответа на исследуемый вопрос.

Перечисленные акты – чисто интеллектуальные. Далее возможны акты комплексные, в которых задействован не только интеллект:

- проведение *наблюдений* и *измерений* *и/или* *счета*;
- *разработка* эксперимента, изготовление экспериментальной аппаратуры (установки) (интеллект + инструменты + производство);
- проведение эксперимента (серии экспериментов), измерение, счет экспериментальных данных (интеллект + восприятие + инструменты);
- обработка данных наблюдений и экспериментов – построение графиков, таблиц, словесных описаний, формул (интеллект + естественный и специальный язык + инструменты + компьютер);
- счетные операции (инструменты);
- решение полученных уравнений (язык математики + инструменты).

На завершающей стадии вновь главными становятся интеллектуальные акты:

- сопоставление полученных данных с гипотезой;
- развертывание положений гипотезы в теорию, в случае если гипотеза подтвердилась;
- поиск новой объясняющей идеи, если гипотеза не подтвердилась;
- построение теории.

Понятно, что в обыденном повседневном познании большей части этих возможных актов просто нет (например, изготовления эксперимен-

тальной установки или выдвижения гипотезы). В познании-учении многие акты имеются в трансформированном виде, например, проблему формулирует не сам учащийся, а учитель или учебник, а эксперимент не наблюдается, а читается рассказ о нем и его результатах.

Но и в научном познании не все акты обязательны всегда. Здесь перечислены акты, которые *вообще* могут случиться в исследовании, это не значит, что в каждом исследовании все они имеют место. Бывают познавательные задачи достаточно простые, которые не требуют столь многообразных действий. Например, для установления химического состава вновь открытого минерала достаточно по известным в аналитической химии методам провести ряд проб (воздействий определёнными веществами, например кислотами).

Казалось бы, что эти положения просты и очевидны. Однако не всегда они практически учитываются. Например, в учебном пособии «*Математические методы в социологии*» (Агабемян и др., 2005) авторы, характеризуя структуру социологического исследования, забыли указать такие важные моменты, как *выделение предмета и формулировку проблемы*, без чего никакое исследование не может претендовать на научность. И сверх того, явно не различают *проблемную ситуацию в обществе и научную проблему*, формулируемую социологом-исследователем.

### 9.2.1. Информационный поиск

Важной чертой научного познавательного действия является этап *информационного поиска* – поиска уже имеющихся знаний в области предмета и темы исследования. Большой частью это библиографический поиск, то есть поиск публикаций по теме. В информатике имел место спор – является ли библиографический поиск моментом научного исследования или его можно поручить техническому помощнику, например библиотекарю. Современные исследования показали, что сам информационный поиск выполняет важные *эвристические функции*:

- в процессе поиска *уточняются* (а иногда даже *меняются* или даже вообще *выбираются*) объект и тема исследования. Определяются предмет, цели и задачи;
- простое чтение заголовков литературы в ориентировочно выбранной области дает первичное представление как о разработанных, так и не разработанных аспектах этой объектной области;
- в процессе поиска формулируется или уточняется проблема, представляющаяся или наиболее актуальной, или наиболее разрешимой в ус-

ловиях лимитирующих факторов (время, средства, в том числе финансы и т.п.).

В силу этого будущий результат в определенной мере предопределен информационным поиском.

### 9.2.2. О предметах научного исследования

Всё ли может быть предметом научного исследования, или его область чем-то ограничена? Отвечая на этот вопрос одним из первых, Аристотель утверждал, что наука интересуется только *общим* и *необходимым*. Случайное и несущественное её не интересует. Это означает, что она должна вскрывать *законы* больших областей. Такое понимание было обусловлено неразвитостью наук той эпохи, многие из которых вообще отсутствовали, а другие находились в зачаточном состоянии.

Сегодня мы видим, что наука может выбрать предметом исследования *что угодно*, в том числе явления единичные и случайные.

Например, социологическое исследование может быть направлено на изучение общественного настроения такой-то (ограниченной) группы здесь и сейчас. История вся складывается из единичных событий, которые изучаются историком, при этом задача выявления закономерностей может не стоять: стоит задача реконструкции того, что произошло. В естественных науках это тоже возможно: так, наука о Солнце изучает именно единичный объект в его единичности, при этом мы не всегда можем предвидеть, какие из проявлений солнечной активности существуют, а какие нет, поэтому стремимся узнать максимум возможного.

Современная философия науки ставит вопрос о других ограничениях науки, а именно о *нравственных*. Наука открыла и даже создала много такого, продолжение изучения чего представляется опасным для человечества. Например, разработка вопросов клонирования, особенно клонирования человека, рассматривается как нарушение нравственного отношения к человеку и поэтому запрещена во многих странах.

Но не следует смешивать два совершенно разных вопроса: вопрос о *принципиальных границах применимости* методов научного познания и вопрос о выборе, который делает субъект. Наука развивается не мистическим образом, а людьми, и люди сами делают выбор, что изучать, а что не изучать. И большей частью решение принимается *не на гносеологических и не научных основаниях*, а на иных – экономических, нравственных, политических, коийонктурных и т.п. Все это относится к функционированию науки как социального института, а не как гносеологического

многообразия, которое *в принципе и тенденции* не ограничено. Хотя на каждом историческом этапе, или в каких-то специфических условиях духовных основ общества, границы возможного выбора предмета ится. В принципе запретить искания человеческого разума (то есть научные исследования) невозможно: все запреты всегда были лишь временными.

### 9.3. Формы представления научного знания

Общей формой представления научного знания являются разнообразные дескрипции – выражения естественного или искусственного языка, в которых нечто утверждается (или, иногда, отрицается).

А. Простейшие дескрипции – это *словесные описания* в естественном языке, утверждения или отрицания чего-либо о чем-либо.

По содержанию они могут касаться чего угодно – от Бога («Бог всемогущ») и Вселенной («Вселенная бесконечна в пространстве») до кулинарного рецепта («чтобы тесто подошло, оно должно постоять в тепле»).

По уровню и глубине знания *имеют степени*: от простой фиксации свойства («вода при температуре ниже нуля замерзает») до выражения закона («скорость света является предельной»). Хотя эта фраза похожа на утверждение свойства, на самом деле это дескрипция глубочайшего закона природы.

Дескрипции такого рода постоянно и разнообразно используются во всех типах и формах познания – и в быденном, и в учении, и в исследовании; и в науке, и в философии, и в теологии. Исключение составляет область искусства.

Б. По мере развития познания и усложнения знания появились неудобства и трудности выражения идей в естественном языке. Поэтому в науке появились специфические средства.

а. Возникло *символическое* обозначение основных понятий и выражение идей в виде формул:

- математических, Ех.:  $y = f(x)$ ;
- физических, Ех.:  $I = U/R$  (закон Ома),  $E = mc^2$  (формула Эйнштейна);
- химических, Ех.:  $CCl_2 + H_2O \rightarrow 2HCl + CO$ ;
- социологических (Ех.:  $B = \sum P_{n3}$ ).

Язык формул используется практически во всех науках о природе и иногда в некоторых гуманитарных науках. Большей частью применение «формульного языка» означает использование *количественных* идей и, следовательно, математизацию данной отрасли знания. Но не всегда. Например, химические формулы типа приведенной выше, хотя и выражают

некоторые количественные отношения, однако суть их не только в этом. Они описывают также и качественные преобразования. Приведенная выше социологическая формула вообще не имеет строгого количественного смысла, то есть не является расчетной. Хотя, конечно, социология широко использует математическую обработку своих данных, но это будет применение именно математических формул, а не социологических.

б. Важное значение (не одинаковое в различных науках) имеет язык изображений:

– *рисунки* (например, в ботанике, в анатомии);

– *фотографии* (в современной физике без них невозможно обойтись, используются они и в социологии; см.: Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования);

– *карты*. Существует большое разнообразие всевозможных карт в различных науках (географические физические карты описывают ландшафтный облик земной поверхности, политические – показывают структуру полиса, то есть политического многообразия, климатические карты, карты почв, карты флоры и фауны, карты залегания полезных ископаемых, существуют карты звездного неба, карты поверхностей луны и некоторых планет и т.д.). *Любая карта – это не что иное, как дескрипция, выражающая некоторое знание. Как всякое знание, она может быть более или менее полной и точной, и ошибочной* (например, карты, созданные в Средние века, содержали много ошибок);

*чертеж, схемы и графики* (применяются почти во всех науках, в том числе и в социологии).

в. Широко применяются в современных науках:

– *перечни и списки* различного рода (в том числе сравнительные, хронологические и пр.) Это обусловлено возрастанием роли структурных описаний и классификаций как форм познания и знания;

-- *таблицы* (например, таблица Менделеева или табличная дескрипция).

Табличная дескрипция диспозиционной структуры личности

Уровень активности	Тип установки	Предмет установки	Форма проявления установки
Психосоматический	Динамический стереотип	Сенсорные предметы	Привычки
Поведение	1. Стереотипы (attitud) 2. Ориентации	1. Социальные объекты и ситуации 2. Сферы жизнедеятельности	1. Поведенческие акты 2. Личностные смыслы
Деятельность	Целиностные ориентации	Стратегические цели жизни	Поступки

Цит по: Пирогов С.В. и др. Общая социология С. 52.



В любом справочном издании по физике можно найти множество таблиц и списков, в которых представлены какие-либо свойства веществ (например, плотность или удельная теплоемкость).

Знания отличаются не только тем, *как* они выражаются, в дескрипциях какого типа, но также и тем, *что именно* в них выражается, *какая сторона объекта* или *объектной области*. Самыми важными и типичными объектными характеристиками знания являются следующие.

*Дескрипция свойства:* «все четные числа без остатка делятся на два», «поваренная соль растворяется в воде»

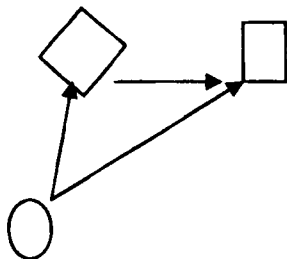
*Дескрипция функции:*  $x = 2y + b$ .

*Дескрипция состава:* «воздух состоит из смеси газов: кислорода, азота, водорода, углекислого газа и др.»

*Дескрипция количественных параметров:* «плотность железа при комнатной температуре составляет  $7,88 \text{ г/см}^3$ », или, «обозначив плотность железа через  $P_{\text{ж}}$ , имеем « $P_{\text{ж}} = 7,88 \text{ г/см}^3$ ».

*Дескрипция структуры в виде описания:* «солнечная система представляет собой множество планет, движущихся вокруг солнца примерно в одной плоскости».

*Дескрипция структуры в виде схемы:*



Знания существуют в различных формах. Обычно они образуют *смысловые группы*, которые, в свою очередь, образуют (как рефлексивно, так и бессознательно) сложные устойчивые конструкции, которые в современных когнитивных науках называют *когнитивными схемами*, или *фреймами* (англ. frame – сооружение, остов, каркас). Они хранятся в памяти как некие *смысловые сингулярности*. В одной из работ по методологии научных исследований фреймы определяются так:

«Фрейм – это единица представления знания, усвоенного в прошлом, детали которой могут быть изменены согласно текущей ситуации» (Методы исследования и организации эксперимента. Харьков, 2002. С. 27).

В сознании фрейм не существует в готовой вербализованной форме, но он может быть представлен как остов сложной мысли в виде схемы, «сети, состоящей из вершин и отношений между ними» (Там же).

### Различные схемы фрейма АРКА



Дескрипции всех типов лишь постольку являются носителями знания для *воспринимающего* их субъекта, поскольку он знает язык, на котором они созданы: знает значения математических и прочих символов, знает смысл употребленных в них терминов, умеет читать карту и чертеж, расшифровывать графики и т.п. Аналогичным образом субъект, *впервые* получивший некоторое знание, должен уметь их выразить в объективированной знаковой форме некоторого языка, которым он владеет. Например, уметь составлять (рисовать) план, схему, карту; перевести числовые значения, полученные в процессе измерения, в график и написать соответствующую функцию и т.д. То есть новое знание не ложится на чистую доску сознания, а ложится на базис имеющегося тезауруса, вписывается в него. Строится на его базе.

Даже не очень сложный объект многосторонен, и знание о нем обычно (на простейшем уровне) представляет собой *комплексное описание*, то есть *совокупность дескрипций*, причем они могут быть дескрипциями различного вида.

Например, комплексное описание (дескрипция) вновь найденного (ранее неизвестного) минерала может включать в себя словесное описание внешнего вида (на основе образца) – цвета, видимой глазом структуры, пластичности или хрупкости; фотографию образца с указанием линейных размеров; растворимость в воде, теплоемкость и т.п. Аналогичным образом вновь открытое ботаником растение тоже представляется в комплексной дескрипции: внешний вид стебля и листьев, высота, окрас, форма цветка, число семян в коробочке и т.п.

В социологии такой комплексной дескрипцией может явиться описание институализированных внутренних отношений при включенном наблюдении.

Одни дескрипции делаются на основе простого внешнего рассмотрения, другие требуют измерений и длительных предварительных исследований.

Наиболее сложной и совершенной дескрипцией некоторой объектной области является *теория*. Теория – совокупный познавательный образ множества свойств, отношений и закономерностей какой-либо объектной области, состоящий из множества дескрипций, хотя бы частично связанных *отношениями выводимости*. Теории бывают различного типа, о чем будет сказано в дальнейшем.

Естественно, что простое знание слов, формул, знаков – это еще не подлинное знание, если оно не сопряжено с возможностью и умением *действовать* как с дескрипцией знания, так и с его объектом (то есть реализовать прагматическую функцию знания). Если этого умения нет, то, по словам известного отечественного советского философа Э.В. Ильенкова, есть только «иллюзия знания». «Действительно знать предмет – значит уметь обращаться с ним и разбираться в нём» (Ильенков Э.В. Знание и мышление).

#### 9.4. Что такое метод научного познания?

Идея о том, что познание должно использовать определенные методы, позволяющие достичь достоверного знания, была обоснована Ф. Бэконом и Р. Декартом (работы Декарта «Правила для руководства ума» и «Рассуждение о методе»). Название Правила IV первой из названных работ гласит: «Метод необходим для отыскания истины». Декарт весьма эмоционально выражает значение метода: «Уж лучше совсем не помышлять об отыскании каких бы то ни было истин, чем делать это без всякого метода, ибо совершенно несомненно... что... беспорядочные занятия и тёмные мудрствования помрачают естественный свет и ослепляют ум» (Декарт Р. Правила для руководства ума).

Под методом Декарт понимает «точные и простые правила, строгое соблюдение которых препятствует принятию ложного за истинное и... постепенно и непрерывно увеличивает знания, способствует тому, что ум достигает истинного познания всего, что ему доступно» (Там же). В «Рассуждении о методе» он формулирует четыре весьма общих правила, которые пригодны для любого познания, независимо от природы познаваемого.

Слово «метод» в переводе с греческого означает «путь». То есть метод указывает путь, ведущий к познанию и пониманию изучаемого предмета. Но это путь не в пустоте к предмету, а, так сказать, путь *по* предме-

ту, то есть метод должен быть *адекватен природе предмета*. Поэтому, кроме общих рекомендаций типа декартовских, современные науки выработывают собственные специфические методы. Есть методы астрономических наблюдений, методы исследования микрообъектов, методы изучения поведения животных, методы исторической науки, методы социологических исследований – и они существенно различны. Это методы специальные, узкие, нацеленные на решение вполне конкретной отдельной задачи. Разумеется, эти методы создают, разрабатывают сами ученые, и часто это бывает основной трудностью – разработать метод, адекватный данной познавательной ситуации. Здесь возникает методический парадокс, аналогичный парадоксу части и целого, приведенному к идее герменевтического круга: для познания предмета надо иметь метод, но чтобы метод был адекватным и действенным, нужно уже знать что-то о природе предмета.

Однако эта трудность возникает лишь при изучении чего-то *принципиально* нового. Фактически же все науки уже накопили мощный методический арсенал и, главное, опыт конструирования методов.

Помимо конкретных методов, ориентированных на решение конкретных задач, уже определились *типы методик*, определяемых своеобразием типа исследования, обусловленного своеобразием предмета исследования. Есть исследования, где определяющей является *наблюдательная* компонента – астрономия, метеорология, политология, социология, этнология и др. Есть исследования, где определяющей является *аналитическая* компонента – лингвистика, литературоведение, химия, физиология и др. Есть исследования, где определяющей является *аналитико-конструктивная* компонента – математика, теоретическая физика, математическая экономика. Есть исследования, где определяющей является *наблюдательно-конструктивная* компонента – экспериментальная физика, теоретическая химия и др.

Помимо конкретных методов конкретных наук существуют общенаучные и междисциплинарные методы. Примером может служить *системный метод, метод системного анализа*, который применим во многих науках.

В развитых науках разработаны большие массивы методов исследования, и области методов сами стали особыми направлениями науки. В процессе обучения студенты (будущие ученые-исследователи) осваивают не только теоретическое содержание своей науки, но и методы, применяемые в ней. В социологии существует дисциплина «Методы социологических исследований».

Не всякую познавательную задачу можно решить, применяя уже разработанные методы. Наиболее новые, оригинальные и трудные проблемы

требуют разработки новых методов, что и должен в первую очередь сделать исследователь. Если вновь разработанный метод даст положительный результат, он войдет в копилку методов данной науки.

Вместе с тем надо учитывать и обстоятельство, на которое указал известный современный американский физик Томсон: «Научный метод – не столбовая дорога, как думал Бэкон, скорее это совокупность правил, иногда общих, иногда частных, которые помогают исследователю в пути через джунгли поначалу разрозненных, противоречащих друг другу фактов. Научное исследование – это искусство, а правила в искусстве, если они слишком жёстки, приносят больше вреда, чем пользы» (Томсон Д. Дух науки). Творчество, интуиция проявляются в разработке *процедур* исследования, которые постоянно разрабатываются применительно к конкретной задаче, и здесь не может быть шаблонов. Разработка и четкое описание процедуры – обязательное условие научности исследования.

#### **9.4.1. Диалектика соотношения «объект – метод – инструмент – знание»**

В процессе познания получаются не только отдельные знания, но и возникают новые отрасли знания, новые методы, создаются новые инструменты (как материально-вещественные, так и интеллектуальные). Между этими составляющими процесса познания существует сложная взаимосвязь и обусловленность. Так, еще в древности человек стал изучать минералы, растения и животных. На определенном этапе было понято, что эти группы явлений требуют для своего изучения различного подхода, различных методов.

Изобретение увеличительного стекла имело различные следствия:

– изобретение микроскопа → открытие совершенно новой области изучения – микроорганизмов → возникновение особой научной отрасли – микробиологии → потребность в новых методах и инструментах;

– другая линия: изобретение микроскопа → обострение проблемы закономерностей движения, отражения и преломления света → открытие новых эффектов в движении света в искусственных условиях (например, дифракция и интерференция света → становление оптики как строгой физической дисциплины (оформление нового объекта познания) → создание новых приборов и методов → возрастание остроты в проблеме природы света и т.д.

Создание дифференциального исчисления как интеллектуального (математического) аппарата привело к мощному развитию математики и

расширению её технических применений → появление новой отрасли знания.

## 9.5. Уровни, формы и методы научного познания

### 9.5.1. Эмпирический и теоретический уровни научного познания и знания

Научное познание (и научное знание) традиционно делится на уровни и формы, а именно *эмпирический* и *теоретический* уровни и соответствующие формы знания.

Эти уровни различаются следующим.

На *эмпирическом* уровне объектом познания является нечто эмпирически существующее, скажем, химик исследует состав какого-нибудь вещества. Он его может рассматривать, взвешивать, обрабатывать различными реактивами, наблюдая реакцию, и т.п.

Социолог может тем или иным способом изучать состав какой-либо социальной группы (например, какого-либо религиозного сообщества или семьи в каком-либо национальном сообществе). Зоолог путем обследования местности может выявить меру распространенности какого-либо насекомого или вида птиц и т.п.

На *теоретическом* уровне исследователь имеет дело с некоторым *теоретическим* (а не физическим) объектом, который только *мыслится*, но не может восприниматься органами чувств. Скажем, химик исследует структуру молекулы какого-либо вещества. Изучается не отдельная молекула, а сложный комплекс ранее добытых эмпирических данных и теоретических знаний и чисто теоретически пространственная структура молекулы описывается или представляется в графическом виде. Например, структура воды представляется как  $H_2O$  или  $H - O - H$ . *Молекула* – реальный объект, но ни химик, ни физик «не держал её в руках» и даже не видел. *Структура молекулы* – это *теоретический* объект, он создается и исследуется путем логического анализа, рассуждения и системы умозаключений и доказательств. Аналогичным образом социолог анализирует «семью вообще» как социальное явление. «Семью вообще» нельзя ни видеть, ни измерить, её можно только сконструировать в мысли, это теоретический объект.

В большинстве наук есть как эмпирический, так и теоретический уровень исследований.

Но есть и чисто эмпирические, описательные науки, особенно такими были науки на ранних этапах развития. Например, ботаника и зоо-

логия начали формироваться еще в Античности и в течение многих столетий оставались чисто описательно-эмпирическими: ботаники и зоологи искали и находили на Земле все новые и новые виды растений и животных и описывали их. При этом они не строили никаких теорий относительно того, как развиваются эти виды, есть ли между ними какие-то отношения и связи и т.п. Но примерно с XVIII в. стали предприниматься попытки «упорядочить» обнаруженное многообразие, классифицировать его. Например, была создана классификация Карла Линнея. Аналогичным образом дело обстояло с химией. Долгое время химики лишь открывали и описывали химические вещества, но с XVII в. стали устанавливать закономерные связи свойств веществ с их структурой, механизмы взаимодействия – и тут уже (главным образом в XIX в. и в особенности после создания Д.И. Менделеевым его знаменитой таблицы элементов) формируется теоретический уровень. Хотя, конечно, химия и в настоящее время имеет широкую и мощную эмпирическую основу.

В то же время с первых дней научного познания в нем появились и *чисто теоретические науки* – это математика и логика. Математика не имеет дела с эмпирическими (физически существующими) объектами.

Относительно чисел или, тем более, отрицательных или иррациональных чисел это очевидно. Числа – чисто интеллигибельные объекты, которые создал человеческий интеллект. А как быть с геометрией и её производными и приложениями? Кажется, она имеет дело с эмпирическими вещами, которые мы можем видеть, измерять – с линиями, фигурами. Действительно, круг, квадрат и т.п. мы можем вырезать из фанеры, они будут иметь твердость, цвет и т.п. Но не эти и подобные им вещи являются предметом геометрии! Круг как математический объект не имеет никаких физических характеристик, даже величины или площади. Это чисто теоретический объект, как и треугольник и угол. Скажем, свойства углов изучаются независимо от конкретной величины конкретных углов, которые мы можем нарисовать. Они все одинаковы для всех углов. То же самое можно сказать и о треугольнике. И хотя мы знаем разные типы треугольников (остроугольные, прямоугольные и т.п.), все необходимые соотношения (внутренние свойства) треугольника одни и те же.

Всякий теоретический объект, как говорил Кант, *существует в единственном числе* и имеет лишь необходимо присущие ему свойства и не имеет никаких случайных или специфических свойств.

В *социологическом* смысле можно выделить фундаментальные и прикладные науки.

Слово «фундаментальная» (наука) ни в коем случае нельзя связывать только с идеей особенной глубины знания и т.п. Но часто именно так и

понимают, относя к фундаментальным наукам математику, теоретическую физику, теоретическую биологию, космологию. Конечно, эти науки фундаментальны в том смысле, что они лежат в основе всех прочих естественных наук. Но деление на фундаментальные и прикладные имеет другой смысл. Фундаментальными являются все науки, исследования в которых не имеют в виду немедленного практического применения. В этом смысле фундаментальными науками являются, например, история или теоретическая социология, с одной стороны, и описательная ботаника и зоология – с другой. Прикладные же науки – те, в которых исследования проводятся для применения его результатов в практике немедленно. Яркий пример – прикладная социология, которая научно решает некоторые практические задачи. Физика *в целом* – фундаментальная наука, но в ней масса прикладных подразделений и направлений. Например, физика твердого тела или электротехника и т.д.

В фундаментальных и прикладных науках может быть как эмпирический, так и теоретический уровень, хотя, в зависимости от задачи, может быть исследование того или иного уровня.

Социология как наука представляет собой некий конгломерат весьма общих теоретических и чисто прикладных, практических задач. Поэтому она отчетливо делится на теоретическую социологию (фундаментальная наука) и прикладную. И тут есть некая проблема, решение которой отличается от решения аналогичной проблемы в естествознании. Теоретическая социология не является эмпирической. Она не опирается на прямое обобщение массивов какой-то эмпирической информации. С другой стороны, «эмпирические исследования могут начинаться без теории общества и завершать свои проекты тоже без теории общества» (Н. Луман). Подобное утверждение может быть понято неверно, будто эмпирические исследования не нуждаются ни в какой теории. Луман, конечно, утверждает не это. Он утверждает, что эмпирические исследования не нуждаются в *общей* теории общества как целого и не являются базой для её создания. В этом пункте, однако, социология не отличается от физики. Конструктор вертолетов, исследуя эффективность работы винтов различных конструкций, конечно, «не нуждается» в теории всемирного тяготения, как и в общих законах термодинамики. Однако факт притяжения вертолета к земле и его знание служат общим условием осмысленности его работы. В эмпирических социологических исследованиях либо подспудно и нерелексивно, либо вполне осознанно лежат некие общетеоретические представления, которые обуславливают интерпретацию получаемых данных. Другое дело, что в социологии нет общепризнанного теоретического образа общества (подобного закону всемирного тяготения



ния). И другое дело, что в современной социологии чрезвычайно развиты исследования типа маркетинговых и описательных.

В действительности же подлинно научное социологическое теоретическое построение, чтобы быть осмысленным, должно иметь *эмпирические интерпретации* и эмпирическую *применимость* (как и всякое знание вообще), то есть *что-то объяснять в реальном социальном процессе*. Построения, не отвечающие этому требованию, просто выпадают из границ науки.

Методы научного исследования для двух основных уровней научного познания – эмпирического и теоретического – различны.

### **9.5.2. Методы эмпирического исследования**

Эмпирическое исследование включает в себя некоторые *необходимые этапы*.

Изучение эмпирически данного объекта начинается с его *открытия*. Оно может произойти случайно, и в прошлом это бывало достаточно часто. Сейчас, однако, мир изучен и познан весьма широко, и случайное открытие нового объекта – редкость.

Поэтому необходимы:

- *поиск* чувственно данных объектов;
- *эмпирическая фиксация* чувственно данных *свойств*;
- *описание* чувственно данного объекта.

**Поиск объектов и открытие эффектов.** В развитии науки обнаружилось, что в объективном мире существуют предметы и явления, которые требуют специального поиска. Можно выделить три типа таких объектов поиска:

1. Обычные, эмпирически доступные, предположительно существующие, но еще не попавшие в поле зрения исследователей; например, в течение веков ботаники искали новые растения, зоологи – новых животных, геологи – новые минералы, географы – новые земли, озера, реки и т.п. Сейчас находки такого рода уже редки, но, тем не менее, случаются.

2. Явления, *предположительно* существующие, но недоступные чувственному наблюдению в силу малости размеров или интенсивности проявления или значительной удаленности; в поиске такого рода объектов и явлений как раз и применяются технические средства наблюдения – микроскопы, телескопы, радиотелескопы и пр. Так, например, были открыты различные органы живой клетки, несмотря на её малость. Схема мыслительности «все имеет строение, из чего-то состоит» «сработала», и биологи, упрямно рассматривая клетку во всё более мощные микро-

сконы, открыли объекты, составляющие элементы её строения; астрономы на протяжении веков, усиливая свои технические средства, постоянно искали и сейчас ищут (и находят!) все новые астрономические объекты – звезды, планеты, кометы, астероиды, галактики и т.д. Иногда находят и принципиально новые (например, сравнительно недавно открыты «черные дыры»).

Яркими примерами поиска объектов являются поиск историком исторических документов (когда появилось предположение о возможном существовании таких документов), поиск археологами материальных остатков древних культур (археологические раскопки).

3. Объекты и явления, в принципе недоступные прямому эмпирическому наблюдению: они обнаруживаются теоретически, а наблюдаются косвенно – путем изучения (рассматривания) фотографий, необычных эффектов, анализа количественных данных и т.п. Таким способом открыты поле тяготения, магнитное поле, все элементарные частицы, ядра атомов, «чёрные дыры», «фоновое излучение» в космосе и т.д.

В подобных случаях объект открывается *теоретически*, он не видится, чувственно не дан, но его эмпирическое существование фиксируется. Объект обнаружен, найден и может быть предметом дальнейшего эмпирического исследования. Это в полной мере касается и открытия *неналенных свойств*. Например, открытие свойства полупроводимости, или сверхпроводимости, или количественного свойства удельной теплоёмкости и т.п.

Существуют ли такие задачи в социологии? Примером первого является обнаружение какого-либо феномена в некоторой культуре, уже известного в другой. Поскольку социум динамичен и историчен, в обществе регулярно появляются новые типы отношений, явления, ранее не существовавшие. Например, небольшая религиозная секта может сформироваться в стабильное и обширное религиозное образование международного масштаба (что неоднократно наблюдалось). Сравнительно недавно в некоторых странах появились такие явления, как однополая семья или эвтаназия. Как бы ни относиться к этим явлениям с нравственной или религиозной точки зрения, поскольку они обнаруживаются как социальная реальность, для социолога они могут быть объектами исследования. В *философии действия* фиксируются отличия (особенности) коллективного действия в сравнении с действиями индивида и т.д. Не всегда образование новых феноменов замечается социологами сразу. Их рефлексивное фиксирование и есть открытие, обнаружение нового объекта.

«Изучение объекта» в науке – это, вообще говоря, абстракция. Всегда в объекте изучается какая-то сторона, аспект. Причем сам выбор этих аспектов есть продукт исторического движения мысли. Так, например, в

химическом познании (начиная с донаучной стадии существования химических исследований) сначала *открывались* различные химические вещества и *описывались* их свойства и способность взаимодействовать между собой. Затем к разнообразию веществ была применена античная философская идея *элемента*, то есть простейшего начала, исследовался вопрос, какие вещества суть элементы, а какие – сложные, составные. Стали открываться не просто новые вещества, а новые элементы. Потом последовал вопрос о том, *чем определяются* свойства сложных веществ с естественной установкой, что они определяются свойствами входящих в сложное вещество элементов, то есть *составом* («материей» в логико-онтологическом смысле). Лишь в XIX в. русским химиком Бутлеровым было введено понятие «химическое строение» (после довольно трудного преодоления господствовавших схем мыследательности), химия стала изучать *структуру* молекул («форму» в категориальном смысле) и зависимость свойств веществ от этой структуры (а не только от состава). В XX в. мысль двинулась дальше – к изучению зависимости *химических* свойств веществ от их *физических* свойств, от физических свойств атомов. Возникла квантовая химия.

Имеет ли это какое-либо отношение к социологическому познанию? Несомненно. Любое сущее имеет и состав, и структуру, и внешние свойства и глубинные основания этих свойств – и все это может быть предметом исследования. Например, семья как социологический объект может исследоваться в аспекте состава (в том числе количественного – сколько членов семьи, и качественного различия членов семьи по полу, возрасту, роду и уровню занятий и т.п.). Но столь же естественно изучение структуры – конкретному типу отношений (как устойчивых, так и изменяющихся) между членами семьи и влияние как состава, так и структуры на внешние свойства семьи (то есть на её отношения к внешним условиям её существования). Причем подобное исследование может иметь различную степень общности, то есть может быть исследована (с какой-то целью) *одна* семья, а может быть дана типология семей по данному признаку, их значение в обществе или в соотношении с типом культуры и т.д. Познавательных задач может быть поставлено множество.

Существует проблема изучения неявленных свойств, которые есть у разных объектов. Свойства социальных объектов все являются именно неявленными, так как они не воспринимаются органами чувств, будучи *отношениями*. Например, можно предположить, что отношения внутри неполной семьи отличаются от отношений внутри полной семьи. Особенность этих отношений есть неявленное свойство семьи. Актом познания является их обнаружение и описание в некоторой дескрипции.

## *Эмпирическая фиксация чувственно данных свойств*

Всякий чувственно данный объект имеет свойства, которые могут чувственно фиксироваться: размер, форма, вес, окраска и др. Они фиксируются путем рассматривания, измерения или счета.

Основными методами *эмпирического научного исследования*, посредством которых осуществляется фиксация чувственно данных свойств, являются:

- наблюдение;
- эксперимент;
- измерение.

При этом в точных науках измерение органически включается в первые два метода, то есть используется в наблюдении и эксперименте. Однако отдельный акт измерения не есть ни наблюдение, ни эксперимент, это особая процедура, порождающая свои гносеологические проблемы. Поэтому он является отдельным методом.

*Наблюдение* предполагает получение информации об объекте исследования в *непосредственном* контакте с ним. В обыденной речи слово «наблюдение» понимается как «рассматривание», «слежение глазами». Научное наблюдение как метод научного эмпирического познания – не то же самое, что простое рассматривание предмета. Оно имеет более сложную структуру и более насыщенный, богатый смысл. *Наблюдение* – сложная процедура.

Во-первых, оно всегда *организуется*, начиная с того, что объект наблюдения специально выделяется. Наблюдается не то, что случайно попало на глаза, или в руки, или всегда есть, а то, что необходимо исследователю в процессе решения задачи.

Во-вторых, оно обязательно имеет некоторые *цель и план*.

В-третьих, *научное наблюдение обычно опирается на некоторые теоретические предпосылки и теоретические предположения* об ожидаемых результатах. Сложное наблюдение опирается на теоретические предпосылки *обязательно*, иначе оно не будет научным. Из этого следует, что наблюдение как метод эмпирического научного исследования – это не просто *чувственный акт*, в него органически включён интеллект.

В принципе наблюдение – не обязательно *зрительный акт*. Для некоторых объектов характерно, например, звучание, и тогда наблюдение заключается в фиксации именно звуков, используется слух. Аналогичным образом, хотя и не часто, в наблюдении могут быть использованы и тактильные ощущения, и вкус, и запах. В некоторых актах наблюдения могут быть задействованы различные чувства.

Наблюдение правильнее всего применять к изучению *динамических* и *длящихся* объектов. Например, метеорологи наблюдают за динамикой атмосферных явлений – температуры воздуха, давления, направления и силы ветра, облачностью и т.п., этолог (специалист по изучению поведения животных) может наблюдать за жизнью муравейника, или груши обезьян, или за поведением кошки в домашних условиях. Социолог, применив метод включенного наблюдения, наблюдает изнутри за жизнью какой-нибудь группы или организации, астроном наблюдает за звездным небом, движением планет и комет, астероидов и т.п.

Непрерывным условием научного наблюдения является *невмешательство* исследователя в изучаемый объект. Процесс наблюдения не должен своим влиянием изменять изучаемый объект. Он должен наблюдаться в его естественной «жизни». В этом заключается важное достоинство наблюдения.

Отсюда, кстати, следует, что включенное наблюдение в социологии предполагает, что члены изучаемой группы не знают, что их изучают, исследователь должен быть членом этой группы. А о его исследовательской функции никто в группе не должен знать.

Иногда в процессе наблюдения возможно «снятие» количественных параметров (подсчет каких-то элементов объекта, дистанционное измерение каких-то его сторон. Например, наблюдая муравейник, этолог может подсчитать частоту выхода муравьев из муравейника).

В наблюдении возможно использование инструментов собственно наблюдения, счета и измерения (например, микроскопы, телескопы, угломеры и т.п.). Приборы не должны влиять на объект изучения. Но результат наблюдения все равно *опосредован* устройством прибора, то есть на сам *образ* объекта прибор влияет, и это влияние должно быть скорректировано. Поэтому должна существовать теория устройства и использования этих приборов, расшифровки их показаний. Этим обстоятельством дополнительно подчеркивается наличие в наблюдении интеллектуальной составляющей.

Некоторые объекты позволяют наблюдать их в разных условиях или их разные проявления. Например, торнадо, хотя и разные, можно наблюдать неоднократно в разных местах, в разных метеоусловиях, жизнь муравейника можно наблюдать в жаркую или холодную, в сухую или дождливую погоду и т.п.

Имея важные достоинства, метод наблюдения имеет *существенные ограничения*. Во-первых, поскольку речь идет о динамических процессах, нередко наблюдение невозможно повторить, и значит, один из критериев научности применяется в ослабленном виде, вследствие этого страдает и

проверяемость. В отчете о наблюдении должны быть очень строго описаны условия наблюдения, и не всегда эти условия повторимы. Во-вторых, во многих случаях установление количественных параметров бывает затруднено и, как правило, оно не очень точно.

Наблюдение устанавливает чувственно фиксируемые значения, величины, свойства и т.д. Но *данные наблюдения*, как таковые, – *это еще не научное знание*. Эти данные должны быть обработаны: сведены в целостное описание, классифицированы, обобщены, сравнены, представлены в виде графика или таблицы. И только тогда это будет научное эмпирическое знание, полученное методом наблюдения.

Метод наблюдения широко применим и применяется в социологии. Однако его содержание существенно отличается от наблюдения в естественных науках. Дело в том, что в последних наблюдаются физически существующие объекты или столь же физически существующие показания приборов. Социология же не изучает объекты в смысле физических вещей. Она изучает *отношения и характер* действий. А они не даны физически, то есть чувственно. Следовательно, социолог наблюдает не в том смысле, что *видит* или *слышит*. Кроме того, в учебных пособиях по социологии иногда говорят о наблюдении *по плану* и наблюдении *случайном*. Идея случайного наблюдения требует особого анализа, так как противоречит общему гносеологическому определению наблюдения. Случайными могут быть условия наблюдения (время, место, обстоятельства), но само наблюдение как познавательный акт научно только тогда, когда оно отвечает названным выше необходимым требованиям.

Наблюдение надо отличать от *внешнего описания*.

*Внешнее описание* – простейшая познавательная процедура, она используется тогда, когда объект легко доступен для органов чувств. Оно заключается в фиксации внешних свойств объекта. Оно наиболее уместно и удобно при изучении *стабильных* объектов, так как в таком описании фиксируется нечто здесь и теперь, поэтому оно имеет научное значение лишь в том случае, если зафиксированные в нем свойства стабильно присущи данному объекту. (Объект, конечно, может быть и динамическим, процессуальным. Описывать можно и процессы, если они представлены чувствам.). Например, геолог, открыв обнажение, описывает чередование слоев, их цвет, состав (если он очевиден, что в данном случае вполне возможно). Это описание может в дальнейшем служить отправной точкой анализа строения земной коры на данном участке, прогнозу возможных ископаемых и т.д. Другой пример – описание энтомологом вновь найденной бабочки. В данном случае описание служит основанием для первичной идентификации аналогичных бабочек.

Небосвод в масштабе человеческой истории всегда был и есть, и на нём (для простого человека) – звезды. Первые астрономы использовали процедуру *отисания* расположения звезд. Однажды зафиксировав это положение, древние астрономы были уверены, что оно не изменится. Это было единственное, что они могли сделать. На этом основании моряки могли в океане держать курс, так как звезды были надежными (и к тому же единственными) ориентирами. Ситуация изменилась, когда было замечено, что некоторые «звезды» меняют свое местоположение. Возникла задача определить параметры этих изменений, являются ли они регулярными, упорядоченными или хаотичными и т.п. Здесь потребовалось *наблюдение*. Данный тип объектов был выделен как предмет наблюдения, поставлены цели, и в *серии* наблюдений были установлены траектории перемещений. При этом на первых этапах наблюдений эти траектории казались хаотичными, почему эти «звезды» и были названы планетами (блуждающими).

Социальный работник или социолог может описать некоторую конкретную семью (создать её «портрет») – состав, родственные отношения, жилищные условия и т.п. Но чтобы понять *проблемы* этой семьи, нужно её *наблюдать*, поставив цель, составив план и т.п.

**Эксперимент.** Научный эксперимент, как и наблюдение, имеет целью получение некоторых данных, которые затем обрабатываются. Однако эксперимент базируется на принципе, противоположном принципу наблюдения, а именно – эксперимент всегда означает вмешательство в изучаемый объект вплоть до того, что этот объект в эксперименте *создается*.

Свойства научного эксперимента таковы:

– он *обязательно* базируется на теории, и чем сложнее эксперимент, тем сложнее теория, на которой он базируется. При этом теоретического обоснования требует как предположительное поведение изучаемых объектов, так и поведение и свойства экспериментальной установки;

– в эксперименте исследователь особенно активен, так как он создает экспериментальную ситуацию, или экспериментальную установку, или экспериментальную систему, для чего сначала создается теория таких систем.

Огромным преимуществом эксперимента перед наблюдением является то, что экспериментатор во многих случаях имеет практически неограниченные возможности повторять и варьировать эксперимент, менять условия его проведения и протекания. Благодаря этому могут обнаруживаться *повторяемости, регулярности, зависимости*, и на этой основе – *закономерности*.

В эксперименте в общем случае изучается не какой-то естественный предмет, а экспериментальная установка, происходящие в ней процессы, фиксируются показываемые значения (как правило – количественные).

Спектр экспериментов, различающихся по сложности, огромен. Например, если этолог-наблюдатель жизни муравейника кладет поперёк муравьиной тропы препятствие или окропляет её каким-нибудь пахучим веществом – это уже не просто наблюдение, а эксперимент, так как исследователь *создает искусственную ситуацию*, которую и изучает. При этом возможности изменять эту искусственную ситуацию чрезвычайно широки даже в этом простейшем случае.

На другом конце этого спектра – такие экспериментальные установки, как ускорители элементарных частиц, синхротроны и т.п., по своим масштабам сравнимые с огромными промышленными сооружениями.

Метод эксперимента применяется, прежде всего, в фундаментальных естественных науках – в физике, химии, биологии, а также в области технических исследований.

Вопрос о применимости метода эксперимента в социальных науках является дискуссионным, но очевидно, что если он и возможен, то ограниченно, и формы его специфичны. Это связано как с особенностями социального (особенно гуманитарного) познания, так и выработанным научным сообществом запрета на эксперименты с человеком.

В социологической науке эксперимент признается адекватным методом, говорят об «экспериментальной социологии», социометрия Морено рассматривается как экспериментальная наука. Во многих учебных пособиях по методам социологических исследований утверждается, что необходимость экспериментов в социологии ни у кого не вызывает сомнения.

Но как здесь понимается эксперимент? «Эксперимент в социологии – это способ получения информации о количественном и качественном изменении показателей поведения и деятельности объекта в результате воздействия на него некоторых управляемых и контролируемых факторов» (Морено Я.Л. Социометрия). Нет смысла спорить о словах. Но должно быть ясно осознано, что тут речь о процедуре, существенно отличающейся от того, что называют экспериментом в естественных и технических науках. Приведенное определение не соответствует тем признакам научного эксперимента, о которых мы говорили выше. Во-первых, здесь речь идет об эксперименте непосредственно с объектом изучения. Этого нет даже в психологии. Нечто подобное можно использовать из естественных наук только в этологии. Второй важнейший признак: эксперимент должен быть так организован, чтобы его, хотя бы в принципе, можно было повторить, а вариативность изменяемых условий должна быть велика, чтобы получить большой массив данных. Сам же Морено говорит, что ни один добросовестный социальный эксперимент и наблюдение повторить невозможно. Существенное *искусственное* изме-



нение социальных объектов (в том числе и человека как «социального атома») с целью научного исследования противоречит нормам права и морали в любом современном обществе. Такие изменения проводятся уполномоченными на то руководителями государств в некоторой локальной области с целью, как правило, улучшения жизни людей и распространения введенных изменений на другие регионы. Но, как сказал тот же Морено, «как бы точны ни были наши социометрические данные о некоторых участках человеческого общества, нет никаких выводов, которые могут «автоматически» переноситься с одного участка на другой, и никакие заключения не могут быть «автоматически» сделаны относительно той же группы в другое время. Все это и означает, что речь в социологии идет об *иной* познавательной процедуре, чем эксперимент в науках о природе. Социолог может провести социологическое исследование в условиях проведения какого-либо экономического, организационного, педагогического эксперимента, но сам эксперимент проводится не социологом, а руководящими структурами общества, и это – *не научный* эксперимент. Это некоторое пробное, но реальное изменение социальной жизни какой-либо группы или некоторого сообщества. Социолог может выполнять функцию *научного сопровождения* такого социального эксперимента. Подобные эксперименты родственны актам *тестирования* новых образцов в технике.

*Измерение* (как и счет) служит реализации фундаментальной интенции научного познания на строгость и точность, благодаря им становится возможным применение математических методов.

В наблюдении возможны только дистанционные процедуры и счета, которые избегают вмешательства в изучаемый объект. Таковы, например, все измерения количественных параметров космических объектов (удаленность от Земли, размеры, массы и т.п.).

В эксперименте измерение составляет существенную, если не главную, часть экспериментальной процедуры, измерительный или считающий прибор непосредственно включены в экспериментальную установку и, значит, не могут на неё не влиять. Поэтому созданы определенные *теории измерения*, которые позволяют учитывать изменяющие воздействия приборов. В сфере изучения объектов микромира это привело к достаточно сложным гносеологическим трудностям, так как измерение необходимо изменяет состояние измеряемого объекта. Возник еще один аргумент в пользу скептицизма и субъективизма: нельзя освободиться от влияния субъекта (ибо измерительная процедура – это действие субъекта познания). Результат измерения оказывается интерпретацией, то есть чисто эмпирической, а не теоретической процедурой. Но мы уже раньше согла-

сились, что всякое познание неизбежно включает в себя интерпретации, и это фатально не препятствует возможности объективного знания.

Результаты наблюдения, эксперимента, измерения включаются в *описание эмпирически данного объекта или объектной области* – совокупную связную дескрипцию зафиксированных в этих процедурах свойств. Конкретные формы этих дескрипций многообразны и утвердились постепенно в ходе исторического развития наук. Рассмотрим их.

### 9.5.3. *Формы представления результатов эмпирических исследований*

Результаты эмпирических исследований представляются в виде следующих основных форм:

- дескрипции *данных*;
- дескрипции *фактов*;
- *развернутые описания* объектной области;
- дескрипции *эмпирических законов*;
- эмпирические (описательные) *теории*.

1. **Дескрипция** наблюдательно-экспериментальных качественных и количественных *данных*. Например, наблюдая жизнь муравейника, исследователь фиксирует: «такого-то числа в такое-то время муравьи начали выползать из муравейника», или «такого-то числа в такое-то время небо стало хмуриться и муравьи поспешно спрятались в муравейник». Это так называемые протокольные предложения наблюдения. Или физик, проводя эксперимент, фиксирует показания измерительного прибора при некоторых состояниях экспериментальной установки и записывает их примерно так: «при нагревании на  $t$  градусов сила тока увеличилась на столько-то». Сняв серию таких показаний, он может нанести некие точки в системе координат «температура»/«сила тока», затем провести гладкую кривую по этим точкам (построить график зависимости) и написать формулу типа  $y = f(x)$ .

2. **Научный факт**. В обыденной жизни фактом мы часто называем нечто наличное или случившееся в самой реальности, например «факт, что они поссорились». Встречается такое представление и в науке.

При этом обычно не осознают, что на самом деле, говоря нечто подобное, мы высказываем наше *знание* об этом фрагменте. В гносеологии *фактом называют форму представления знания. Научным фактом можно назвать обоснованную дескрипцию, в которой нечто утверждается как несомненное.*

Факт следует также отличать от *непосредственных данных*. Данные фиксируют некие единичные состояния, а факт содержит момент обобщения. Например, проведя ряд наблюдений над муравейником, исследователь высказывает положение: «муравьи «чувствуют» приближение дождя и избегают его, скрываясь в муравейнике». Эта дескрипция есть выражение эмпирического знания в виде научного факта.

Научный факт может быть *наблюдательно-экспериментальным* или *теоретическим*. Наблюдательно-экспериментальный (эмпирический) факт является непосредственным обобщением группы эмпирических данных, например, «электропроводность меди такая-то».

3. *Эмпирический закон* – это дескрипция некоторой *регулярности*, повторяющейся зависимости. В естественных науках эмпирический закон имеет обычно количественную форму, выражает количественную зависимость каких-то явлений или параметров. Например – простейший случай закон Ома выражает соотношение величин силы тока, напряжения и сопротивления. *Эмпирический закон есть высшая форма обобщения в эмпирическом познании*. Упомянутый выше Бэбай определяет закон (не оговариваясь, что речь идет об эмпирическом законе) как универсальное обобщение о классе фактов. Верно, что эмпирический (и только эмпирический!) закон является обобщением фактов. Но эмпирический закон никогда не является *универсальным* обобщением, так как набор фактов, обобщаемый в закон, всегда ограничен. В природе любой класс «однородных» явлений (не фактов!) за редким исключением неопределенно велик и как целое не может быть изучен эмпирически. Изучаются *некоторые* явления, устанавливается для них закон, и тем самым нами определяются границы некоторого класса: то, что подчиняется этому закону, то и включается нами в этот класс.

4. *Развернутое описание объекта или объектной области* не обязательно является непосредственным результатом познавательных усилий субъекта-индивида. Это, скорее, некое *собрание* накопленных эмпирических знаний (данных, фактов, законов) «под одну крышу». Это собрание может сделать ученый, сам не проводивший эмпирических исследований данной области, но изучивший результаты, полученные другими, может быть, за долгие годы. Например, какое-нибудь химическое вещество может эмпирически изучаться в течение многих лет разными учеными (разные его свойства, взаимодействия с другими веществами, области использования и т.п.), а затем кто-то один сделает развернутое комплексное описание. Подобные описания возможны в любых науках, в которых имеется эмпирический уровень исследований.

5. **Эмпирическая теория.** По внешней форме это тоже развернутое описание объекта или объектной области, куда включены эмпирически данные, факты и законы, только частично освобожденные от сравнительно мелких или незначительных деталей. В частности, могут быть опущены *данные*, так как они уже обобщены в фактах. Кроме того, в теории присутствует некоторая систематизация, предложена некоторая иерархия фактов и законов. Поскольку речь идет именно об *эмпирической* теории, здесь не является необходимостью логическая зависимость одних фактов и законов от других, то есть не строится дедуктивная теория. В силу этого предложенные иерархии и соотношения имеют *предположительный* характер, и вариантов таких предположений может быть много.

#### 9.5.4. Методы научного теоретического мышления

*Конечной целью теоретического исследования*, осуществляемого посредством мышления, является построение теории. Оно осуществляется с помощью следующих методов:

- абстрагирование (мысленное отвлечение от той или другой стороны изучаемого объекта или решаемой задачи);
- идеализация (построение идеализированного теоретического объекта, которому непосредственно не соответствует физическая реальность);
- индукция (умозаключение от единичных фактов к общей идее);
- дедукция (вывод частного вывода из посылок общего характера);
- классификация (построение типологий, разветвленных структурных иерархических схем);
- построение аналогий и моделей;
- выдвижение гипотез.

Теории создаются с помощью этих средств.

К. Поппер говорил: «Научные теории являются инструментами, посредством которых мы пытаемся внести порядок в тот хаос, в котором мы живем, чтобы сделать его рационально предсказуемым» (Поппер К. Предположения и опровержения).

Это высказывание содержит как правильный момент, так и сомнительный. Теория действительно вносит порядок – но не в природу, а в мир нашего знания. В самой природе, конечно, есть хаос, и тем более хаотично наше восприятие её. Но в ней есть и порядок, который мы *не вносим* в неё, а *обнаруживаем* в ней. И это обнаружение оформляется в различных дескрипциях знания, в том числе и в теории. При этом объективный порядок в природе может быть описан различными способами, каждый из которых –

если он удовлетворяет требованиям соответствия – может сделать фрагмент действительности «рационально предсказуемым».

Классическим примером из области астрономии являются две теории движения планет – теория эпициклов Птолемея и гелиоцентрическая теория Коперника. Движение планет «по небосводу» наблюдалось античными философами-астрономами и воспринималось как *хаотическое* (отсюда и их название «планеты», греч. «блуждающие»). Однако все же была замечена повторяемость их взаимных положений. Это в совокупности с философской идеей космоса как логоса, порядка, побудило искать описание (теорию) их движения, которая позволяла бы предсказывать их положения. Такая теория и была создана в I в. н.э. Птолемеем (теория эпициклов). Как система мира (общее мироустройство видимого мира) эта теория не отвечает требованию соответствия (что было доказано позднее), но как теория, упорядочивающая наблюдательные данные, она верна и поэтому позволяла вычислять движения планет. В XIV в. Коперником была создана гелиоцентрическая система мира, в рамках которой представлено другое описание упорядоченного движения планет, которое тоже позволяло рассчитывать их положения на небе. Позднее было доказано и её соответствие как описания структуры солнечной системы. Теория Птолемея *внесла* порядок в движение планет «по небосводу», а теория Коперника *вообразила и объяснила* движение планет в космосе и тем самым *открыла* объективный порядок (а не внесла его в природу).

Потребность в новой теории возникает, когда в науке появляются новые факты (из наблюдения или эксперимента), которые не объясняются имеющимися теориями. Французский философ Н. Решер предложил для этой ситуации весьма экспрессивный термин – «*озадачивающие явления*». Озадачивающие явления – это не обязательно новое. «Озадачить» конкретного исследователя в конкретный момент может и давно известное и часто вполне обыденное явление (как, например, Ньютона озадачило падение яблока с дерева). «Для того чтобы явление было озадачивающим, существенна не его новизна, но его явный конфликт с нашим объяснительным пониманием» (Решер Н. Озадачивающие явления).

Первым шагом к построению теории является выдвижение *эвристической (объясняющей) идеи*.

В многочисленных учебниках по социологии, где рассматривается вопрос о построении теории, этот важнейший момент (выдвижение объясняющей идеи) упускается, и тогда становятся непонятными последующие шаги.

Объясняющая идея *служит базисом*, на котором посредством дедукции строится *гипотеза* (это означает: применить гипотетико-дедуктивный ме-

тод). Гипотеза – это более или менее развернутая дескрипция, положения которой взаимозависимы, выводятся одни из других или одни являются аргументами для других. По своей логической форме и структуре гипотеза выступает как теория, но она отличается от теории тем, что еще не доказана, она еще только *предположение*, как объяснить объясняемые факты. Иногда и объясняющую идею, которая выражена в одном утверждении, называют гипотезой. Это вносит некоторую неясность в термин.

Обычно гипотеза (в теоретическом познании) не только не проверена, но и не может быть проверена *непосредственно*. Поэтому из гипотезы дедуктивно делаются выводы, *поддающиеся наблюдательной или экспериментальной (эмпирической) проверке*. Проводимые эксперименты или наблюдения либо подтверждают выводы из гипотезы, либо не подтверждают. Если они получили подтверждение, то есть предсказанные гипотезой величины, значения, свойства, феномены обнаружены, гипотеза считается доказанной и *принимается как теория*.

Конечно, в этих процедурах, которые могут быть длительными и сложными, что-то может уточняться. Всегда нужно иметь в виду относительность научной истины.

Если же выводы из гипотезы *определенно* не нашли подтверждения в эксперименте и наблюдении, тогда гипотеза рассматривается как ошибочная. Тогда выход один – искать *новую объясняющую идею и выстраивать новую гипотезу*. Третьего не дано.

Важным является вопрос о соотношении схем мыследеятельности, традиционных представлений, научного эксперимента и новых идей. Покажем это на одном историческом примере. С XVII в. со спора Ньютона и Гюйгенса началась борьба двух пониманий природы света: корпускулярной и волновой. Ньютон представлял свет как поток *корпускул* (частиц), а Гюйгенс как *волновое* движение. И хотя многих явлений концепция Ньютона не объясняла, она одержала верх и укрепилась на сто с лишним лет как незыблемая. В XIX в. выдающийся французский ученый Пуассон в качестве аргумента *против* волновой теории выдвинул следующее рассуждение: если бы свет был волной, то в области тени от препятствия должна была бы образовываться светящаяся точка, так как волна способна огибать препятствие. Но это абсурдно, так как противоречит повседневному опыту, который согласуется с представлением о свете как прямолинейном движении частиц. Пуассон произвел как бы мысленный эксперимент, но в его интерпретации ожидаемый результат опирается на повседневную схему мыследеятельности и *оспариваемую* теорию! Но этот мысленный эксперимент несложно было осуществить как реальный. Что и сделали французские же физики Фре-

нель и Араго: поместив на пути пучка света круглый закрывающий экран, они увидели на следующем экране (закрытом первым и оказавшимся в тени) светящуюся точку. Лучи света действительно огибали щит и фокусировались в центре заднего экрана! Это было экспериментальным доказательством волновой природы света. Этот пример может быть также иллюстрацией того, как теоретически (логически) могут предсказываться физические эффекты. Именно обнаружение таких предсказанных эффектов (наряду с ожидаемыми величинами, то есть числовыми данными) и служат для проверки гипотез.

Когда, казалось бы, при очевидных предпосылках (научных или общераспространенных) что-то в рассуждении ученого не связывается в логичное целое, «стоит задаться вопросом: «В каких предпосылках мы наиболее уверены?» Почти наверняка одна из них неверна» (Липсон Г. Великие эксперименты в физике). Использование посылки, кажущейся очевидной, но фактически не доказанной, логика считает логической ошибкой и называет *основным заблуждением*. О возможности такой логической ошибки всегда полезно помнить. Это особенно важно в социальных науках, где к доказательству «очевидного» часто относятся с пренебрежением.

В социологии моделирование социальной реальности в виде социологической теории также осуществляется посредством рассмотренных методов и приемов.

Построение новой модели означает появление нового взгляда на какой-либо фрагмент (или сторону, аспект) социальной реальности. Понятно, что моделей социальной реальности может быть (и на самом деле есть, построено) много, так как общество как объект познания чрезвычайно сложно, и возможны различные подходы, методологии и методы его изучения. Иногда отмечают, что модели социального мира «изменяются по мере изменения самой социальной реальности и науки, её описывающей» (Осьмук Л.А. Взаимодействие социальных миров. К проблеме конвенциональных отношений). Однако это утверждение справедливо лишь для моделей достаточно ограниченных фрагментов социума (например, политических устройств). Социум же в целом лишь ретроспективно изучается как изменяющийся. Для живущего социолога он есть хотя и динамическая, но не развивающаяся (в масштабах жизни индивида) действительность. А вот изменения самой социологии, самих её подходов и объясняющих идей действительно являются источником многообразия моделей.

### 9.5.5. *Формы представления результатов теоретических исследований*

Теоретическое знание представляется в следующих формах: теоретический факт, теоретический закон и теория.

1. **Теоретический факт** является *логическим выводом* из совокупности эмпирических фактов, или из теории, который фиксирует некоторое единичное отношение. Например, в начале XIX в. были найдены плотности различных газов и их молекулярные веса и установлено, что отношение этих величин (деление первого на второе) есть величина практически одинаковая для всех (исследованных) газов. Это эмпирически установленный, следовательно, *эмпирический факт*. Но из него был сделан *вывод* (впервые предложен Авогадро), что при одинаковой температуре и давлении в одинаковых объемах различных газов содержится одинаковое число молекул. Подтвердить этот вывод путем прямого подсчета числа молекул, то есть эмпирически – невозможно. Ясно, что это *теоретическая интерпретация эмпирических фактов*, которая представляет утверждение *теоретического факта*.

В социологии также можно говорить о фактах *эмпирических* и *теоретических*. По Луману, есть факты, репрезентированные «сырыми данными», а есть потусторонний мир связей, который можно сделать видимым только посредством анализа данных. Задача как раз в том и заключается, чтобы доказать как *факт* то, что не открывается непосредственному наблюдению или измерению, то есть теоретический факт. Скажем, таким фактом является разделение любого общества на различного рода группы (например, в древности – на племена, позже – на этносы, затем – на нации; существовали и существуют и другие многочисленные типы групп).

2. **Теоретический закон** – это всегда *описание существенного количественного отношения*. Например, периодическая система Менделеева есть не что иное, как табличное выражение теоретического закона, утверждающего периодическую повторяемость свойств в зависимости от атомного веса элементов.

3. **Теория** – это представление закономерностей *множества отношений в предметной области*. Иногда определяют так: теория есть систематическое объяснение для набора фактов и законов. В принципе с этим можно согласиться, хотя здесь теория описывается через указание на её функцию.

#### **Что такое теория**

«Теория – это карта, которая сообщает нам, как выглядит тот или другой кусочек мира. Чтобы воспользоваться ею, вы должны отождествить



отметки на карте с явлениями, реально видимыми и осязаемыми» (Томсон Д. Дух науки). Томсон называет это «обратным переводом».

Важнейшая функция теории – предсказательная, «наиболее успешные теории» – те, предсказания которых чаще всего оправдываются (Касавин И.Т. Теория как образ и понятие).

Какие «эмпирические факты» предсказывает теория? Они двух типов:

1. Факты, которые *уже известны*, наблюдаются, но до построения данной теории были непонятны. Теория их «предсказывает» в том смысле, что они некоторым образом «выводимы» из данной теории. Здесь нет предсказания в прямом смысле, а лишь в фигуральном: если бы эти факты не были известны, теория *могла бы* их предсказать, то есть содержит в себе такую возможность.

2. Предсказание в прямом смысле: теория утверждает, что в такой-то ситуации можно будет наблюдать то-то и то-то, получить такие-то количественные данные и т.п.

В процессе научного познания ученые выдвигают так называемые гипотезы *ad hoc*, т.е. предполагают существование ненаблюдаемых объектов, таких, например (в физике), как элементарные частицы, кварки, кривизна пространства-времени. Они предстают как теоретические конструкции, теоретические объекты. Но их допущение и создание их теории оказывается описанием и объяснением наблюдаемого (то есть эмпирического) мира, приводит к предсказанию новых явлений.

Существуют *два типа теорий*: теория в широком смысле и теория в узком смысле.

*Теория в широком смысле* представляет собой развернутое систематическое объяснение какой-либо объектной области в форме связной совокупности дескрипций фактов и отношений между ними. Она может содержать их классификацию, некоторые эмпирические законы и широкие обобщающие утверждения, элементы теоретических предпосылок из предыдущего знания. Такого рода теории, как правило, являются описательно-качественными, с элементами количественных соотношений. Примерами таких теорий являются дарвиновская теория эволюции, теория исторического материализма К. Маркса, теория самоубийства Э. Дюркгейма и др. Такого рода теории распространены преимущественно в социогуманитарных науках.

Теория в широком смысле может содержать в себе как истинные, так и ошибочные утверждения, что не делает её (при незначительном числе ошибочных предложений) в целом ложной, просто в ней ярко выражен относительный характер истины. Такие теории могут уточняться.

*Теория в узком смысле* характерна для точных наук. Она имеет всегда количественный характер, то есть устанавливает соотношение количеств-

венных параметров. Она всегда есть единая внутренне связанная *дедуктивная* система. Если постулаты и объясняющая идея, на которой она строится, истинны, то при отсутствии логических ошибок в выводах теория целиком истинна и не может содержать ошибочных утверждений. Если в такой теории обнаруживаются (например, путем экспериментальной проверки) ошибочное утверждение, то исследователь стоит перед альтернативой: либо – если всё в ней логически безупречно – её исходные постулаты ошибочны и вся она неверна, либо в ней допущены логические ошибки в системе умозаключений (включая математические операции).

Говоря о современных физических теориях, имеющих математизированный вид, великий физик Нильс Бор писал: «Если мы имеем логически не противоречивый математический аппарат физической теории, то единственный способ доказать его несостоятельность заключается в том, чтобы показать, что его следствия расходятся с опытом или что его предсказания не исчерпывают того, что может наблюдаться» (Бор Н. Атомная физика и человеческое познание).

Теории высокой степени общности (например, механика Ньютона) имеют фундаментальное значение в том смысле, что в некотором смысле являются «теориями мироздания».

Что происходит, если создается для той же области теория еще более общая? Например, не отменило ли создание квантовой механики механику Ньютона? Не оказывается ли, что прежняя теория была ложной, но мы ошибочно считали её истинной? Для более узких теорий это бывает. Например, теплородная теория горения была заменена кислородной теорией и отвергнута как ошибочная (хотя в её рамках было выдвинуто немало продуктивных понятий и идей). Но для очень общих теорий ситуация другая. Физики решили для себя эту проблему следующим образом. В 1923 г. великий физик Нильс Бор сформулировал так называемый «принцип соответствия», согласно которому новая более глубокая теория (если она истинна) не отменяет старую, а предполагает её при некоторых предельных условиях. Таково отношение механики Ньютона, квантовой механики и релятивистской механики Эйнштейна. Эйнштейн, кстати, говорил по этому поводу: «Пусть никто не думает, что великое создание Ньютона может быть ниспровергнуто теорией относительности либо какой-нибудь другой теорией. Ясные и широкие идеи Ньютона навечно сохраняют свое значение...». В этих отношениях теорий мы видим диалектику абсолютного и относительного в познании: знание, относительное в одном аспекте, выступает как абсолютное в другом.

## *О социологической теории*

Знаменитый социолог К. Вебер указывал следующие признаки теории:

- контринтуитивность (противоречит здравому смыслу);
- она придает смысл явлениям, которые были загадочны;
- объясняет обстоятельства, выходящие за первоначальные предметные рамки;
- эвристична, даёт импульс последующему познанию.

Представляет интерес недостаточно разработанная тема: применим ли принцип соответствия в социальных науках и конкретно в социологии? Эмпирически действие этого принципа мы, как будто, не наблюдаем. Но достоинство ли это данной области научного знания? Во всяком случае, достаточно очевидно, что такое положение противоречит принципукумулятивности научного знания. Методологам (как и самим социологам) есть, над чем подумать. Пока же, как пишет Луман, «теоретические дискуссии имеют место – хотя преимущественно это происходит под знаком постмодерна... хватаются за существовавшие в прошлом позиции, которые нельзя изменить, но по отношению к которым можно дистанцироваться через их интерпретацию».

### *9.5.6. Соотношение эмпирического и теоретического уровней, фактов и теории*

Фундаментальная теория  
не является продуктом  
индуктивного обобщения опыта.

*В.В. Стёпин*

Обыденное сознание обычно полагает, что в познании имеет место приоритет эмпирических фактов перед теорией, что теории – суть не что иное, как обобщение фактов, что с открытия фактов начинается научное познание. Известно крылатое выражение великого физиолога И.П. Павлова: «Факты – это воздух ученого».

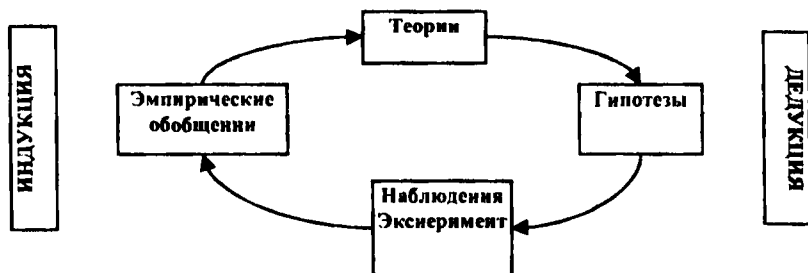
В таких представлениях смешаны разные вещи: наблюдательные качественные и количественные *данные* и *факты*. *Данные* – действительно нечто первичное. Имея чувственные (эмпирические) данные, мы действительно нуждаемся в теории, которая их объясняет. При этом, как уже было сказано выше, само *получение данных* в научном наблюдении, эксперименте и измерении всегда организуется либо в рамках какой-то теории, либо в условиях допущения некоторых теоретических предположений. Так что не существует абсолютной независимости данных от теории.

Что же касается *фактов*, то они сами есть уже продукт интеллектуальной активности исследователя – некоторого обобщения данных. Их зависимость от теоретических предпосылок и допущений еще больше.

В реальности научного творчества имеют место *взаимозависимость и взаимообусловленность фактов и теории*. Факты теоретически нагружены. В этой зависимости выражается активность субъекта научного познания.

Чем абстрактнее научная теория, тем более *опосредована* связь между нею и фактами. При этом однозначно должна быть возможность того, чтобы теория могла быть интерпретирована (хотя бы опосредованно) на некотором поле фактов.

В целом в абстрактном виде круговорот научного познания можно представить в такой схеме:



### 9.5.7. Понятие реальности в свете теоретической науки

То обстоятельство, что реальность дана нам в формах нашей субъективности – восприятия и интеллекта, – уже отмечалось. Рассмотрим, как это выглядит на практике.

Любой общий закон и теоретический объект – это *поризма*, или, применяя язык дипломатии, – «рамочное соглашение». Поризма всегда конкретизируется и ограничивается в определенных условиях. Например, закон Ома. Он не действует в вакууме, значит, нужны уточняющие оговорки об условиях его действия.

Рассмотрим как будто бы эмпирический объект – планету. В действительности планета – это *теоретический* объект. Вот движущаяся по небосводу точка. Она – планета или не планета? Ответ таков: если отвечает

*интеллигибельному* конструкту под именем «планета», то да. Если нет, то нет. В этом смысл идеи эйдосов Платона. Гастон Башляр поясняет ситуацию так: все философы, начиная с Аристотеля и кончая Бэконом, учили, что познание идет от реальности к образу, но действительный смысл эпистемологического вектора в том, что он указывает на путь *от рационального к реальному, а вовсе не наоборот.*

Возьмём пример, кажущийся еще более парадоксальным, чем пример с планетой. Вот это – стол или не стол? Ответ такой же: если соответствует *интеллигибельному объекту*, то стол, если нет – не стол. То есть не понятие «стол» зависит от реальных столов, а, напротив, столами мы признаем вещи, отвечающие функции стола (а это и есть рациональный конструкт «стол»). В этом смысле не понятие «стол» соответствует каким-то вещам, а некоторые чувственно наблюдаемые вещи соответствуют понятию (точнее – концепту) «стол».

На примере с понятием «планета» подробнее рассмотрим, как возникает представление *о реальности* их бытия и их движения. Некогда были замечены блуждающие звездочки, которые были названы *планетами*. Описание того, как они движутся по небосводу во времени, есть описание *того, что происходит* в чувственном мире. Возникает вопрос: *почему* происходит именно так? Ответ на вопрос *почему* не может быть описанием чего-либо чувственного, это вопрос Лумана «что за этим кроется?». Потому оно и не чувственно, что «кроется», скрыто. Следовательно, может быть представлено *только в виде теоретического конструкта*. Ответ Птолемея: потому, что они движутся по эпициклам. Движение по эпициклам – теоретический конструкт Птолемея, *формирующий в нашем сознании некоторую реальность*. Ответ Коперника: потому что они вращаются вокруг Солнца на разноудаленных и различных по форме орбитах. Это *другой* рациональный конструкт, конструкт Коперника, который формирует *другую* реальность.

И то и другое – продукты воображения; ни эпициклы, ни движение планет по орбитам чувственно не даны, и *не могут быть даны*. С этой точки зрения два концепта равноправны. Они практически равноправны и как расчетные системы (системы расчета положения планет в точках небосвода во времени). Конечно, в рамках признания ФOU мы полагаем, что солнечная система существует независимо от нас каким-то реальным *единственным* способом, и сейчас этим *единственным* способом мы считаем систему Коперника. Тем не менее эпистемологический вектор движения нашего познания таков: от чувственно данного к построению теоретического конструкта посредством вооб-

ражения и проверка его приемлемости измерительно-счетными процедурами, и от него – к *постулированию* существования физической реальности, соответствующей этому конструкту. И только после этого делается обратный ход: мы говорим, что система Коперника *правильно отражает* физическую реальность. На обыденном уровне мы забываем этот путь, нам кажется, что познание идет от реальности к образу этой реальности, и конструкт *возникает* как отражение. Но эпистемологически это не так. *Реальность оказывается интерпретацией некоторого теоретического конструкта*. Именно этим обстоятельством и руководствуется эпистемологический конструктивизм, утверждая, что познание не отражает, а конструирует реальность.

## ЗАДАНИЯ ДЛЯ КОМПЬЮТЕРНОГО ТЕСТИРОВАНИЯ

1. Напишите названия трех основных составляющих философии.
2. Назовите три типа отношений человека к миру.
3. Отличается ли предмет гносеологии от предмета других наук о познании? (Да/нет.)
4. Вспомните два вида гносеологии (эпистемологии) существенно различающихся по подходу. Напишите названия словом – прилагательным женского рода.
5. Основной вопрос *натуралистической* эпистемологии – это вопрос о том:
  - как познает отдельный человек;
  - в чем заключаются априорные предпосылки познания. (Какой ответ верен?)
6. Напишите названия двух видов натуралистической эпистемологии.
7. Основной вопрос *трансцендентальной* гносеологии:
  - как вообще возможно познание, в чем заключаются его априорные условия?
    - как познает отдельный человек? (Что верно?)
8. *Соотнесите* основные (фундаментальные) проблемы гносеологии с натуралистической и трансцендентальной эпистемологией.
  - Как вообще возможно познание?
  - Что такое знание и познание вообще?
  - Каковы *средства* познавательной деятельности человека?
  - Существуют ли границы познания?
  - Что такое истина, и достижима ли она?
  - Чем может быть удостоверена истина?
9. Какие 4 типа познания мы выделяем? (Устный ответ.)
10. Каковы основные формы целенаправленно-систематического познания? Напишите названия трех форм словом – прилагательным среднего рода.
11. Основные авторы-основоположники теории отражения. Напишите имена двух философов Античности.
12. Кто понимал познание как воспоминание? Напишите имя.
13. Укажите наиболее характерные проблемы гносеологии Средневековья:
  - проблема путей и возможностей постижения Бога;
  - проблема соотношения знания и веры;

– проблема познания человека. (Укажите два правильных ответа.)

14. Какой объект познания представлялся наиболее важным в гносеологии Нового времени (XVII–XVIII вв.):

- бог;
- природа;
- человек;
- общество?

15. Агностицизм это:

- научная концепция, касающаяся познания;
- философская концепция, утверждающая безграничность познания;
- философская концепция, утверждающая невозможность познания сущности вещей.

16. Что переместилось в центр гносеологической проблематики в первой половине XX в.:

- проблема объяснения природы;
- проблема объяснения общества;
- проблема объяснения научного познания.

17. Скептицизм и агностицизм – это одно и то же? (Да/нет.)

18. Какие из названных ниже концепций безусловно положительно отвечают на вопрос о возможности познания мира человеком:

- юмизм;
- кантианство;
- гегельянство;
- марксизм;
- эволюционная эпистемология?

19. Какие 6 элементов входят в структуру познания как деятельности? (Устный ответ.)

20. Что является результатом (продуктом) познавательной деятельности? Напишите одно слово.

21. Назовите два типа целенаправленно-систематической познавательной деятельности. – Устный ответ.

22. Фундаментальное онтологическое убеждение это:

- вера в то, что Бог существует;
- вера в то, что мир существует;
- вера в то, что мир познаваем;
- вера в то, что человек есть высшее существо в мире;
- вера в то, что существует реальный мир, и человек его часть. (Что верно?)

23. Принцип Лейбница – это утверждение, что:

- природа единообразна везде;



- логика одинакова у всех людей;
- истинно и первое второе утверждения вместе;
- ни одно из этих трех утверждений не выражает принцип Лейбница. (Что верно?)

24. Имеет ли вера существенное значение в процессах рационального познания? (Да/нет.)

25. Какое из нижеследующих утверждений наиболее точно выражает отношение рассудка и интуиции в познании:

- они противоречат друг другу;
- они мешают друг другу;
- они дополняют друг друга?

26. Участвует ли бессознательное в процессе познания? (Да/нет.)

27. Можно ли согласиться с четырьмя следующими утверждениями:

- субъект познания – это познающий человек;
- субъект познания – это коллектив исследователей;
- субъект познания – это все человеческое общество;
- субъект познания – активное творческое начало практической и познавательной деятельности? (Да/нет.)

28. Какое из четырех следующих утверждений наиболее приемлемо философски:

- субъект познания – это познающий человек;
- субъект познания – это коллектив исследователей;
- субъект познания – это все человеческое общество;
- субъект познания – активное творческое начало практической и познавательной деятельности.

29. Зависят ли свойства субъекта от культурной среды его функционирования? (Да/нет.)

30. Трансцендентальный субъект это:

- понятие гносеологической концепции Локка;
- понятие гносеологической концепции Канта;
- понятие всей современной гносеологии. (Что верно?)

31. Субъект-социум – субъект-группа – субъект-индивид. Это:

- правильное представление иерархии понятия «субъект»;
- неправильное представление иерархии понятия «субъект». (Что верно?)

32. Укажите из предложенных вариантов 2 наиболее существенные фактора, характеризующие субъект-группу:

- групповая парадигма;
- интеллектуальное поле;
- национальная принадлежность членов групп;

- нравственные качества членов группы;
- возраст членов группы;
- специальность, полученная в процессе учебы.

33. Социальная память это:

- один из параметров социума как субъекта познания;
- тезаурус всего человечества;
- библиотеки и все хранящиеся в них книги;
- содержание фольклора и других преданий народа. (Какие две из перечисленных характеристик, взятые *сами по себе*, недостаточно корректны?)

34. «Невидимый колледж» – это:

- группа ученых, работающих над одной темой;
- определенная группа людей, занимающихся исследованиями познать, но под одним руководством;
- неопределенное множество ученых, не связанных между собой рамками какой-либо организации, но время от времени общающиеся между собой по близким вопросам своих исследований. (Что верно?)

35. Функции социальной памяти в познании заключаются в том, что она:

- служит информационной базой для продолжения познания;
- является источником знаний для индивида;
- обеспечивает преемственность в познавательной деятельности поколений;
- является единственной информационной базой для познания-учения. (В какой из характеристик содержится некоторая неточность?)

36. Имеет ли смысл понятие «познание без субъекта»? (Да/нет.)

37. Субъект есть:

- активное творческое начало бытия и деятельности;
- активная творческая свободная личность. (Какое из двух определений является философским в строгом смысле?)

38. Назовите три уровня объекта в гносеологическом смысле. (Устный ответ.)

39. Предмет познания это:

- объект познания;
- часть объекта познания;
- сторона (аспект) объекта познания. (Укажите правильный ответ.)

40. Познавательная проблема ставится *ближайшим образом*:

- об объекте познания;
- о предмете познания. (Что верно?)

41. В *гносеологическом* плане объект и субъект:

- не зависят друг от друга;

объект зависит от субъекта;  
– субъект зависит от объекта;  
-- как понятия они взаимоопределимы. (Какая характеристика наиболее точна?)

42. Активной стороной познавательного отношения является:

- объект;
- субъект. (Что верно?)

43. Активность субъекта в самостоятельной познавательной деятельности проявляется в том, что он:

- определяет объектную область своей познавательной деятельности;
- ставит познавательную задачу;
- выбирает объект исследования;
- выбирает проблему;
- формулирует предмет исследования (Укажите не вполне корректные формулировки в перечне предложенных ответов.)

44. В гносеологическом смысле объект это:

- любая вещь, независимая от субъекта;
- все, что угодно, что не зависит от человека;
- нечто, выбранное субъектом для изучения. (Выберите наиболее подходящее определение.)

45. В каком аспекте объект можно рассматривать как нечто, не зависящее от субъекта:

- в онтологическом;
- в гносеологическом;
- в прагматологическом? (Что верно?)

46. Может ли быть объектом познания мир в целом? (Да/нет.)

47. Может ли быть предметом познания мир в целом? (Да/нет.)

48. Может ли быть проблемой мир в целом? (Да/нет.)

49. Как точнее обозначить социальные отношения:

- как возможную объектную область;
- как объект социологии?

50. Соотнесите понятия первой и второй групп:

- 1) свойства, причины, законы, основания;
- 2) вещь, событие, объектная область, философия.

51. Герменевтический круг это:

- постоянное возвращение к одной и той же теме в процессе познания;
- тавтология или круг в определении;
- взаимная обусловленность понимания целого пониманием частей и понимания частей пониманием целого. (Что верно?)

52. Перечислите семь основных познавательных способностей субъекта индивида, которые рассматриваются в нашем курсе. (Устный ответ.)

53. Интеллект включает в себя:

- рассудок и разум;
- рассудок и восприятие;
- восприятие и воображение. (Какой ответ верен?)

54. Разум является единством:

- рассудка и восприятия;
- воображения и интуиции;
- веры и воображения;
- все варианты неверны. (Что верно?)

55. Рассудок является единством:

- разума и восприятия;
- воображения и интуиции;
- веры и воображения;
- все варианты неверны. (Что верно?)

56. Участвует ли в рациональном научном познании вера? (Да/нет.)

57. Детерминанты социокультурной и коммуникативной определенности субъекта это:

- его индивидуальная память;
- социальная память;
- язык;
- парадигма, в которой он осуществляет познавательную деятельность. (Выбрать *два* верных пункта.)

58. Укажите *две неверные* характеристики памяти субъекта-индивида:

- память это система для хранения информации;
- память это хранилище точной информации;
- память источник новой информации;
- содержание памяти – служит базой для получения нового знания.

59. Распределите хранящиеся в памяти интеллектуальные объекты по рубрикам «сформированные бессознательно», «сформированные осознанно»:

- схемы мышлдеятельности;
- архетипы;
- логические формы;
- языковые формы;
- принципы;
- методы;
- правила;
- конкретные знания.

60. Возможен ли объект познавательных актов без его точного языкового описания? (Да/нет.)

61. Возможно ли существование предмета познания без его языкового выражения? (Да/нет.)

62. Информационный шум это:

- бесполезная информация;
- знаковая система, не несущая информации;
- ложная информация. (Что верно?)

63. Какая из приведенных ниже характеристик познания является достаточной? Познание это:

- получение идеальных копий действительности в нашем сознании;
- создание моделей действительности;
- конституирование нашим сознанием идеальных конструктов;
- интерпретация чувственных и иных данных нашего сознания;
- никакая из них.

64. Противоречит ли идея конструктивной деятельности нашего сознания идее отражения в нем реальности? (Да/нет.)

65. Напишите наименования двух составляющих познавательного образа, в которых зафиксировано отношение познавательного образа к действительности.

66. Всегда ли референтом теоретического конструкта является какой-либо фрагмент действительности? (Да/нет.)

67. Референтом теоретического конструкта является:

- конкретный объект;
- конкретное явление или событие;
- фрагмент действительности;
- возможное положение дел. (Что верно?)

68. Интерпретация как познавательная процедура это:

- описание вещи или события;
- прояснение реального смысла чего-либо (события, текста);
- задание смысла события или текста, путем создания нового текста;
- создание теоретического конструкта на основе набора данных. (Выберите правильные ответы.)

69. Процесс познания в сопряжении с понятием «смысл» есть:

- раскрытие смыслов;
- конституирование смыслов (смыслополагание). (Что верно?)

70. Какие объектные типы познавательного образа названы в нашем курсе? (Устный ответ.)

71. Какие *необъектные* типы познавательного образа названы в нашем курсе? (Устный ответ.)

72. Правильно ли сказать, что теория есть познавательный образ? (Да/нет.)

73. Назовите наименования основных определений знания, рассмотренные в нашем курсе. (Устный ответ.)

74. Соотнесите названия определений знания с самими определениями:

- обыденное;
- прагматическое;
- феноменологическое;
- гносеологическое;
- знание объекта есть способность рассказать о нём;
- знание есть представление, полезное в каком-либо отношении;
- знание объекта есть ожидание от него определенных свойств и поведения;
- знание есть отношение субъекта к объекту такое, что содержание субъекта есть репрезентация содержания объекта.

75. В каком отношении находятся различные определения знания, учитываемые в нашем курсе:

- в отношении взаимного противоречия и исключения;
- некоторые находятся в отношении противоречия, другие – нет;
- в отношении полной гармонии;
- в отношении взаимной дополнительности в гносеологическом смысле. (Что верно?)

76. Имеют ли прагматическое, феноменологическое и социологическое определения знания гносеологический смысл? (Да/нет.)

77. Познавательный образ:

- объективен;
- субъективен;
- объективен и субъективен одновременно;
- к нему не применимы эти понятия. (Что верно?)

78. Являются ли дескрипции правил пользования иными дескрипциями знанием? (Да/нет.)

79. Являются ли дескрипции навыков и умений знанием? (Да/нет.)

80. Соотнесите ответы на вопрос, что значит знать, с различными подходами к пониманию знания:

- знать – это умение рассказать;
- знать, значит, уметь пользоваться;
- знать, значит, иметь ожидание и уметь построить нарратив ожиданий;
- знать – иметь идеальный конструкт, релевантный действительности;
- обыденно-психологический смысл;
- прагматический смысл;

- экзистенциально-феноменологический смысл;
- гносеологический смысл.

81. Какой из четырех ответов на вопрос, что значит знать, является абстрактно-философским:

- знать – это умение рассказать;
- знать, значит, уметь пользоваться;
- знать, значит, иметь ожидание и уметь построить нарратив ожиданий;
- знать – иметь идеальный конструкт, релевантный действительности.

82. В каких философских парадигмах заблуждение может рассматриваться как знание:

- в прагматистской;
- в марксистской;
- в экзистенциально-феноменологической?

83. Соотнесите типы знания с их греческими названиями:

- обоснованное знание;
- мнение;
- эпистеме;
- докса.

84. Что такое *действительность* с точки зрения современной гносеологии:

- объективная реальность, независящая от познающего субъекта,
- коррелят мыслительных конструктов, создаваемых познающим субъектом в процессе познания? (Что верно?)

85. Интенциональность знания заключается в том, что:

- знание-описание всегда имеет референт;
- знание-описание всегда имеет смысл;
- знание всегда стремится к истине.

86. Как понимается соотношение знания и понимания в нашем курсе:

- как целое и аспект;
- как род и вид;
- как различные, не связанные друг с другом типы духовного освоения мира;
- как различные, но связанные друг с другом типы духовного освоения мира?

87. Какие из перечисленных ниже свойств выражают социальную природу феномена знания:

- объективность;
- передаваемость (интерсубъективность);
- относительность;
- представленность в языковой форме?

98. Герменевтика это:

- нефилософское учение о познании;
- учение об интерпретации текстов;
- философская теория понимания. (Укажите наиболее неприемлемое из этих определений.)

89. Назовите 4 основные функции знания. (Устный ответ.)

90. Какое из приведенных ниже определений истины является экзистенциально-феноменологическим:

- истина – это дескрипция, ожидания от которой оправдываются;
- истина – это утверждение, соответствующее действительности;
- истина – это знание, полезное на практике?

91. Какое из приведенных ниже определений истины является прагматистским:

- истина – это дескрипция, ожидания от которой оправдываются;
- истина – это утверждение, соответствующее действительности;
- истина – это знание, полезное на практике?

92. Какое из приведенных ниже определений истины является классическим:

- истина – это дескрипция, ожидания от которой оправдываются;
- истина – это утверждение, соответствующее действительности;
- истина – это знание, полезное на практике?

93. Что из перечисленного (с точки зрения нашего курса) не может обладать истинностью или ложностью:

- суждение;
- умозаключение;
- восприятие;
- теория?

94. Применимо ли к интеллигибельным конструктам понятие истины? (Да/нет.)

95. Какое из приведенных ниже суждений наиболее приемлемо?

- истина и правда – два не связанных друг с другом понятия;
- истина и правда гносеологически – одно и то же;
- понятие «правда» – это экзистенциальная параллель гносеологического понятия «истина»?

96. Согласно классической концепции истины истинное суждение должно соответствовать:

- чувственным данным;
- действительности. (Что верно?)

97. Истинность теорий проявляется:

- в её соответствии чувственным данным;



- в том, что она имеет эмпирические интерпретации;
- в том, что она внутренне непротиворечива;
- понятие «истина» неприменимо к теории. (Какие варианты ответа верны?)

98. Соотнесите высказывания и именованные концепции истины:

- это утверждение верно, так как согласуется с реальным положением дел;
- эта теория верна, так как все её положения полностью согласуются между собой;
- эта формулировка закона верна, так как все физики с ней согласны;
- эта идея истинна, так её применение привело к успеху;
- атомистическая теория верна, так как она успешно использована в создании атомных реакторов;
- классическая теория истины;
- конвенционалистская теория истины;
- марксистская теория истины;
- прагматистская теория истины;
- концепция когерентности.

99. Релятивизм в теории познания это:

- отрицание возможности познания объективной истины;
- утверждение, что всякая истина конкретна;
- отрицание возможности достижения абсолютной истины. (Что верно?)

100. Назовите четыре характеристики истины в марксистской концепции истины. (Устный ответ.)

101. Региональный критерий истины это:

- критерий, применимый в рамках какой-нибудь отдельной науки;
- критерий, применимый к какому-либо типу знания. (Что верно?)

102. Если какое-либо положение признается истинным на основе того, что оно непротиворечиво вошло в уже принятую теорию, то какой критерий при этом используется и в рамках какой общей концепции:

- универсальный;
- региональный;
- классическая;
- конвенционалистская;
- когерентная;
- прагматистская?

103. В каком отношении находятся *истинность* теории и *приемлемость* теории:

- между истинностью и приемлемостью нет разницы;
- всякая приемлемая теория является истинной;
- всякая истинная теория приемлема, но не всякая приемлемая теория истинна;

-- ни одно из этих утверждений не верно?

104. Соотнесите наименования типов наук с их характеристиками:

- прикладные науки;
- эмпирические науки;
- теоретические науки;
- стремятся получить знания, непосредственно пригодные для практического использования;
- имеют дело лишь с конструктами нашей мысли;
- описывают только то, что непосредственно дано в опыте.

105. Соотнесите именованные учения о науке с высказываниями о науке:

- философия науки;
- социология науки;
- науковедение;
- научные парадигмы сменяются революционно;
- наука отвечает характеристикам социального института;
- по индексу цитирования можно определить авторитет ученого.

106. Укажите *необязательные* (в гносеологическом аспекте) характеристики *научности* исследования:

- существенность объекта или проблемы;
- наличие отрефлексированных методов;
- точность полученного результата;
- строгая определенность поставленной задачи;
- эмпирическое подтверждение результата;
- повторяемость исследования и проверяемость результата как основная установка.

107. Назовите наименования моментов организации научного исследования. (Устный ответ.)

108. Существенность объекта исследования и актуальность проблемы это:

- гносеологическое требование к научному исследованию;
- социальное требование к научному исследованию. (Что верно?)

109. Что может быть предметом научного познания с точки зрения Аристотеля:

- все, что угодно;
- только существенное;
- только необходимое. (Что верно?)

110. Принципы наблюдаемости в познании природы это:

- требование, чтобы объектом научного исследования было только то, что фактически наблюдается в качестве объекта;
- требование, чтобы идеальный конструкт как результат исследования имел физическую интерпретацию, использование которой вело бы к по-

лучению теоретически предсказанных наблюдаемых явлений или значений. (Что верно?)

111. Что является эквивалентом принципа наблюдаемости в социально-гуманитарных науках:

- требование, чтобы предсказанное событие или свойство реализовалось и было фактически наблюдаемо;
- требование исследовать материальные (физически существующие) стороны социальных явлений и событий;
- принцип наблюдаемости в общем случае к социальным наукам не применим?

112. Как соотносятся референты понятий «научное познание» и «научное исследование»? Укажите наиболее подходящую характеристику:

- как целое и часть;
- как род и вид;
- как процесс и составляющая (момент) этого процесса.

113. Назовите 7 моментов (этапов) научного эмпирического исследования? (Устный ответ.)

114. Какова роль изучения количественных параметров в научном познании:

- это существенная интенция научного интереса;
- это совершенно необходимая компонента научного знания;
- это условие возможности построения строгой теории;
- это обязательная компонента в естественных науках, но она не имеет значения в гуманитарных. (Укажите правильные ответы.)

115. Назовите уровни научного познания и знания.

116. Возможно ли предъявлять требование *повторимости* исследования как критерия проверяемости в социологической науке:

- невозможно;
- возможно в полной мере;
- возможно в ограниченной мере? (Что верно?)

117. Является ли требование повторимости исследования:

- универсальным;
- региональным;
- внеисторическим;
- исторически меняющим значение? (Укажите правильные ответы.)

118. Назовите 6 критериев вероятной истинности научного построения. (Устный ответ.)

119. Назовите основные методы эмпирического исследования в естественных науках.

120. Назовите 6 основных методов теоретического исследования в естественных науках. (Устный ответ.)

121. Назовите 3 типа мышления, используемого в науке.

122. Какие из названных ниже типов мышления можно использовать в социологическом познании:

- каузальное;
- телеологическое;
- вероятностное?

123. Назовите 6 основных методов научного мышления. (Устный ответ.)

124. Научный факт – это:

- нечто, имеющее место или случившееся в действительности;
- дескрипция некоторого объекта, свойства или соотношения, имевших место в наблюдении;
- обоснованная дескрипция чего-либо, что утверждается как несомненность. (Что верно?)

125. Какие из приведенных утверждений верны:

- в познании факты предшествуют теории и не зависят от неё;
- научные факты и научные теории коррелятивны друг другу;
- научные факты являются следствием теории;
- теория может способствовать получению новых научных фактов?

126. Является ли утверждение «Луна вращается вокруг Земли» научным фактом и зависит ли оно от какой-либо теории:

- да, нет;
- зависит, не зависит?

127. Назовите 5 основных форм представления научного знания. (Устный ответ.)

128. Какое положение, из приведенных ниже, наиболее приемлемо:

- теория есть интерпретация фактов;
- теория есть обобщение фактов;
- множество фактов есть интерпретация теории;
- система фактов может быть интерпретацией теории?

129. Научный факт – это:

- нечто реально случившееся;
- форма представления знания. (Что верно в гносеологическом смысле?)

130. Осмысленно ли понятие «теоретический факт»? (Да/нет.)

## ЛИТЕРАТУРА

### Классическая литература (в хронологическом порядке)

- Демокрит. Фрагменты // Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита, Эпикура. М., 1955.*
- Платон. Кратил // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 1.*
- Платон. Тезет // Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2.*
- Аристотель. Метафизика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. М., 1976. Т. 1.*
- Секст Эмпирик. Пирроновы основоположения // Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. М., 1975. Т. 1.*
- Бэкон Фр. Новый органон (афоризмы об истолковании природы и царстве человека // Фр. Бэкон. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 2.*
- Декарт Р. Правила для руководства ума // Р. Декарт. Избранные произведения. М., 1950.*
- Декарт Р. Рассуждение о методе // Р. Декарт. Избранные произведения. М., 1950.*
- Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Дж. Локк. Собр. соч.: В 3 т. М., 1985. Т. 1, 2.*
- Локк Дж. Опыт о законе природы. Разд. II-IV // Дж. Локк. Собр. соч.: В 3 т. М., 1988. Т. 3.*
- Юм Д. Исследование о человеческом познании // Д. Юм. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 2.*
- Юм Д. Трактат о человеческой природе или попытка применения на опыте метода рассуждения к моральным предметам. Ч. IV: О скептицизме и других философских системах // Д. Юм. Соч.: В 2 т. М., 1965. Т. 2.*
- Кант И. Критика чистого разума // И. Кант. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т. 3.*
- Гегель Г. Наука логики. М.: Мысль, 1999.*
- Гегель Г. Кто мыслит абстрактно? // Работы разных лет: В 2 т. М.: Мысль, 1972. Т. 1.*
- Фейербах Л. Основные положения философии будущего // Л. Фейербах. Избранные философские произведения. М., 1955.*
- Фейербах Л. Против дуализма тела и души, плоти и духа // Л. Фейербах. Избранные философские произведения. М., 1955.*
- Спенсер Г. Классификация наук. М., 2001.*
- Гуссерль Э. Логические исследования // Э. Гуссерль. Логические исследования. Минск; Москва, 2000.*
- Гуссерль Э. Картезианские размышления // Э. Гуссерль. Логические исследования. Минск; Москва, 2000.*
- Ортега-и-Гассет Х. Истина как согласие человека с самим собой // Х. Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М., 2000.*
- Ортега-и-Гассет Х. Идеи и верования // Х. Ортега-и-Гассет. Эстетика. Философия культуры. М., 1991.*
- Рассел Б. Человеческое познание. Его сферы и границы. М., 2000.*

*Хайдеггер М.* Наука и осмысление // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993.

*Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. М., 1991.

*Эйнштейн А., Инфельд Л.* Эволюция физики. М., 1965.

*Эйнштейн А.* О науке // А. Эйнштейн. Собрание научных трудов. М., 1967. Т. 4.

### **Основные учебные пособия и монографии**

*Бондаренко Л.Ю., Иванова В.С.* Методология и методика социологического исследования: Курс лекций. Томск, 2003.

*Иценко Е.М.* Современная эпистемология и гуманитарное познание. Гл. 1: Основные направления эпистемологических исследований в философии XX века. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2003.

*Козер Льюис А.* Мастера социологической мысли. Иден в историческом и социальном контексте. М., 2006.

*Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001.

*Меркулов И.Н.* Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход). СПб.: Изд-во РХГИ, 2003. Т. 1.

*Микешина Л.А.* Философия познания. Полемические главы. М., 2002.

*Пирогов С.В., Поправко Н.В., Рыкун А.Ю.* Общая социология: Учеб. пособие. Томск, 2004.

*Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983.

### **Статьи для обсуждения на семинарах, подготовки докладов и рефератов**

*Александр Дж.* Теория // Социология. 2005. № 18–19.

*Антоновский А.Ю.* Начало социознания: Эмиль Дюркгейм // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 15, № 6.

*Вебер М.* «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Теоретическая социология. Антрология. М., 2002. Ч. 1. С. 147–216.

*Гинзбург В.Л.* Замечания в связи с Энцикликой Папы Иоанна Павла II «Вера и разум» // Здравый смысл. 1999. № 13.

*Даммит М.* Истина // Аналитическая философия. М., 1998.

*Деннет Д.* Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно? // Вопросы философии. 2001. № 8.

*Зандюлер Х.Й.* Репрезентация, или Как реальность может быть понята философией // Вопросы философии. 2002. № 9.

*Здравомыслов А.Г.* Социология как жизненное кредо // Социологический журнал. 2006. № 3/4.

*Ильинков Э.В.* Знание и мышление // Перемены. 2007. № 6.

*Касавин И.Т.* Наука и иные типы знания // Эпистемология и философия науки. 2002. Т. 4, № 2.

- Касавин И.Т.* Социальная эпистемология: понятие и проблемы // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 7, № 1.
- Качанов Ю.Л.* Философы и софисты об истине и заблуждении // Социс. 2005. № 9.
- Коген Г.* Трансцендентальный метод // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5, вып. 3–4.
- Кодекс этики Международной социологической ассоциации* // Социс. 2007. № 11.
- Кротков Е.А., Носова Т.В.* Диагностическое познание // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10, № 4.
- Лебедев С.А.* Структура научного знания // Философские науки. 2005. № 10
- Левин Г.Д.* Классическая теория истины и парадокс «лжец» // Эпистемология и философия науки. 2008. Т. 15, № 1.
- Лоренц Конрад.* Кантовская концепция а priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. М., 2000.
- Luhmann N.* «Was ist der Fall?» und «Was steckt dahinter?» Die zwei Soziologien und die Gesellschaftstheorie. Bielefeld, 1993. S. 4–24.
- Мамчур Е.А.* О дополнительности социологического и эпистемологического подхода к научному знанию // Эпистемология и философия науки. 2007. № 4.
- Обсуждаем статью «Теория»* // Эпистемология и философия науки. 2002. Т. 4, № 2.
- Овчинников Н.Ф.* Знание – болевой нерв философии // Вопросы философии. 2001. № 1, 2.
- Опасность креационизма для образования. Резолюция 1580 (2007) Парламентской ассамблеи Совета Европы* // Здравый смысл. Весна 2008. № 2. Режим доступа: <http://assembly.coe.int>
- Порус В.Н.* Гносеология в ретроспективе и перспективе // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 2, № 2
- Порус В.Н.* Как возможна социальная эпистемология? // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 15, № 6.
- Режабек Е.Я.* Как возможно познание внешнего мира? К критике философского конструктивизма. Ч. 1 // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 9, № 3; Ч. 2 // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10, № 4.
- Речкин М.* Наука – это добро или зло? // Свет. Природа и человек. 2007. № 6.
- Розин В.М.* К проблеме демаркации естественных и гуманитарных наук, а также куда мы должны отнести космологию // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. 11, № 1.
- Сорокин П.* Три системы истины // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 470–473.
- Тевено Л.* Прагматика познания. Введение: исследование связи между познанием, коллективностью и практикой // Социологический журнал. 2006. № 1–2, 3–4.
- Ульяновский А.М.* Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10, № 4.
- Фейрабенд П.* Как защитить общество от науки // Эпистемология и философия науки. 2002. Т. 3, № 1.
- Фоллмер Г.* Конец науки? Размышления о книге Д. Хоргаана «Конец науки» // Эпистемология и философия науки. 2004. Т. 2, № 2.

- Харре Р.* Конструкционизм и основания знания // Вопросы философии. 2006. № 11.
- Швырëв В.С.* От классики к современному конструктивизму // Философские науки. 2008. №3.
- Шелер М.* Социология знания // Теоретическая социология. Антология. М., 2002. Ч. 1. С. 350–374.
- Штомпка П.* Формирование социологического воображения. Значение теории // Социс. 2005 № 10.
- Шюц А.* Формирование понятий и теорий в социальных науках // Шюц А. Избранное. Мир, священный смыслом М., 2004.
- Щедровицкий Г.П.* Схемь мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Системные исследования. 1986. М., 1986.
- Юлина Н.С.* Деннет versus Рорти // Системные исследования, 1999 М., 2001. С. 100–122.

### Дополнительная научная литература

- Боргер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.
- Бурдьё П.* Практический смысл. СПб.: Алтейя, 2001.
- В поисках теории развития науки.* М., 1982.
- Гарднер Г.* Структура разума. Теория множественности интеллекта. Москва, Санкт-Петербург; Киев, 2002.
- Курашов В.И.* Prima elementa научного познания. Казань, 1998.
- Мамчур Е.А.* Объективность науки и релятивизм. К дискуссии в современной эпистемологии. М., 2004.
- Матурана У., Варела Ф.* Древо познания. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
- Миллз Ч.* Социологическое воображение. М., 1998.
- Морено Я.Л.* Социометрия: экспериментальный метод и наука об обществе. М., 2004.
- Патнем Х.* Разум, истина и история. М., 2002. С. 102.
- Рорти Р.* Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997.
- Сыров В.Н.* Введение в философию истории: своеобразие исторической мысли. М., 2006.
- Фуко М.* Археология знания СПб., 2004.
- Чешев В.В.* Проблема познания в философии. Томск, 2003.
- Штомпка П.* Визуальная социология. Фотография как метод исследования: Учеб. / Пер. с польского. М.: Логос, 2007. С. 150.
- Элен П.* Удивление – пафос философской мысли // Разум и экзистенция. СПб., 1999.



## ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

авторов, чьи разработки в области проблем познания  
нашли наибольшее отражение в данном пособии  
(с точки зрения использования их идей  
и с точки зрения их критики)

### До начала XX в. (в хронологическом порядке)

**Демокрит** – греческий философ V–IV вв. до н.э., материалист, создатель атомистического учения. Понимал познание как получение нашим сознанием копий из внешнего мира.

**Платон** – греческий философ V в. до н.э., один из величайших философов в истории, положивший начало онтологии и философскому спекулятивному методу мышления. Понимал познание как воспоминание.

**Аристотель** – греческий философ IV в. до н.э., один из величайших философов в истории, энциклопедист, один из основоположников метафизики, основоположник логики и ряда наук. Развивал идею познания как отражения и классическую концепцию истины как соответствия идей вещам.

**Пиррон** – греческий философ IV–III вв. до н.э., родоначальник традиции скептицизма в философии.

**Секст Эмпирик** – греческий философ III в. н.э., систематизатор идей скептицизма.

**Фома Аквинский** – крупнейший богослов и философ XIII в., подытоживший тысячелетнюю историю средневековой религиозной философии. Основатель *томизма*, признанного католической церковью (в XIX в.) под именем неотомизма в качестве официальной идеологии. В области проблем познания отстаивал идею гармонии веры и разума (знания).

**Бэкон Френсис** – английский философ XVI–XVII вв., родоначальник эмпиризма нового времени, одним из первых предпринял попытку исследования *научного познания* и научных *методов*.

**Декарт Рене** – выдающийся французский математик и философ XVII в., основоположник рационализма нового времени, один из крупнейших философов в истории. В области проблем познания предпринял попытку систематического анализа методов *научного мышления*, интеллектуальной деятельности вообще (работы «Правила для руководства ума», «Рассуждение о методе»).

**Кант Иммануил** – немецкий философ XVIII в., один из крупнейших философов в истории, родоначальник так называемой немецкой класси-

ческой философии, основоположник трансцендентализма и критицизма в философии. В области проблем познания разрабатывал вопросы природы знания как такового, предприняв попытку преодоления односторонностей эмпиризма и рационализма; обосновал возможность объективного, общего и необходимого научного знания, обосновал идею активности субъекта в познании; указал границы чисто теоретического (спекулятивного, в его терминологии «чистого») разума.

**Гегель Георг** – немецкий философ XIX в., один из крупнейших философов в истории, создавший грандиозную философскую систему и диалектический метод философского мышления. В области проблем познания был крайним рационалистом, не сомневался в возможности достижения абсолютной истины. Философское познание считал высшей формой познания.

**Маркс Карл** – один из крупнейших немецких экономистов и философов XIX в., создатель идеологии, получившей наименование «марксизм», оказавшей значительное влияние на общественно-политическую и духовную жизнь общества в XIX–XX вв. В области проблем познания выдвинул идеи о социально-исторической обусловленности познания, о практике как критерии истины, о материальной практике как сфере разрешения проблем, не разрешимых чисто теоретическим путем.

**Конт Огюст** – французский философ первой половины XIX в. В области проблем познания выдвинул идею и отстаивал приоритет «позитивного», т.е. проверяемого в опыте знания. На этой основе стал основоположником позитивизма в философии и предложил идею социологии как позитивной науки.

**Фейербах Людвиг** – немецкий философ-материалист середины XIX в., критик христианства, один из основоположников «философии диалога». В области проблем познания отстаивал идею безусловной познаваемости мира, опираясь на идею единства телесного и духовного, чувств и интеллекта.

**Вебер Макс** – немецкий философ и крупнейший социолог конца XIX – начала XX в. Внес заметный вклад в методологию социологического мышления, в вопросы соотношения эмпирического и теоретического знания (представленного в концепте «идеальных типов»), в проблематику культурной обусловленности знания.

## **XX в. и современность (в алфавитном порядке)**

**Дэннет Д.** – современный американский философ, представитель аналитической философии.

**Касавин И.** – известный современный отечественный философ, профессор, редактор журнала «Эпистемология и философия науки».

**Лекторский В.А.** – известный современный отечественный философ, профессор, редактор журнала РАН «Вопросы философии».

**Ленин В.И.** – создатель коммунистической партии в России, руководитель Октябрьской революции и первого Советского правительства. В первое десятилетие XX в. занимался философией с целью «защиты» чистоты марксизма. Его работы «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» (конспекты различных философских произведений с пометками, замечаниями и т.п., изданные отдельной книгой) стали идеологической основой официальной «философии марксизма» 30–80-х гг. XX в.

**Лоренц К.** – крупный биолог XX в., этолог, лауреат Нобелевской премии в области биологии, основоположник эволюционной эпистемологии.

**Лумаи Н.** – известный современный немецкоязычный социолог.

**Меркулов И.Н.** – известный современный отечественный философ разработавший концепцию эволюционной эпистемологии.

**Микешкина Л.А.** – известный современный отечественный философ, автор крупных работ по философии познания.

**Поппер К.** – крупный английский философ XX в., оказавший значительное влияние на разработку вопросов теории познания, представитель эволюционной эпистемологии.

**Порус В.Н.** – известный современный отечественный философ, профессор, заместитель главного редактора журнала «Эпистемология & философия науки».

**Режабек Е.Я.** – известный современный отечественный философ, профессор.

**Рорти Р.** – американский философ второй половины XX в., представитель неопрагматизма, один из активнейших критиков классической теории познания и всей классической философии в целом.

**Стёпин В.С.** – крупный современный отечественный философ, директор Института философии РАН, основная область творчества – логика и методология научного познания.

**Тевено Л.** – современный французский социолог.

**Гуссерль Э.** – немецкий философ конца XIX – первой половины XX в., основоположник *феноменологической философии* В проблематике познания обосновывал значение очевидности, освобождения логики от психологизма, укоренённости теоретических построений в «жизненном мире».

**Хайдеггер М.** – крупнейший немецкий философ XX в., создавший оригинальное учение о бытии, оказавшее сильное влияние на последующую европейскую философию и культуру.

**Шюц А.** – австрийский философ-социолог XX в., работал в США, основатель феноменологической социологии, активно разрабатывал вопросы социального познания.

**Щедровицкий Г.П.** – крупный отечественный философ второй половины XX в., занимался вопросами методологии познания, системного метода, деятельностной природы мышления, ввел идеи мыследеятельности и схем мыследеятельности.

## СЛОВАРЬ НЕОБХОДИМЫХ ПОНЯТИЙ

- Агностицизм** – философская концепция, утверждающая невозможность познания сути бытия и недостоверность интеллигибельных объектов.
- Антропoаксиология** – в данном курсе – совокупность философских дисциплин, изучающих проблемы человека и его ценностей.
- Априори** – понятие трансцендентальной философии (кантовской, гуссерлевской), означающее первичные исходные познавательные формы, делающие возможным опыт как нечто организованное.
- Архетип** – прообраз, возникающие в индивидуальном сознании априорные первообразы коллективного бессознательного как источники активности воображения. В этой функции участвуют в процессе познания.
- Атрибут** – неотъемлемое свойство субстанции или какой-либо вещи.
- Божественное откровение** – согласно богословским представлениям – акт, в котором Бог открывает человеку истину, минуя все естественные познавательные способности/
- Бытие** – фундаментальное, исходное понятие философии, обозначающее у разных философов либо *существование* как таковое, либо *все существующее*, либо *основу* всего существующего. Конкретное понимание бытия у разных философов различно.
- Вера** – принятие какой-либо идеи без подтверждения опытом и без доказательства.
- Верифицируемость** – свойство научных идей, заключающееся в том, что они могут быть проверены в опыте, сведены к протокольным предложениям (предложениям наблюдения). Требование верифицируемости – принцип демаркации научных идей и теорий от теологических и философских теорий, которые не верифицируемы. Сформулирован в логическом позитивизме.
- Восприятие** – чувственное «схватывание» свойств мира субъектом познания, основа опыта. В восприятии создается чувственный образ предмета.
- Воображение** – фундаментальная познавательная способность, позволяющая формировать чувственные образы предметов, не данных в опыте, и новые интеллектуальные конструкты.
- Гипостазирование** – представление абстрактного понятия, существующего лишь в мысли, в качестве существующего вне мысли.

**Гипотеза ad hoc** – не доказанное предположение о существовании какого-либо объекта или объектов, существование которых объясняло бы наблюдаемые непонятные явления.

**Гносеология** – философское учение о познании.

**Дескрипция** – букв. «описание», выражение в некоторой знаковой форме какой-либо мысли. Любые представления знания суть дескрипции.

**Детерминированность** – причинная или иная *обусловленность* какого-либо природного или социального явления.

**Диалог** – интеллектуальное общение между двумя субъектами (индивидами, группами, организациями, культурами и т.д.). Отличается от *спора* тем, что в диалоге главной целью является стремление *понять* точку зрения другой стороны, а не во что бы то ни стало её опровергнуть.

**Докса** (греч.) – субъективное, необоснованное мнение.

**Закон** – 1. Объективный закон – устойчивая существенная регулярность, связь между явлениями, свойствами, параметрами и т.п. 2. Закон как форма представления знания – дескрипция, обозначающая и выражающая объективный закон. Открытие законов и построение дескрипций закона – важнейшая задача научного познания.

**Знание** – философское понятие, основное понятие эпистемологии, означающее результат познавательного отношения человека к миру, интериоризованные в сознании свойства внешнего мира, представленные в форме мыслительных конструктов.

**Интеллект** – естественное человеческое средство познания: способность мышления, реализующаяся в построении мыслительных конструктов и оперировании с ними.

**Интенциональность** – свойство знания, заключающееся в том, что оно всегда предметно, всегда знание чего-то.

**Интенция** – направленность.

**Интериоризация** – введение, включение внутрь. Например, в гносеологии: познание есть введение в сознание свойств внешних вещей в виде идеальных образов.

**Идолы** – понятие в философии Фр. Бэкона, означающее естественные заблуждения, к которым склонен человеческий разум и которые препятствуют достижению истины: идолы рода, идолы пещеры, идолы площади и идолы театра.

**Интериоризация** – «включение внутрь». Познание есть интериоризация внешнего мира в сознание человека.

**Интуиции** – познавательная способность субъекта-индивида, посредством которой знание приходит как «догадка» в противовес логическому выводу.

- Истина** – одно из основных понятий классической теории познания, означающее соответствие знаний реальности.
- Канон** – совокупность правил. Например, совокупность требований формальной логики есть канон рассудочного мышления.
- Категории** – в логико-философском смысле – универсальные априорные формы рассудочного мышления и бытия; в гносеологии – категориальные схемы мыслительности.
- Когнитивная схема** – схема, отображающая какой-либо познавательный образ.
- Конструктивизм в гносеологии** – современное направление в теории познания, исходящее из отказа постулировать существование предметов в том виде, как они предстают в результате познания. Познание рассматривается не как отражение, а как конструирование мира.
- Логический позитивизм** – философское направление первой трети XIX в., активно разрабатывавшее проблемы научного познания и языка философии и науки.
- Марксизм** – общественно-политическое и экономическое учение, возникшее в середине XIX в. в Германии (основоположники – К. Маркс и Ф. Энгельс), ставшее международным и оказавшее сильное влияние на общественную жизнь и культуру XIX–XX столетий. В гносеологии марксистской философии выдвинуты идеи историзма познания и его форм, диалектичности истины и практики как критерия истины.
- Менталитет** – понятие философии, социальной психологии и культурологии, означающее особенность умственного «устройства» народа, социальной группы или личности, духовно-нравственных ориентаций в некотором «среднем» виде.
- Метод** – четко артикулированный способ какого-либо действия, в том числе – познавательного действия. Только познание, опирающееся на ясно отрефлексированные методы, может считаться научным.
- Методология** – 1. Методология какого-либо исследования – совокупность принципиальных общих установок, на которые это исследование опирается. 2. Методология науки – область эпистемологического знания, изучающая область мировоззренческо-методологических оснований всякого научного знания. 3. Философское учение о методах вообще, прежде всего, о методах философского мышления.
- Модус** (акциденция) – понятие классической метафизики, обозначающее временное, не необходимое свойство или проявление субстанции или какой-либо вещи.
- Номадология** – философская теория, которая задает видение мира как аструктурного (бесструктурного), децентрированного, в котором господствует случайность любого единичного события.

- Онтология** – учение о бытии, центральная область философского знания.
- Объект познания** – то, на что направлена познавательная активность субъекта познания. Объектом познания может быть не только физически существующее или социальные отношения, но также и духовные явления и процессы, мыслительные конструкты, прошлое, будущее (то есть то, чего физически уже или ещё нет).
- Обыденное познание** – повседневное познание как процесс спонтанного фиксирования свойств того, что попадает в «поле зрения» и внимания. Осуществляется постоянно, является атрибутом человека.
- Опыт** (греч. ἐμπειρία) – одно из основных понятий теории познания, обозначающее познание, непосредственно опирающееся на показания органов чувств.
- Отражение** – фундаментальное понятие любой реалистической гносеологии, в особенности марксистской, обозначающее как функцию, так и природу чувственных и интеллигибельных содержаний нашего сознания, представляя их как коррелятивных содержанию внешнего мира. Активно критикуется и отвергается представителями субъективистской и конструктивистской гносеологии.
- Познавательный образ** – понятие гносеологии, обозначающее элемент знания, фрагмент содержания сознания, переживаемый субъектом как коррелятивный некоторому фрагменту реальности.
- Познание** – одна из форм связи человека с миром (наряду с практическим и экзистенциальным отношением), заключающаяся в интериоризации свойств мира в сознание человека.
- Причина** – нечто, порождающее, уничтожающее или изменяющее другое нечто. Открытие, обнаружение причины чего-либо – частая задача и обыденного, и научного познания.
- Разум** – в *широком* смысле – экзистенциальная особенность человека, заключающаяся в способности к упорядоченно-организованному мышлению и действию; в *узком* смысле – отличная от рассудка, высшая интеллектуальная способность схватывать предмет в его противоречивости и предельной абстрактности: единство интуиции и воображения.
- Рассудочное мышление** – мышление, строго подчиняющееся законам и формам формальной логики.
- Рационализм** – философская позиция: 1. В онтологическом плане представляющая мир как «разумно устроенный» (логос). 2. В гносеологическом аспекте – отдающая приоритет в достижении истины разуму (интеллекту, мышлению). 3. В методологическом плане полагает возможным получение знания без обращения к опыту (на основе врож-



денных идей или интеллектуальной интуиции). В онтологическом плане противостоит иррационализму, в гносеологическом – сенсуализму, в методологическом – эмпиризму.

**Реификация** – неосознаваемый процесс превращения в «вещь» продуктов интеллектуальной человеческой деятельности.

**Релятивизм** – гносеологическая концепция, утверждающая относительность всякого знания, вследствие чего оно рассматривается как не-объективное.

**Референт** – составляющая всякого познавательного образа, то, что мыслится как метафизически реальный или как «имеемый в виду» источник этого образа.

**Рефлексия** – обращенность мышления на себя; в широком смысле – осознанное, тематическое рассмотрение какого-либо вопроса.

**Ризома** – понятие номадологии, обозначающее представление всякого единичного целого как своеобразного спутанного «корневища», способного спонтанно давать новые «ростки» в неожиданное время в не-ожиданном месте. Образно выражает идею аструктурности и ацентрированности всякого единичного целого.

**Свойство** – фундаментальная логико-онтологическая и гносеологическая категория, обозначающая способность вещи в определенном отношении обнаружить себя определенным образом. Например, по отношению к удару стекло обнаруживает себя как хрупкое, а по отношению к свету как прозрачное. Обнаружение свойств – одна из важных задач познания.

**Скептицизм** – гносеологическая позиция, заключающаяся в сомнении в возможности достичь объективного (достоверного) знания. Античный скептицизм исходит из того факта, что всякое восприятие индивидуально и субъективно, следовательно, опирающее на него знание есть лишь субъективное мнение. Более поздний скептицизм приводит и другие аргументы, ведущие к тому же выводу.

**Смысл** – компонента любого познавательного образа, совокупность определений, которыми субъект познания наделяет референт познавательного образа (мыслит в нём).

**Социальная память** – сведения (знания), сохраняемые в объективированной знаковой форме и в принципе доступные для использования индивидами.

**Социогенез** – исторический процесс возникновения общества (социума).

**Спонтанность** – не детерминированное внешними факторами, самопроизвольное возникновение чего-либо.

- Структура** (строение) – фундаментальная логико-онтологическая и гносеологическая категория, обозначающая наличие в объекте познания некоторых частей и связей между ними. Открытие и исследование структуры объекта – одна из распространенных и важных задач научного познания.
- Субстанция** – термин классической метафизики, обозначающий абсолютное, вечное, неизменное, ни от чего не зависящее активное начало всего. Коррелятивно понятиям «атрибут» и «модус».
- Субъект** – термин, обозначающий: 1. В *онтолого-метафизическом* смысле Я как самость, как основание бытия. 2. В *гносеологическом* смысле – познающего человека. 3. В *социологическом* смысле субъектом деятельности (в том числе познавательной) может быть названа группа, социальный институт и т.п. 4. В *логическом* смысле – то, о чем осуществляется суждение (от лат. *subjectum* – подлежащее, лежащее в основе).
- Существование** – логико-онтологическая категория, обозначающая «свойство» мыслимого предмета быть обнаруженным в опыте человека. Одна из частых задач научного познания – обнаружение существования того или иного мыслимого предмета. Теоретические конструкции обретают существование через их построение.
- Схемы мыследеятельности**: трансцендентальное условие интеллектуальной познавательной деятельности: первичные идеи, образующиеся в процесс овладения языком и начальных повседневных знаний. Представляют как истинное, так и ошибочное знание.
- Сциентизм** – мировоззренческо-методологическая позиция, заключающаяся в абсолютизации роли науки в человеческом постижении мира, в признании того, что наука всё может и должна объяснить.
- Текст** – в гносеологическом аспекте – форма бытия всякого объективированного знания.
- Тематизация** – выделение какого-либо вопроса, проблемы, темы в качестве предмета целенаправленного изучения, исследования.
- Теория** – совокупный познавательный образ множества свойств, отношений и закономерностей какой-либо объектной области, состоящий из множества дескрипций, хотя бы частично связанных отношениями выводимости. Наиболее развернутая и обоснованная форма представления научного знания.
- Томизм** – философское учение Фомы Аквинского (XIII в.). Неотомизм является (с XIX в.) официальной идеологией католической церкви.
- Трансцендентальная проблема** – философский вопрос о том, как возможно познание при условии разъединенности субъекта и объекта по-

знания. Попытка ее решения в общем виде привела к возникновению трансцендентальной философии.

**Трансцендентальная эпистемология** – теория познания, развитая И. Кантом, исходящая из того, что предметом и делом теории познания должны являться априорные условия познания. Некоторые черты трансцендентальной философии можно найти у античных философов. В новейшее время трансценденталистский подход характерен для феноменологии Гуссерля.

**Трансцендентальный субъект** – понятие кантианства и феноменологии, обозначающее абстракцию познающего субъекта, обладающего априорными формами познавательных способностей.

**Тропы** – аргументы против возможности объективного познания, разработанные античными скептиками (Пиррои, Энезидем, Секст Эмпирик).

**Факт** – для обыденного сознания: нечто несомненно случившееся, несомненно имеющее место в действительности; для научного сознания: простейшая форма научного знания, выражающая с несомненностью либо эмпирически подтвержденное обстояние дел на основе обобщения данных (эмпирический факт), либо обстояние дел, обоснованное логически из некоторых теоретических данных (теоретический факт).

**Фальсифицируемость** – свойство теории, позволяющее считать её научной (в противовес философии и теологии). Принцип фальсификации (К. Поппер) – принцип демаркации научных теорий от теологических и философских – требует для научной теории, чтобы были возможны пути её опровержения.

**Формальная логика** – научная дисциплина, созданная в IV в. до н.э. Аристотелем, изучающая формы рассудочного мышления, прежде всего формы умозаключений, позволяющие получать истинное знание из уже имеющегося истинного знания без обращения к опыту. Сегодня формальная логика существует в виде разнообразных систем символической логики.

**Фрейм** – когнитивная схема, позволяющая визуально представить координацию и субординацию содержательных блоков какой-либо сложной идеи.

**Фундаментальное онтологическое убеждение** – обыденное убеждение в том, что существует объективный (вне-, до- и после- нас) мир, и временно – мы в этом мире. Формируется на основе повседневной практики, но него стихийно ориентируется и научное познание.

**Фундаментальное гносеологическое убеждение** – обыденное убеждение в том, что люди способны познавать мир. Формируется на основе повседневной практики, но него ориентируется и научное познание.

- Чувственные архетипы** – трансцендентальные условия возможности познания субъекта-индивида: ни к чему не редуцируемые образы цветов, линий, фигур, звуков, запахов, формирующиеся в первичном (детском) опыте связи человека с миром.
- Эволюционная эпистемология** – гносеологическая концепция, исходящая из того, что естественные познавательные формы и способности человека возникают и развиваются в процессе возникновения и эволюции человека в качестве совершенствующегося средства адаптации человека к внешнему миру.
- Эвристичность** – полезность знаний в решении каких-нибудь задач. Эвристичными (способствующими успеху) могут быть идеи, методы, теории, «подталкивающие» деятельность воображения, интуицию. Эвристичность – фундаментальное свойство объективного знания.
- Экзистенция** – буквально – существование; в философии – присущий только человеку способ бытия, как бытия, знающего и переживающего себя.
- Экпликация** – пояснение, объяснение, не претендующее на раскрытие сущности объясняемого, но способствующее представлению его, отличению от чего-то другого, в том числе от похожего.
- Эмпиризм** – методологическая позиция в сфере понимания средств научного познания, заключающаяся в признании того, что источником и единственным средством проверки и обоснования научных знаний является опыт. Противостоит методологическому рационализму.
- Эпистеме** (греч.) – обоснованное, достоверное знание.
- Эпистемология** (буквально: учение о знании) – философское учение о познании и знании. В нашем курсе синоним понятий *гносеология*, *теория познания*.

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>Введение. Чем теория познания может быть полезна социологу и социальному работнику?</b> .....	3
<b>1. Основные составляющие философского знания</b> .....	7
1.1. Три аспекта отношения человека к миру .....	7
1.1.1. Практическое отношение .....	8
1.1.2. Экзистенциальное отношение .....	9
1.1.3. Познавательное отношение .....	9
1.1.4. Соотношение практического и познавательного отношений .....	10
1.2. Место гносеологической проблематики в философском знании .....	11
1.2.1. Онтология .....	11
1.2.2. Антропоаксиология .....	11
1.2.3. Гносеология .....	12
<b>2. Основные проблемы гносеологии</b> .....	14
2.1. Что такое познание? .....	14
2.1.1. Общая экспликация познания .....	14
2.1.2. Формы и типы познания .....	15
2.1.3. Познавательные интенции .....	17
2.1.4. Типы познавательных вопросов .....	18
2.2. Проблемы гносеологии .....	19
2.2.1. Основные (фундаментальные) проблемы гносеологии .....	20
2.2.2. Прагматические (прикладные, привходящие) проблемы гносеологии .....	20
<b>3. Типология и краткая история развития гносеологии</b> .....	21
3.1. Два основных этапа развития гносеологии .....	21
3.2. Два типа гносеологии .....	22
3.2.1. Натуралистическая эпистемология .....	22
3.2.2. Трансцендентальная эпистемология .....	25
3.3. Краткая история гносеологии .....	25
3.3.1. Античность (VI–III вв. до н.э.) .....	26
3.3.2. Средневековье (IV–XIV вв. н.э.) .....	30
3.3.3. Новое время (XVII–XVIII вв.) .....	31
3.3.4. Новейшее время (XIX – первая половина XX в.) .....	36
3.3.5. Современность (конец XX – начало XXI в.) .....	37
<b>4. Познавательное отношение и трансцендентальная проблема</b> .....	44
4.1. Проблема познаваемости мира .....	44
4.1.1. Критика аргументации скептиков и агностиков .....	45
4.1.2. Аргументы в пользу возможности познания .....	47
4.1.3. Трансцендентальные ограничения .....	50
4.1.4. Ограничения, вытекающие из масштабов мира .....	50

<b>5. Структура познавательного процесса .....</b>	<b>54</b>
5.1. Условия познания .....	55
5.1.1. Первое условие: фундаментальные убеждения .....	55
5.1.2. Второе условие: признание принципа отражения .....	57
5.2. Субъект познания .....	58
5.2.1. Современные представления о свойствах субъекта познания .....	59
5.2.2. Субъект-индивид .....	60
5.2.3. Субъект-сообщество .....	62
5.2.4. Социум как субъект познания .....	63
5.2.5. Особенности субъекта социологического познания .....	67
5.2.6. Критическое отношение к концепту субъекта познания .....	69
5.3. Объект познания .....	70
5.3.1. Иерархия объекта познания .....	71
5.3.2. Типы объектов познания .....	75
5.3.3. Своеобразие объекта социологического познания .....	77
5.3.4. Диалектика субъективного и объективного в познании .....	79
5.4. Цели познания .....	79
5.5. Средства познания .....	82
5.5.1. Понятие познавательного образа. Формы познавательного образа .....	82
5.5.2. Исходные познавательные средства субъекта-индивида .....	84
5.5.3. Трансцендентальные возможности субъекта-индивида .....	96
5.5.4. Методологические и методические возможности .....	104
5.5.5. Инструментальные средства познания .....	104
5.5.6. Память как средство и условие познания .....	107
5.5.7. Язык как средство и ограничение познания .....	110
5.5.8. Проблема откровения и веры в познании .....	112
5.5.9. Разум и интуиция .....	114
5.5.10. О роли переживаний в познании .....	115
5.6. Акты познавательной деятельности .....	117
5.7. Результат (продукт) познания .....	117
<b>6. Категория «знание» .....</b>	<b>122</b>
6.1. Обыденные представления о знании .....	122
6.2. Теоретические представления о знании .....	123
6.3. Характеристики знания, понимаемого философски .....	123
6.3.1. Интегральное определение знания .....	124
6.3.2. Свойства знания .....	124
6.3.3. Функции знания .....	126
6.3.4. Формы объективирования знания .....	126
6.3.5. Знание и истина .....	128
6.3.6. Знание и понимание .....	129
<b>7. Проблема истины .....</b>	<b>131</b>
7.1. История вопроса об истине .....	131
7.1.1. Экзистенциально-онтологическое понимание истины .....	132

7.1.2. Логико-гносеологическое понимание истины .....	133
7.2. Концепции истины и вопрос об их правомерности .....	135
7.3. Проблема объективности истины .....	147
7.4. Вопрос о критериях истины .....	151
7.5. Экзистенциальный аспект проблемы истины .....	160
7.6. Истинность, корректность, адекватность и аутентичность .....	161
7.7. Гносеологический и социокультурный аспекты истинности знания .....	162
7.8. Проблема истинности философских и теологических суждений .....	164
<b>8. Что такое научное познание и каковы его свойства и закономерности? .....</b>	<b>165</b>
8.1. Что такое наука .....	165
8.2. Проблема демаркации научного и ненаучного познания и знания .....	168
8.3. Требования к научности исследования .....	173
8.4. Критерии научности знания .....	175
<b>9. Методы научного познания и формы представления научного знания .....</b>	<b>178</b>
9.1. Соотношение понятий «познание» и «исследование» .....	178
9.2. Этапы организации научного исследования .....	179
9.2.1. Информационный поиск .....	180
9.2.2. О предметах научного исследования .....	181
9.3. Формы объективирования научного знания .....	182
9.4. Что такое метод научного познания? .....	186
9.4.1. Диалектика соотношения объект – метод – инструмент – знание .....	188
9.5. Уровни и формы научного познания .....	189
9.5.1. Эмпирический и теоретический уровни научного познания и знания .....	189
9.5.2. Методы эмпирического исследования .....	192
9.5.3. Формы представления результатов эмпирических исследований .....	201
9.5.4. Методы научного теоретического мышления .....	203
9.5.5. Формы представления результатов теоретических исследований .....	207
9.5.6. Соотношение эмпирического и теоретического уровней, фактов и теории .....	210
9.5.7. Понятие реальности в свете теоретической науки .....	211
<b>Задания для компьютерного тестирования .....</b>	<b>214</b>
<b>Литература .....</b>	<b>228</b>
<b>Именной указатель .....</b>	<b>232</b>
<b>Словарь необходимых понятий .....</b>	<b>236</b>

*Учебное издание*

**Альберт Николаевич Книгин**

**ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ**

*Учебное пособие*

Редактор – К.В. Полькина  
Оригинал-макет – А.И. Лелоюр  
Дизайн обложки – А.В. Бабенко

Подписано к печати 16.04.2009 г. Формат 60×84/16  
Бумага офсетная. Гарнитура Times.  
Усл. печ. л. 14,4. Тираж 65 экз. Заказ № 28.

Отпечатано на оборудовании  
редакционно-издательского отдела  
Томского государственного университета  
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36. Корп. 4 Оф 011  
Тел. 8+(382-2)-52-98-49